

2000
ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
Звездная Дорога
10
Наш подписной индекс 38429 в объединенном подписном каталоге (Том 1)
Г.Л.Олди
С.Логинов
А.Щупов
Р.Афанасьев
Василий КУПЦОВ
На международном фестивале «Звездный мост»
9 771607 255308
HTTP://rusf.ru/startrack

Журнал зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензирования Мин. печати, телерадиовещания, и средств массовой коммуникации РФ. Свидетельство ПИ №77-3212 от 20.04.2000
Лицензия Серия ИД № 02440 от 24.07.2000

В розницу цена свободная.

Адрес редакции:
143400, г. Красногорск, Моск. обл., ул. Ленина, д.53, офис 30.
Тел./факс 563-5554,
Почтовый адрес:
143400, Московская обл., Красногорск -8, а/я 105.
e-mail startrack@nm.ru
HTTP://rusf.ru/startrack

Редакторы:
Огай И.В., Кабанов С.В., Станкович В.В.
Формат 60x88/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 10.
Тираж 3000
Зак.№ 6465
Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ 140010, г.Люберцы, Моск. область, Октябрьский пр-т 403
Тел. 554-2186

10/2000
ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
Звездная Дорога
выходит один раз в месяц

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал «Звездная Дорога» извещает о наличии свободного **рекламного пространства** на своих страницах. Все заинтересованные в размещении рекламы могут обратиться в редакцию и получить необходимую консультацию.

В настоящий момент вакантны:

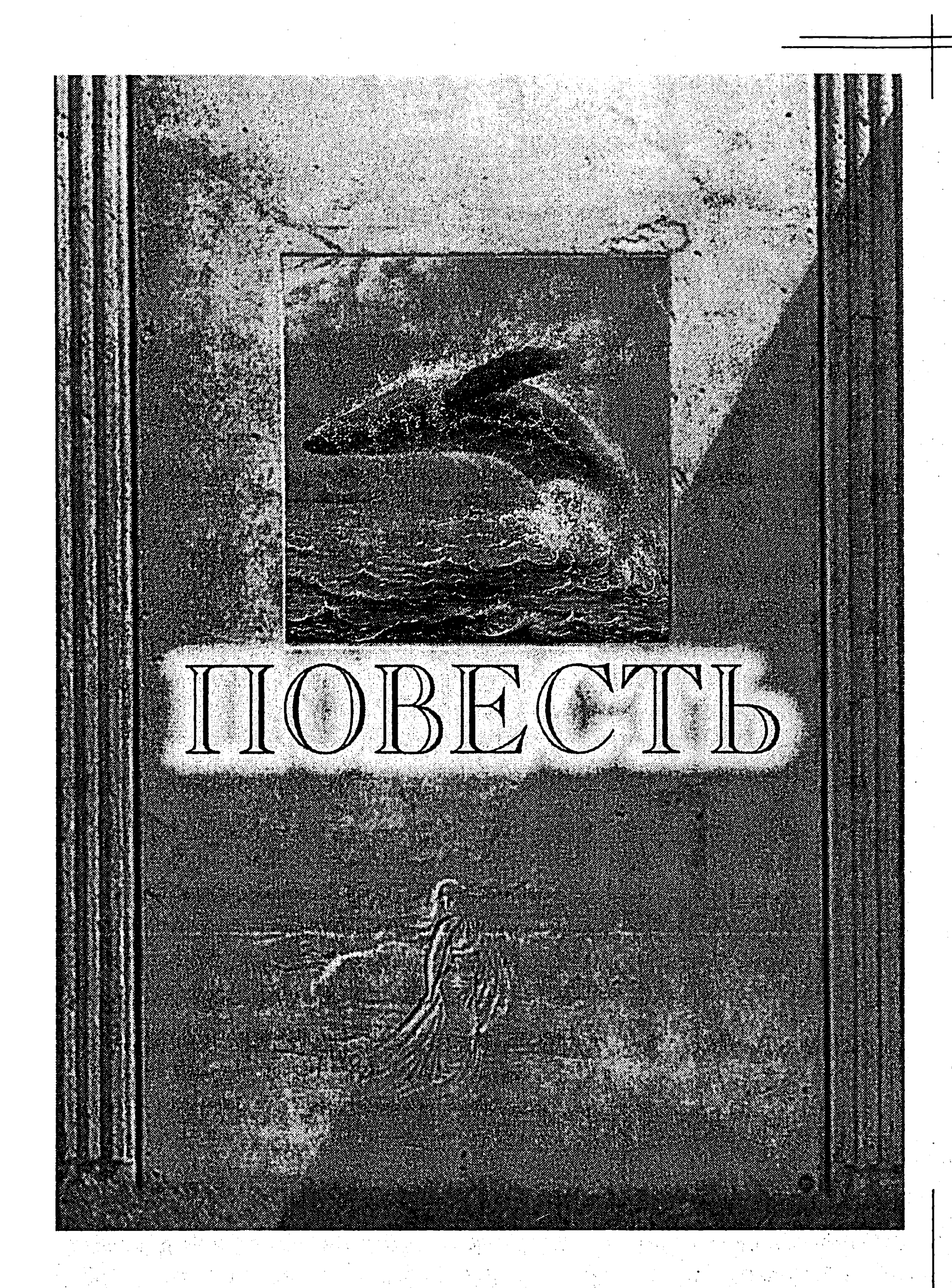
вторая, **третья** и **четвертая** полосы обложки для полноцветных рекламных модулей;

оборотные полосы иллюстраций (перед началами разделов), для черно-белых модулей;

предлагается также **«спонсорство авторов»** — рекламные модули в конце рассказов, часть средств от которых действительно будут перечислены в качестве гонораров.

Наши расценки слишком гибкие, что бы приводить их на бумаге. Звоните и мы договоримся. (рекламный отдел — 563-5554)

Приглашаются также к сотрудничеству рекламные агенты и агентства.

ПОВЕСТЬ

Генри Лайон ОЛДИ

ВЛОЖИТЬ ДУШУ

Рассвет пах обреченностью.

Еще не открывая глаз, Мбете Лакемба, потомственный жрец Лакемба, которого в последние годы упрямо именовали Стариной Лайком, чувствовал тухлый привкус судьбы. Дни предназначения всегда начинаются рассветом, в этом они неотличимы от любых других дней, бессмысленной вереницей бегущих мимо людей, а люди смешно растопыривают руки для ловли ветра и машут вслепую — всегда упуская самое важное. Сквозняк змеей скользнул в дом, неся в зубах кровоточащий обрывок плоти северо-восточного бриза, и соленый запах моря коснулся ноздрей Мбете Лакембы. Другого запаха, не считая тухлятинки судьбы, жрец не знал — единственную в своей жизни дальнюю дорогу, связавшую остров с островом, окруженный рифами Вату-вара с этим испорченным цивилизацией обломком у побережья Южной Каролины, упрямый Лакемба проделал морем. Да, господа мои, морем и никак иначе, хотя западные Мбати-Воины с большими звездами на погонах предлагали беречь время и лететь самолетом. Наверное, вместо звезд им следовало бы разместить на погонах циферблат часов, потому что они всю жизнь боялись потратить время впустую. Неудачники — так они звали тех, чье время просыпалось сквозь пальцы. Удачей же считались латунные звезды, достойная пенсия и жареная индейка; западные Мбати рождались стариками, навытяжку лежа в пеленках, похожих на мундиры, и называли это удачей.

Мбете Лакемба оторвал затылок от деревянного изголовья и, кряхтя, стал подниматься. Большинство береговых фиджийцев к концу жизни было склонно к полноте, и жрец не являлся исключением. Когда-то рослый, плечи-

стый, сейчас Лакемба сутулился под тяжестью лет и удвоившегося веса, а колышущийся бурдюк живота вынуждал двигаться вперевалочку, подобно глупой домашней птице. Впрочем, лицо его оставалось прежним, вытесанным из пористого камня скал Вату-вара, — высокие скулы, длинный прямой нос, крупные черты... было странно видеть такое лицо у жирного старика, и местные рыбаки тайком скрещивали пальцы и отводили взгляд, когда им доводилось наткнуться на острогу немигающих черных глаз Старины Лайка. Рыбаки смотрели телевизор и любили своих жен под вопли компакт-проигрывателя, у рыбаков была медицинская страховка и дом, воняющий пластмассой, но в море волны раскачивали лодку, а ночное небо равнодушно взирало сверху на утлые скорлупки, оглашавшие простор дурацким тарахтением, и медицинская страховка казалась чем-то несущественным, вроде муравья на рукаве, а слова Старины Лайка о муссоне пополуночи — гласом пророка перед коленопреклоненными последователями.

Потом рыбаки возвращались домой, и Уитни Хьюстон помогала им любить своих жен, громко жалуясь на одиночество из темницы компакт - проигрывателя.

Стараясь не разбудить матушку, бесформенной кучкой тряпья прикорнувшую в углу у земляной печи, Мбете Лакемба вышел во двор. Посторонний наблюдатель отметил бы бесшумность его ковыляющего шага, удивительную для возраста и телосложения жреца, но до сих пор еще в доме Старины Лайка не водилось посторонних, особенно перед рассветом. Зябко передернувшись, старик снял с веревки высохшую за ночь одежду и принялся натягивать брезентовые штаны с не перестававшими удивлять его карманами на заднице. Эти карманы удивляли жреца много лет подряд, потому что задница нужна здравомыслящему человеку, чтобы на ней сидеть, а не хранить всякую ерунду, сидеть на которой неудобно и даже болезненно, будь ты правильный человек с Вату-вара, ловец удачи в звездных погонах или рыбак, верящий одновременно в приметы и медицинскую страховку.

Пожалуй, гораздо больше стоил удивления тот факт, что штаны Лакембы совершенно не промокли от утренней росы — но это пустяки, если знаешь слова Куру-ндуандуа, зато карманы на заднице...

Почесав волосатое брюхо, радостно перевалившееся через узкий кожаный ремешок, Мбете Лакемба прислонился к изгороди и шумно втянул ноздрями воздух. Нет. Рассвет по-прежнему пах обреченностью. Даже сильнее, чем при пробуждении. Так уже было однажды, когда на родном Вату-вара жрецу пришлось схватиться с двухвостым Змеем Туа-ле-ита, духом Тропы Мертвых, беззаконно утащившим душу не принадлежащего ему правильного человека. Белый священник еще хотел тогда увезти Лакембу в госпиталь, он твердил о милосердии, а потом принялся проклинать дура-

ков с кожей цвета шоколада «Corona», потому что не понимал, как может здоровый детина больше недели лежать неподвижно с холодными руками и ногами, лишь изредка хватая сам себя за горло; а в Туа-ле-иту белый священник не верил, что удивительно для жреца, даже если ты носишь странный воротничок и называешь Отца -Нденгеи то Христом, то Иеговой.

К счастью, матушка Мбете Лакембы не позволила увезти сына в госпиталь св. Магдалины, иначе двухвостый Туа-ле-ита не только заглотал бы украденную душу вместе с жрецом, задохнувшимся под кислородной маской, но и славно повеселился бы среди западных Мбати. Хотя вопли белого священника, распугавшие духов-покровителей, все же не прошли даром: именно через месяц после того, как жрец очнулся на знакомо пахнущем рассвете, забытый островок Вату-вара позарез понадобился звездным погонам для их громких игр. Рассвет был правильным — после забав западных Мбати-Воинов остается выжженный камень, гнилые телята со вздувшимися животами и крысы размером с добрую свинью, радующие своим писком духа Тропы Мертвых.

Но мнения жреца никто не спрашивал, потому что западный Мбати с самой большой звездой и без того втайне порицал расточительность правительства: с его точки зрения было верхом глупости оплачивать переселение «шоколадок» за казенный счет, особенно после того, как им была выплачена двухсотпроцентная компенсация. Так что жители Вату-вара разъехались по Океании, неискренне благодаря доброе чужое правительство, а пароход со смешным названием «Paradise» повез упрямого Мбете Лакембу с его матушкой прочь от скал Вату-вара.

Туда, где горбатые волны Атлантики омывают побережье Южной Каролины, не забывая плеснуть горсть соленых слез и на крохотную насыпь каменистой земли Стрим-Айленда.

Поступок жреца удивил не только главного западного Мбати, но и односельчан, принадлежавших к одной с Лакембой семье — явусе, но если ты больше недели провалялся в обнимку с двухвостым вором Туа-ле-ита, то удивительно ли, что твое поведение становится странным?

Мбете Лакемба знал, что делает, поднимаясь на борт «Paradise».

...Капрал береговой охраны, здоровенный негр с наголо бритой головой, махал со своего катера Старине Лайку — даже маюющемуся похмельем капралу было видно, что сегодня старика обременяет не только полусотня фунтов жира, способная заменить спасательный жилет, но и изрядная порция дурного настроения.

Бар пустовал: считал мух за стойкой однорукий бородач-хозяин, спал, уронив голову на столешницу, Плешак Абрахам — да еще сидел в углу, за

самым чистым столиком, незнакомый коротышка в брезентовой рыбацкой робе явно с чужого плеча.

Таким породистым коротышкам больше приличествует строгий костюм-тройка и галстук, стоящий втрое по отношению ко всем робам, какие найдутся во всем поселке.

Всякий раз, заходя в это мрачное помещение, гордо именуемое баром, Мбете Лакемба поражался тщеславию стрим-айлендцев. Назвать баром пристройку к лавке Вильяма Кукера, чьей правой рукой в свое время позавтракала особо прыткая мако*, было равносильно... ну, к примеру, равносильно попытке назвать барменом самого Кукера.

— Как всегда, Лайк? — осведомился однорукий, выждав, пока Лакемба привыкнет к сумраку после солнца, вовсю полыхавшего снаружи.

Полдень диктовал острову свои условия.

Старик кивнул, и Кукер лягнул располагавшуюся рядом дверь. За дверью послышался грохот посуды, сменивший доносившееся перед тем гитарное треньканье — мексиканец-подручный сломя голову кинулся жарить бекон и заливать шкворчащие ломтики пятью яйцами; вкусы Старины Лайка не менялись достаточное количество лет, чтобы к ним могли привыкнуть, как к регулярной смене дня и ночи.

Коротышка в робе прекратил изучать содержимое чашки, которую грустно держал перед собой близко к глазам, как все близорукие, временно лишенные очков, и воззрился на Мбете Лакембу.

Если поначалу он явно предполагал, что темная маслянистая жидкость в чашке рано или поздно превратится в кофе — то сейчас одному Богу было известно, в кого он намеревался превратить разжиревшего старика.

— Доброе утро! — коротышка грустно пожевал обметанными простудой губами.— Меня зовут Флаксман, Александер Флаксман. Доктор ихтиологии. Присаживайтесь, пожалуйста, ко мне, а то я скоро подохну от скуки и не дождусь катера.

— Лакемба,— бросил старик, садясь напротив.

Обреченность рассвета мало-помалу просачивалась вовнутрь, и ноздри жреца трепетали, ловя вонь судьбы.

Блеклые глазки доктора Флаксмана зажглись подозрительными огоньками.

— Лакемба? — переспросил он и даже отхлебнул из чашки, чего раньше отнюдь не собирался делать.— Мбати Лакемба? Явуса но торо-а-вуравура?

— Мбете Лакемба,— равнодушно поправил старик.— Мбете, матангали-мбете. Явуса На-ро-ясо. Туна-мбанга ндау лаваки. Оро-и?

* Мако — Issurus oxyrinchus Rasinesque, сельдевая акула, ближайший родич белой акулы. Одни из самых опасных для человека рыб, нередко выпрыгивающие из воды и выхватывающие свои жертвы рямо из лодок. Длина до 4 метров, вес до 500 кг.

Однорукий Кукер за стойкой нахмурился и поковырялся пальцем в ухе.

— В моем заведении говорят нормальным языком,— буркнул он.— А кто хочет плеваться всякой дрянью, пусть выметается на улицу.

Было видно, что коротышка изрядно успел осточертеть Вильяму Кукеру, и без того не отличавшемуся покладистым характером; просто раньше не находилось повода взъесться на доктора ихтиологии.

Кофе ему не нравится, умнику...

— Он спросил, не являюсь ли я Лакембой из касты воинов, — старик даже не повернулся к обозленному Кукеру.— И не принадлежу ли к общине «Взимающих дань со всего света», А я ответил, что с момента зачатья вхожу в к касту жрецов, матангали-мбете.

— Именно так,— хихикнул коротышка.— И еще вы добавили, что у «испражняющегося камнями» отвратительное произношение. Думали, я не знаю диалекта Вату-вара?!

Жрец промолчал.

Разочаровывать гордого своими познаниями коротышку было недостойно правильного человека — кроме того, тогда пришлось бы объяснять, что у «испражняющегося камнями» не только плохое произношение. За «ндау лаваки» на родине Мбете Лакембы вызывали на поединок в рукавицах, густо утыканных акульими зубами.

Оро-и?

— Пять лет,— разлагольствовал меж тем довольный собой Флаксман,— пять лет моей жизни я отдал вашим скалам, вашим бухтам и отмелям, и, в первую очередь, вашим тайнам, уважаемый Мбете Лакемба! Если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что годы спустя меня смоет за борт и я окажусь на забытом Богом и правительством Штатов островке, где встречу потомственного жреца из общины На-ро-ясо, «Повелевающих акулами» — клянусь, я рассмеялся бы и плюнул говорившему в глаза!..

«А он разбил бы тебе породистую морду», — подумал Лакемба, принимаясь за яичницу, которую только что поставил на стол сияющий мексиканец.

Коротышка вдруг осекся, словно первый проглоченный Лакембой кусок забил доктору ихтиологии горло.

— Лакемба? — хрипло переспросил он.— Погодите, погодите... Туруноа Лакемба случайно не ваша родственница?

— Это моя матушка,— из уважения к матери старик на миг перестал жевать и сложил ладони перед лбом.

— Матушка?! Так ведь именно ее я просил... нет, умолял позволить мне увидеть обряд инициации вашей явусы! Тот самый, о котором вспоминал в своих мемуарах падре Лапланте!.. На колени даже встал — нет и все! Наотрез! Боже, ну почему вы, фиджийцы, такие упрямые? И чем я, доктор Флаксман, хуже францисканца Лапланте?!

«Тем, что белый Лапланте тоже Мбете, как и я, разве что называет Великого Нденгеи по-иному», — жрец продолжил завтрак, тщетно пытаясь отрешиться от болтовни доктора Флаксмана и вызванных ею воспоминаний.

— Дался вам этот обряд,— хмыкнул из-за стойки Кукер, царапая ногтем деревянную панель.— Маетесь дурью...

На дереве оставались еле заметные белесые шрамики.

— Вы не понимаете! Падре Лапланте писал, что члены явусы На-ро-ясо в день совершеннолетия ныряют в бухту и пускают себе кровь, привлекая акул! А потом — знаете, каким образом они останавливают атакующего хищника?!

— Из гарпунного ружья,— однорукий Кукер не отличался богатой фантазией.

— Дудки! Они останавливают акулу... поцелуем! И та не только прекращает всякие попытки сожрать безумца, но и начинает защищать его, если в бухте окажется другая акула!

— Эй, Пако! — заорал Кукер во всю глотку.— Эй, сукин сын, ботинок нечищенный, ты меня слышишь?

— Слышу, хозяин! — донесся из-за двери голос мексиканца.

— Мы тебя сегодня акуле кинем! Понял, бездельник?

— Зачем?

Видимо, после восьми лет работы на Вильяма Кукера, Пако равнодушно отнесся к подобной перспективе.

— Навроде живца! Она на тебя, дурака, кинется, а док ее в задницу целовать будет! Прямо под хвост! Понял?!

Пако не ответил — наверное, понял.

Флаксман обиделся и на некоторое время заткнулся, что вполне устраивало Лакембу; однако теперь завелся Кукер.

— Не знаю, какие штуки вытворяет родня Старины Лайка — пусть хоть трахаются с акулами! — но когда зараза мако оттяпала мне руку по локоть (Билл демонстративно помахал культей в воздухе, сяловно это должно было пристыдить коротышку), мне было не до поцелуев! И вот что я вам скажу, мистер: вы, может, и большая шишка у себя в институте, или откуда вы там вынырнули; наверное, вы и в акулах разбираетесь, как ихний президент, не стану спорить. Но не надо меня учить, как с ними себя вести! Лучший поцелуй для хвостатой мрази — заряд картечи, или хороший гарпун, или крючок из четвертьдюймовой нержавейки; а всего лучше подружка — динамитная шашка!

Словно в унисон последнему выкрику завизжали петли, дверь бара распахнулась настежь, и в проем полыхнуло солнце. Черный силуэт на пороге грузно заворочался, окрашиваясь кровью, подгулявший бриз с моря обнял гостя за широкие плечи и швырнул в лица собравшимся пригоршню соли и йодистой вони.

И еще — обреченности.

Только нюх на этот раз подвел людей; всех, кроме старого Лакембы. Даже сбившийся на полуслове Кукер удивленно моргал и никак не мог взять в толк: что это на него нашло?!

Раскричался ни с того ни с сего...

Люди молчали, хлопали ресницами, а судьба бродила по берегу и посмеивалась. Мбете Лакемба отчетливо слышал ее смех и вкрадчивые шаги, похожие на плеск волн.

Но это длилось недолго.

— Точно, Билли! — громыхнуло с порога не хуже динамита, и дверь с треском захлопнулась, отрезав людей от кровавого солнца, своевольного бриза и запаха, который только притворялся запахом моря.— Запалил фитилек — и кверху брюхом!

Через мгновение к стойке протопал Ламберт Мак-Эванс, известный всему Стрим-Айленду как Малявка Лэмб. Он грохнул кулачищем по деревянному покрытию, во всеуслышанье пустил ветры и огляделся с надеждой: а вдруг кому-то это не понравится? Увы, повода отвести рыбацкую душу не представилось.

— Совсем житья не стало от треклятых тварей! Четвертый день выходим в море — и что? Болт анкерный с левой резьбой! Мало того, что ни одной рыбешки, так еще и половину сетей — в клочья! Я ж говорил: надо было сразу пристрелить ту грязнопузую бестию, не будь я Ламберт Мак-Эванс! Глядишь, и Хью до сих пор небо коптил бы, и весь Стрим-Айленд не ерзал по гальке голым... эх, да что там! Джину, Билл! Чистого.

Любую тираду Малявка Лэмб заканчивал одинаково — требуя джину. Чистого.

— Извините, так это вы и есть мистер Мак-Эванс? — вдруг подал голос ихтиолог.

— Нет, Майкл Джексон! — заржал Кукер, снимая с полки граненую бутыль «Джим Бима».— Сейчас споет.

Сам рыбак вообще проигнорировал обращенный к нему вопрос.

— Так я, собственно, именно с вами и собирался встретиться! — сообщил доктор Флаксман, лучась радостью.— Про какую это «грязнопузую бестию» вы только что говорили? Уж не про ту ли акулу, насчет которой с вашего острова поступила телеграмма в Американский институт биологических наук, нью-орлеанское отделение?

— Ну? — хмурый Ламберт соизволил повернуться к ихтиологу.— А ежели и так? Только мы, парень, телеграмму в Чарлстон посылали, а не в ваш сраный Нью-Орлеан!

— Этим бездельникам из Ассоциации? — презрительно скривился Флаксман.— У них едва хватило ума переправить ваше сообщение в наш институт. И вот я здесь!

Осчастливив собравшихся последним заявлением, доктор поднялся, гордо одернул рыбацкую робу — что смотрелось по меньшей мере комично — и начал представляться. Представлялся Флаксман долго и со вкусом; даже толстокожий Лэмб, которому, казалось, было наплевать на все, в том числе и на недавнюю гибель собственного брата Хьюго, перестал сосать джин и воззрился на ихтиолога с недоумением. А Лакемба доедал принесенную Пако яичницу и, как сказали бы сослуживцы доктора Флаксмана, получал от зрелища эстетическое удовольствие.

Сегодня он мог себе это позволить.

—...а также член КИА — Комиссии по исследованию акул! — гордо закончил Александер Флаксман.

— И приплыл сюда верхом на ездовой мако! — фыркнул Малявка Лэмб.

— Почти,— с неожиданной сухостью отрезал ихтиолог.— В любом случае я хотел бы получить ответы на свои вопросы. Где акула, о которой шла речь в телеграмме? Почему никто не хочет со мной об этом говорить? Сплошные недомолвки, намеки... сначала присылаете телеграмму, а потом все как воды в рот набрали!

Член КИА и прочее явно начинал кипятиться.

— Я вам отвечу, док.

Дверь снова хлопнула — на этот раз за спиной капрала Джейкобса, того самого здоровенного негра, что махал рукой стоявшему на берегу Лакембе. Капрал полчаса как сменился с вахты и всю дорогу от гавани к заведению Кукера мечтал о легкой закуске и глотке пива.

Увлекшись бесплатным представлением, собравшиеся не заметили, что Джейкобс уже минут пять торчит на пороге.

— Потому что кое-кто действительно набрал в рот воды, причем навсегда. Три трупа за последнюю неделю — это вам как? Любой болтать закается!

— Но вы-то как представитель власти можете мне рассказать, что здесь произошло? Я плыл в такую даль, из самого Нью-Орлеана, чуть не утонул...

— Я-то могу,— довольный, что его приняли за представителя власти, негр уселся за соседний столик, и Пако мигом воздвиг перед ним гору истекавших кетчупом сэндвичей и запотевшую кружку с пивом.— Я-то, дорогой мой док, могу, только пускай уж Ламберт начнет. Если, конечно, захочет. А я продолжу. Что скажешь, Малявка?

— Думаешь, не захочу? — хищно ощерился Ламберт, сверкнув стальными зубами из зарослей жесткой седеющей щетины.— Верно думаешь,

капрал! Не захочу. Эй, Билл, еще джину! Не захочу — но расскажу! Потому что этот ОЧЕНЬ ученый мистер плавает в том же самом дерьме, что и мы все! Только он этого еще не знает. Самое время растолковать!

В бар вошли еще люди: двое таких же мрачных, как Ламберт, рыбаков, молодой парень с изуродованной левой половиной лица (по щеке словно теркой прошлись) и тихая девушка в невзрачном сером платье с оборками...

Уж ей-то никак не было место в заведении Кукера — но на вошедших никто не обратил особого внимания.

Малявка Лэмб собрался рассказывать!

Это было что-то новое, и все, включая новопришедших, собрались послушать — даже Пако быстренько примостился в углу и перестал терзать свою гитару.

Заказов не поступало, и мексиканец мог выкроить минуту отдыха.Одну из многих: Стрим-Айленд не баловал работой Кукера и его подручного; впрочем, остров не баловал и остальных.

— Вся эта дрянь началась около месяца назад, когда мы с моим покойным братцем Хью ловили треску. Ловили, понятное дело, малой сетью...

— Давай, Лэмб, вытаскивай! — заорал стоявший на мостике Хьюго, наблюдая, как наливается блеском рыбьей чешуи сеть, подтягиваемая лебедкой с левого борта. Лов сегодня был отменный, тем паче, что сооружение, скромно именуемое братьями «малой сетью», на самом деле чуть ли не вдвое превышало по размеру стандартную разрешенную снасть. Вдобавок Мак-Эвансы забросили еще пару-тройку крючков — открывшийся в Мертл-Бич китайский ресторанчик неплохо платил за акульи плавники, и братья вполне могли рассчитывать на дополнительную прибыль.

В этот момент «Красавчик Фредди» содрогнулся.

Противно завизжали лебедочные тали, поперхнулся равномерно тарахтевший мотор, по корпусу прошла мелкая дрожь, словно кто-то, всплывший из темной глубины, вцепился в сеть с добычей братьев Мак-Эванс, не желая отдавать людям принадлежавшее морю. Но «Красавчик Фредди», унаследовавший изрядную долю упрямства своих хозяев, переждал первый миг потрясения и выгнул горбом металлическую спину, разворачиваясь носом к волне. Стрим-айлендцы считали, что свою лодку Мак-Эвансы назвали в честь певца из «Queen», и только сами Хьюго с Лэмбом знали, что оба они имели в виду совсем другого Фредди — страшнолицего дружка ночных кошмаров с бритвенными лезвиями вместо пальцев. Обаятельный убийца импонировал братьям куда больше голубоватого певца.

И почти одновременно последовал рывок с правого борта, в результате чего крайний поводок с крючком из четвертьдюймовой стальной проволоки на конце туго натянулся.

Лебедка поспешно застучала вновь, тали самую малость ослабли — но вода продолжала бурлить и, когда сеть мешком провисла над пеной, братья Мак-Эвансы в сердцах высказали все, что думали по поводу зиявшей в сети рваной дыры и пропавшего улова.

Поэтому рыбаки не сразу обратили внимание на творящееся по правому борту.

А творилось там странное: леса натянулась и звенела от напряжения, вода кипела бурунами — а потом поводок разом ослаб, и живая торпеда взметнулась над водой, с шумом обрушившись обратно и обдав подбежавших к борту рыбаков целым фонтаном соленых брызг.

— Большая белая! — пробормотал Хьюго.— Футов двенадцать, не меньше! Молодая, вот и бесится...

— Небось, эта скотина нам сеть и порвала,— сплюнул сквозь зубы Ламберт.— Пристрелю гадину!

Он совсем уж было собрался нырнуть в рубку за ружьем, но более спокойный и рассудительный Хьюго придержал брата.

— Ты ее хоть рассмотрел толком, урод?!

— Да что я, акул не видел?! — возмутился Ламберт.

— Не ерепенься, братец! У нее все брюхо... в узорах каких-то, что ли? Вроде татуировки! Может, такой акулы вообще никто не видал!

— И не придется! — Малявка Лэмб хотел стрелять и знал, что будет стрелять.

— Дубина ты! А вдруг ею яйцеголовые заинтересуются! Продадим за кучу хрустящих!

Подобные аргументы всегда оказывали на Ламберта правильное действие — а тут еще и белая бестия, как специально, снова выпрыгнула из воды, и рыбак в самом деле увидел вязь ярко-синих узоров на светлом акульем брюхе.

— Убедил, Хью,— остывая, буркнул он.— Берем зверюгу на буксир и... слушай, а где мы ее держать будем? Сдохнет, падаль, кто ее тогда купит?!

— А в Акульей Пасти! — хохотнул Хьюго, которому понравился собственный каламбур.— Перегородим «челюсти» проволочной сеткой — и пусть себе плавает!

Акульей Пастью назывался глубокий залив на восточной оконечности Стрим-Айленда, с узкой горловиной, где скалы-челюсти отстояли друг от друга на каких-нибудь тридцать футов.

На том и порешили.

Вечером, когда лиловые сумерки мягким покрывалом окутали остров, старый Мбете Лакемба объявился на ветхом пирсе, с которого Лэмб Мак-Эванс, чертыхаясь, швырял остатки сегодняшнего улова в Акулью Пасть. Впрочем, рыба исчезала в Акульей пасти как в прямом, так и в переносном смысле слова.

— О, старина Лайк! — обрадовался Малявка.— слушай, ты ж у нас вроде как акулий родич?! В общем, разбираться должен. А ну глянь-ка... сейчас, сейчас, подманю ее поближе...

Однако, как ни старался Малявка, пленная акула к пирсу подплывать отказывалась. И лишь когда Мбете Лакемба еле слышно пробормотал что-то и, присев, хлопнул ладонью по воде, акула, словно вышколенный пес, мгновенно возникла возле пирса и не спеша закружила рядом, время от времени предоставляя татуированное брюхо для всеобщего обозрения.

— Ну что, видел? — поинтересовался Ламберт, приписав акулье послушание своему обаянию.— Что это?

— Это Ндаку-ванга,— лицо фиджийца как обычно не выражало ничего, но голос на последнем слове дрогнул, прозвучав на удивление торжественно и почтительно.— Курчавые охотники с юго-восточного архипелага еще называют его Камо-боа-лии, или Моса.

— А он... этот твой хренов Ндаку — он редко встречается?

— Ндаку-ванга один,— Лакемба повернулся и грузно побрел прочь.

— Ну, если ты не врешь, старина,— бросил ему в спину Малявка Лэмб,— то эта зараза должна стоить уйму денег! Коли дело выгорит — с меня выпивка!

Лакемба кивнул. Зря, что ли, пароход со смешным названием «Paradise» вез жреца через соленые пространства? И уж тем более ни к чему было объяснять Ламберту Мак-Эвансу, что Ндаку-ванга еще называют Ндаку-зина, то есть «Светоносный».

На падре Лапланте это имя в свое время произвело немалое впечатление.

—...Ну а потом к нам заявился этот придурок Пол!

Ламберт заворочался, как упустивший форель медведь, нашарил на стойке свой бокал с остатками джина и опрокинул его содержимое в глотку. Не дожидаясь заказа, Кукер сразу же выставил рассказчику банку тоника, зная, что оба Мак-Эванса (и Лэмб, и покойный Хьюго), предпочитают употреблять джин с тоником по отдельности.

Впрочем, Хьюго — предпочитал.

— Так вот, на чем это я... ах, да! Заявляется, значит, с утреца этот придурок Пол и просится кормить зверюгу!

— Ты б попридержал язык, Малявка,— неуверенно заметил Кукер, дернув культей.— Там знаешь: о мертвых или хорошо, или... Опять же, вон и папаша его здесь!

Кукер умолк и лишь покосился на спящего Плешака Абрахама.

— А мне плевать! Пусть хоть сам Отец Небесный! Говорю — придурок! Придурком жил, придурком и подох! Ну кто, кроме полного кретина, добровольно вызовется кормить акулу?!

— Помнится мне, Ламберт, раньше ты говорил, будто вы с братом его наняли,— как бы невзначай ввернул капрал Джейкобс, расправляясь с очередным сэндвичем.

— Верно, наняли,— сбавил тон Малявка Лэмб.— Только парень сам напросился! Эти вонючие эмигранты рыбьи потроха руками ворошить согласны, за цент в час! Козлы пришибленные! И попомните мое слово: все дерьмо из-за этого мальчишки приключилось! Из-за него и из-за акулы...

— Которую поймали вы с Хьюго,— закончил кто-то за спиной Ламберта.

Рыбак повернулся всем телом, расплескав злобно зашипевший тоник, но так и не понял, кто это сказал, а говоривший не спешил признаваться.

— Ты меня достал, урод,— проговорил Мак-Эванс, обращаясь в пространство.— Все, не буду больше ни хрена рассказывать! А если вам, док, интересно, так это именно мы с покойником Хью отбарабанили телеграмму в Чарлстон. Потом сидели сиднем и ждали от вас ответа, а белая стерва сжирала половину нашего улова. Наконец ваш говенный институт соизволил отозваться, и когда стало ясно, что никаких денежек нам не светит, Хью сказал: все, Лэмб, надо пристрелить эту тварь... И баста! Дальше пусть капрал или кто хочет рассказывает. С меня хватит! Билл, еще джину!

— Пол кормил акулу вовсе не из-за ваших денег,— голос девушки в сером платье звучал ровно, но в больших черных глазах предательски блестели слезы.— Сколько вы платили ему, мистер Мак-Эванс? Доллар в день? Два? Пять?!

— Этот придурок и серебряного четвертака не заработал! — проворчал Ламберт, не глядя на девушку.

— Не смейте называть его придурком! — выкрикнула девушка и отвернулась, всхлипнув.— Вам никому не было до него дела! Деньги, деньги, только деньги! А кто не мчится сломя голову за каждой монетой — тот придурок и неудачник! Так, мистер Мак-Эванс? Так, Барри Хелс? — обернулась она к парню с изуродованной щекой.

— А я-то тут при чем, Эми? — огрызнулся Барри.

Ламберт многозначительно кашлянул.

— При том! Раз не такой, как все — можно и поиздеваться над ним с дружками! Да, Барри? Раз придурок — можно и платить ему гроши за черную работу?

Да, мистер Мак-Эванс? А то, что этот «вонючий эмигрант» — тоже человек, что у него тоже есть душа, что ему тоже нужен кто-то, способный понять его — на это всему Стрим-Айленду в лучшем случае наплевать! Отец — горький пьяница; вон, сын погиб, а он нажрался и дрыхнет в углу! Мать умерла, друзья... как же, друзья! Найдешь тут друга, когда вокруг сплошные Барри Хелсы и мистеры Мак-Эвансы, которые называют тебя придурком и смеются в лицо! Никто из вас его не понимал!.. И я, наверное, тоже,— помолчав, добавила Эми.

Малявка Лэмб пожал широченными плечами и стал шумно хлебать джин.

— У Пола не было ни одного близкого существа,— очень тихо проговорила девушка.— Никого, кому бы он мог... мог излить душу! Я пыталась пробиться к нему через панцирь, которым он себя окружил, защищаясь от таких, как вы, но я... я не успела! И он не нашел ничего лучшего, чем вложить свою душу в эту проклятую акулу!

Золотистые блестки играли на поверхности бухты, сытое море, щурясь от солнца, лениво облизывало гладкую гальку берега; чуть поскрипывали, мерно покачиваясь, тали бездействующей лебедки.

Ветхий пирс еле слышно застонал под легкими шагами девушки. У самого края ранняя гостья остановилась и стала озираться по сторонам. Взгляд ее то и дело возвращался к горке сброшенной одежды, разлапистой медузой украшавшей гальку в шаге от черты прибоя. Линялые джинсы, футболка с надписью «Megadeth» и скалящимся черепом, а также старые кроссовки Пола со скомканными носками внутри честно валялись на берегу; но самого Пола нигде не было видно.

— Пол! — позвала Эми.

Никто, кроме чаек, не отозвался, разве что налетевший с моря легкий бриз загадочно присвистнул и умчался дальше, по своим ветреным делам.

— Пол! — в охрипшем голосе девушки прозвучала тревога.

Какая-то тень мелькнула под искрящейся поверхностью бухты, и воду вспорол большой треугольный плавник. Сердце Эми замерло, девушка вгляделась в силуэт, скользящий в тридцати футах от пирса — и чуть не вскрикнула от ужаса, зажав рот ладонью. За плавник цеплялась гибкая юношеская рука! На мгновение Эми почудилось, что кроме этой руки там больше ничего нет, это все, что осталось от Пола — но в следующее мгновение рядом с плавником возникла светловолосая голова, знакомым рывком откинув со лба мокрые пряди — и девушка увидела лицо своего приятеля.

В глазах Пола не было ни страха, ни боли, ни даже обычной, повседневной настороженности подростка, обиженного на весь мир. Неземное, невозможное блаженство плескалось в этом взгляде, смешиваясь со струйками, обильно стекавшими с волос. Пол тихо засмеялся, не видя Эми, прополоскал рот и снова исчез под водой.

Их не было долго — минуту? две? больше? — но вот акулий плавник снова разрезал поверхность бухты, уже значительно дальше от пирса; и снова рядом с ним была голова Пола! Эми стояла, затаив дыхание, словно это она сама раз за разом уходила под воду вместе с юношей и его жуткой подругой — а потом вода всколыхнулась совсем близко, и девушка увидела, как Пол неохотно отпускает огромную рыбу. Акула развернулась, лениво выгнув мощное тело, и ее круглый немигающий глаз уставился на Эми. Что-то было в этом пронизывающем насквозь взгляде, что-то древнее, завораживающее... рыбы не могут, не должны смотреть ТАК!

«Не имеют права смотреть так», — мелькнула в мозгу совсем уж странная мысль.

С удивительной грацией, и, как показалось Эми — даже с нежностью! — акула потерлась о Пола, проплывая мимо, почти сразу исчезнув в темной глубине, словно ее и не было.

Сумасшедший сын Плешака Абрахама уцепился за пирс, ловко выбрался из воды, встряхнул головой, приходя в себя — во все стороны полетели сверкающие брызги — и, похоже, только тут увидел Эми.

Лицо юноши неуловимо изменилось. На мгновение в нем промелькнула тень, настолько похожая на мрак взгляда хищной твари, что девушка машинально попятилась.

«Ты с ума сошел, Пол!» — хотела крикнуть она; и не смогла.

«Как тебе удалось?!» — хотела спросить она; эти слова тоже застряли у Эми в горле. Девушка понимала: Пол не ответит. Он ждал от нее чего-то другого... совсем другого.

И девушка произнесла именно то, что он ждал:

— Я никому не скажу, Пол.

Пол молча кивнул и пошел одеваться.

—...Ну, с некоторой натяжкой я могу допустить, что парень плавал неподалеку от белой акулы, и та не тронула его,— задумчиво пробормотал доктор Флаксман, дергая себя за подбородок.— Но что он плавал с ней чуть ли не в обнимку?! Зная репутацию «белой смерти»... хорошо, допустим и это — чисто теоретически! Но ты, милочка, утверждаешь, будто акула потерлась о твоего приятеля боком, и при этом не содрала с него кожу, а то и мясо до кости... Я склонен принимать на веру слова молоденьких девушек, особенно когда они мне симпатичны, но всему есть предел! На родине уважаемого Мбете Лакембы мне довелось видеть много чудес, но здесь, извините, не Океания, а Южная Каролина; и твой Пол, детка, вряд ли принадлежал к явусе На-ро-ясо!

Эми смущенно заморгала, пытаясь вникнуть в смысл последнего заявления коротышки; Малявка Лэмб довольно хмыкнул, а остальные на всякий случай промолчали.

Но доктор Флаксман не собирался останавливаться на достигнутом.

— Вы, мисс, видели когда-нибудь вблизи акулью кожу? Пробовали ее на ощупь? А я видел и пробовал! Так называемые плакоидные чешуйки, которыми покрыта кожа акулы, способны освежевать человека еще до того, как акула пустит в ход зубы! Собственно, плакоиды и есть зубы, со всеми основными признаками, только не развитые окончательно! Это вам не шерстка котенка; и даже не всякий наждак! Кстати, молодой человек, подойдите-ка сюда! — окликнул ихтиолог Барри.

Парень дернулся, как от внезапного толчка, но послушно встал и подошел к доктору.

— Повернитесь-ка... да, лицом к свету. Именно так и выглядят последствия прямого контакта человека с акульей кожей! Класический образец! — Флаксман вертел Барри перед собой, словно экспонат, демонстрируя сетку шрамов на левой половине лица парня всем собравшимся в баре.

— Небось, пробовал с акулой поцеловаться,— проворчал себе под нос Кукер, ловко прикуривая одной рукой самодельную сигарету.

Шутка бармена показалась смешной одному Ламберту Мак-Эвансу в силу своеобразного чувства юмора у рыбака.

— Вы ошиблись, мистер,— выдавил вдруг Барри.— Это не акула. Это меня Пол ударил.

— А ну-ка, рассказывай! — немедленно отреагировал капрал, расправившийся к тому времени с сэндвичами и потягивавший пиво (расторопный Пако успел снабдить Джейкобса новой кружкой).— Я смотрю, история быстро обрастает новыми обстоятельствами! И знаете, что мне сдается? Что вы все почему-то не спешили сообщать подробности нашему общему знакомому — сержанту Барковичу... Давай, парень, я жду. Что там у вас произошло?

— Да тут и рассказывать-то нечего,— Барри смущенно уставился в пол.— Шли мы как-то с Чарли Хэмметом мимо Серых скал, смотрим: Пол идет. Со стороны Акульей Пасти. Это уже было после того, как сбежала акула Маляв... простите, мистера Мак-Эванса! Она-то сбежала, а Пол все возле бухты околачивался, вроде как ждал чего-то...

— Короче! — капрал Джейкобс отер лиловые губы ладонью и выразительно сжал эту самую ладонь, палец за пальцем, в весьма внушительный кулак.

— Хорошо, мистер Джейкобс! Чарли Хэммет мне и говорит: «Помнишь, Барри, ты его предупреждал, чтоб за Эми не таскался?» Я киваю. «Так вот, я их вчера видел. На берегу. Закатом любовались...» Ну, меня тут злость взяла! Прихватил я Пола за грудки — он как раз до нас дошел — сказал пару ласковых и спиной о валун приложил. Для понятливости.

— Сволочь ты, Барри,— задушено бросила девушка.— Тупая здоровая скотина. Хуже акулы.

— Может, и так, Эми,— изуродованная щека Барри задергалась, заплясала страшным хороводом рубцов.— А может, и не так. И скажу я тебе вот что: Пол твой замечательный одну руку высвободил и тыльной стороной ладони меня по морде, по морде... наотмашь. Хорошо еще, что я сознание сразу потерял. Доктор в Чарлстоне потом говорил: от болевого шока.

Барри машинально коснулся шрамов кончиками пальцев, по-прежнему глядя в пол.

— Очнулся я от стонов Чарли. Он на меня навалился и бормочет, как полоумный: «Барри, ты живой? Ты живой, Барри?» Живой, отвечаю, а язык не поворачивается. И к левой щеке словно головню приложили. Не помню, как домой добрались. Родителям соврали, что в Серых скалах в расщелину сорвались. Они поверили — зря, что ли, у меня вся рожа перепахана, а у Чарли правое запястье сломано? Чарли мне уже потом рассказал: это его Пол за руку взял. Просто взял, пальцы сжал... вот как вы, мистер Джейкобс! Только у вас лапища, не приведи Бог, а Пол всегда хиляком был...

Тишина.

Люди молчали, переглядывались; Малявка Лэмб даже открыл рот, но не осмелился выдать что-нибудь скабрезное (что было на Мак-Эванса совершенно не похоже) — время шло, а люди молчали...

— Может быть, мы все же вернемся к акуле? — наконец просительно сказал доктор Флаксман, нарушив затянувшуюся дымную паузу, во время которой успели закурить чуть ли не все, исключая самого доктора, старого Лакембу и Эми. Дым сгущался, тек клубами, искажая лица, превращая их в лупоглазые рыбьи морды, проступающие сквозь сизые потоки за стеклом гигантского аквариума.

— Барри говорил, что акула в итоге сбежала, — рыба с кличкой Флаксман чмокнула губами. — Как это случилось? В конце концов, здесь не федеральная тюрьма, а Carcharodon Linnaeus — не террорист, готовящий подкоп!

Увы, мудреное название белой акулы, вызывавшее однозначное возбуждение на ученых коллегиях, в баре Кукера успеха не имело.

— Когда ваши дружки, «мозговые косточки» из Чарлстона, даже не почухались в ответ на нашу с Хью депешу, — изрядно набравшийся Ламберт с трудом ворочал языком, и, произнеся эту мудреную фразу, он с минуту отдыхал. — Так вот, мы неделю подождали — и отбили им... о чем это я?.. Да, верно, вторую телеграмму отбили, вот! А надо было поехать лично и отбить почки — потому что они не соизволили отозваться! Дескать, хрена вам, рыбари мокрозадые, а не денег, подавитесь своей раздерьмовой акулой — или пусть лучше она вами подавится!

— Идиоты!..— пробормотал доктор Флаксман, комкая край скатерти.— Бездельники! Если бы я узнал хоть на неделю раньше...

Однако рыбак то ли не расслышал слов ихтиолога, то ли попросту не обратил на них внимания.

— Все вы, яйцеголовые, одинаковы! — рычал Малявка.— Ломаного цента от вас не дождешься! А потом в газетах про нас, простых людей, кричите: невежи, мол, тупицы! Из-за них пропала эта, как ее... уми... муми... уникальная научная находка! Не скупились бы на хрустящие — ничего б и не пропадало! Все бы вам тащили, море вверх дном перевернули бы!..

— Вот это точно,— вполголоса буркнул ихтиолог.

— А так — что нам оставалось? Поперлись мы с Хью к Биллу в бар...

—...Я бы этим умникам...— Хьюго в очередной раз оборвал фразу, не находя слов от возмущения, и залил горечь внушительным глотком чистого, как и его ярость, «Гордон-джина». — Пошли, Лэмб, пристрелим чертову тварь! Плавники китайцам продадим — все равно от нее больше никакого толку нет!

— Верно! — поддакнул тоже изрядно подвыпивший Нед Хокинс, приятель братьев Мак-Эвансов.

Впрочем, Нед был скорее собутыльником и идеальным партнером для пьяной потасовки — нечувствительность Хокинса к боли была притчей во языцех всего острова.

— Охота тебе, Хью, тащиться невесть куда на ночь глядя!— лениво отозвался Малявка Лэмб. — Лучше с утра.

— Нет уж, Ягненочек! — рыкнул, оборачиваясь, Хьюго.— Раз денежки наши накрылись, так хоть душу отведем! Одни убытки от этих, в белых рубашках, дьявол их сожри вместе с ихними акулами!

Хлопнула дверь. Околачивавшийся в баре сын Плешака Абрахама, который все пытался увести домой набравшегося папашу, выскочил наружу; но исчезновение придурка Пола никого не заинтересовало.

За Мак-Эвансами и Недом Хокинсом увязалась еще пара рыбаков — за компанию. Пока они ходили за ружьями, пока спускались к Акульей Пасти — стемнело окончательно, так что пришлось еще раз возвращаться, чтобы прихватить фонари. И запечатанную (до поры) бутыль с «молочком бешеной коровки».

Наконец вся компания, должным образом экипированная, воздвиглась на берегу бухты. Шакалом выл подгулявший норд-ост, скрипели под ногами прогнившие мостки, лучи фонарей лихорадочно метались между пенными бурунами, швырявшими в лица рыбаков пригоршни соленых брызг.

— Ну, где эта зараза?! — проорал Ламберт, с трудом перекрикивая вой ветра и грохот волн.— Говорил же: до утра подождем!

В ответ Хьюго только выругался, и луч его мощного галогенного фонаря метнулся к горловине бухты. Между «челюстями», стискивавшими вход в Акулью Пасть, была натянута прочная проволочная сетка. Но свет галогена сразу вызвал сомнения в реальной прочности заграждения: коряво топорщилась проволока у кромки воды, да и сама сетка была то ли покорежена, то ли порвана — отсюда не разберешь...

Может, померещилось?!

Один из увязавшихся за братьями рыбаков умудрился подвернуть ногу, пробираясь по скользким камням к горловине бухты; если раньше возбуждение и горячительные напитки поддерживали его энтузиазм, то сейчас, остыв и продрогнув, он обложил братьев Мак-Эвансов на чем свет стоит и заковылял домой. Однако остальные благополучно добрались до южной «челюсти» и остановились, переводя дух, всего в нескольких футах от ревевших бурунов и перегораживавшей горловину сетки.

Сразу три плотных луча света уперлись в рукотворное заграждение, заставив клокочущую тьму неохотно отодвинуться.

— Твою мать! — только и смог выговорить Малявка Лэмб, чем выразил общее мнение по поводу увиденного. Добавить к этому емкому выражению было нечего.

Над водой, стремительно несущейся через сетку, виднелся край уходившей вниз рваной дыры, в которую свободно могла бы пройти и более крупная акула, чем изловленный братьями Мак-Эвансами Ндаку-ванга.

— Прогрызла! — ахнул увязавшийся за братьями рыбак.— Во зубищи у твари!

— Или башкой протаранила,— предположил Нед Хокинс.

— Или кусачками поработала,— еле слышно пробормотал рассудительный Хьюго, но тогда на его слова никто не обратил внимания.

—...Как же, как же! Когда вы вернулись сюда, мокрые и злые, как морские черти, Хьюго еще орал, что это работа мальчишки Абрахама! — гася сигарету, припомнил однорукий Кукер.— Только вряд ли: ночью, в шторм, нырять с кусачками в горловине «Акульей Пасти», чтобы сделать проход для бешеной зверюги, которая того гляди тебя же в благодарность и сожрет! Нет, Пол хоть и был при... ну, немного странным! — но такое даже ему бы в голову не пришло!

— Так она его потом и сожрала, Билли! В благодарность! — Ламберт коротко хохотнул, но все вокруг нахмурились, и Мак-Эванс резко оборвал смех.

— После Хью и Неда,— добавил он мрачно.

— Может, и так,— низкий голос капрала Джейкобса прозвучал чрезвычайно весомо.— Но запомни, Ламберт: перед тем, как мальчишку сожрала акула, кто-то, похоже, всадил в него заряд картечи.

— Да кому он был нужен? — буркнул Малявка Лэмб и присосался к банке с тоником.

Капрал не ответил.

— Не знаю насчет картечи...— пробормотал один из сидевших за соседним столиком сумрачных рыбаков.— Может, Пол был и ни при чем, только с того дня у нас всех начались проблемы...

Набившиеся в бар стрим-айлендцы загалдели, явно соглашаясь с рыбаком и спеша высказать свое мнение по этому поводу. Доктор Флаксман близоруко щурился, растерянно вертя головой по сторонам, а Мбете Лакемба, про которого все забыли, сидел и возил кусочком хлеба по фольгированной сковородке. Нет, он не станет рассказывать этим людям о том, что произошло в ночь побега Ндаку-ванга.

Барабан-лали глухо пел под ладонями. Длинный ствол метрового диаметра, по всей длине которого была прорезана канавка, а под ней тщательно выдолблено углубление-резонатор. Концы барабана были скруглены внутрь, и руки жреца неустанно трудились — правая, левая, правая, левая, пауза...

Лали-ни-тарата, похоронный ритм, плыл над Стрим-Айлендом.

Правая, левая, правая, левая, пауза... пока мальчишеское лицо не ощерилось из мглы острозубой усмешкой.

— Эйе, эйе, тяжела моя ноша,— тихо затянул старый жрец на языке своих предков,— лодка табу идет на воду! Эйе, эйе...

—Эйе, эйе,— прозвучало в ответ,— собачий корень! Светоносный шлет юношу к мудрому Мбете!

— Зачем? — ладони подымались и опускались; лали-ни-тарата, начало смерти, преддверье Тропы Туа-ле-ита.

— Для Вакатояза, Дарования Имени.

— Светоносный вкусил твоей плоти? Ответь, ты, желающий стать правильным человеком и большим, чем просто правильный человек!

Рука юноши поднялась в жесте, который здешние жители считали оскорбительным; только на месте презрительно выставленого пальца переливался блестящим кровавым сгустком короткий обрубок.

— Вкусил, мудрый Мбете; и я ответил Ему поцелуем.

— Что вначале: рана или иглы?

— Сам знаешь, мудрый Мбете...

— Какую татуировку ты хочешь?

Мальчишка не ответил, только ослепительно улыбнулся матушке Мбете Лакембы, престарелой Туру-ноа Лакембе, матери явусы «Повелевающих акулами», которая уже стояла на пороге дома, держа в трясущихся руках котомку, привезенную с Вату-вара.

К утру ритуал был завершен. Пол натянул подсохшую футболку, скрыв от досужих глаз татуировку на левом боку, посмотрел на стремительно заживающий обрубок пальца — и, поклонившись, молча вышел.

Нет, Мбете Лакемба не станет рассказывать этим людям о ночи Вакатояза, ночи Дарования Имени. Как и о том, что Плешак Абрахам, отец Пола, уже давно не спит, и прищуренный левый глаз пьяницы-эмигранта внимательно следит за происходящим в баре.

Как и о том, что шаги Предназначения слышны совсем близко, оно уже на подходе, и душный воздух, предвестник завтрашней грозы, пахнет скорой кровью — об этом жрец тоже не будет говорить.

Владыки океана мудры; потому что умеют молчать.

—...Житья от этих тварей не стало! В море хоть не выходи: рыба попряталась, а сети акулы в клочья рвут, как специально, вроде приказывает им кто!

— Да ОН же и приказывает!

— Тише ты, дурень! От греха подальше...

— А я говорю — ОН!..

— Динамитом, динамитом их, сволочей!

— Можешь засунуть свой динамит себе в задницу вместе со своими советами! Вон, Нед Хокинс уже попробовал!

— Куда правительство смотрит? Власти штата?

— Туда же, куда тебе посоветовали засунуть динамит!

— Но-но, ты власти не трожь!..

— Да заткнитесь вы все!!! — трубный рык капрала Джейкобса заставил содрогнуться стены бара, и рыбаки ошарашено умолкли.

— Вы что-то хотели спросить, доктор? — вежливо осведомился капрал, сверкая белоснежными зубами.— Я вас внимательно слушаю.

— Как я понял, на Стрим-Айленде имели место человеческие жертвы... Мне очень жаль, господа, но не мог бы кто-нибудь внятно объяснить: люди погибли из-за акул?

— Нет, из-за Микки Мауса! — рявкнул Малявка Лэмб.— И что это вы, мистер, все выспрашиваете да вынюхиваете, будто какой-то говенный коп?

— У каждого своя работа,— развел руками доктор Флаксман.— Я ихтиолог, говоря попросту, изучаю морских рыб. Специализируюсь на селахиях... на акулах,— поспешил поправиться он, глядя на готового взорваться бармена.

— Ну раз ты такой грамотный ихний олух — может, присоветуешь, как нам быть?!

— Но для этого я хотя бы должен знать, в чем проблема! Не находите? — хитро сощурился Александер Флаксман.

— Ты и так уже слышал достаточно,— пробурчал, сдаваясь, Ламберт Мак-Эванс.— Ладно, док, уговорил. На следующий день, как сбежала эта грязнопузая мразь, мы с Хью вышли в море... ну и все остальные, понятно, тоже (Лэмб кивнул в сторону заполнивших помещение рыбаков). Только море как метлой вымело: ни трески, ни сельди — одни акульи плавники кишмя кишат! Ну, я и говорю Хью, вроде как в шутку: «Слышь, братан, это наша белая бестия подружек навела!» А Хью хмурится и чего-то под нос бормочет, словно псих. Поболтались мы туда-сюда — нет лова, и все, хоть наизнанку вывернись! Ну, закинули крючки — акул-то вон сколько, думаем, наловим и плавники китаезам продадим! Все лучше, чем попусту море утюжить... Ан нет, не берут гады приманку! Поумнели, что ли?

Хор одобрительных возгласов поддержал последнее заявление Ламберта.

— Ну, плывем мы обратно, смотрим: болтается в миле от острова ялик. Мотор заглушен, на корме этот самый Пол сидит, глаза закрыты и вроде как улыбается, гаденыш; а вокруг акула круги наворачивает — только плавник воду режет. Я и опомниться не успел, а Хью уже ружьишко выдернул — и навскидку как шарахнет по твари!

— Это была та самая акула? — не удержался доктор Флаксман.

— А кто его знает, док! Хрена отличишь-то, когда один плавник из воды торчит!.. Короче, пальнул Хью, а парень в лодке аж дернулся — будто в него попали, хотя я-то точно видел, как заряд в воду вошел! Глазищи распахнул, на нас уставился, нехорошо так, не по-людски... и снова зажмурился. Мы глядь — акулы уже и след простыл. То ли грохнул ее Хью с первого же выстрела, а скорее — просто удрала.

Ламберт крякнул от огорчения и расплескал джин себе на колени.

— На следующий день мы в море, смотрим: опять у острова ялик болтается, а в нем Пол-паршивец сидит. И опять акула вокруг него, навроде жеребца в загоне! Ладно, на этот раз Хью стрелять не стал, только обругал мальчишку рыбацким загибом, когда мимо проплывали. А с ловом та же история... одна морока! И акулы приманку не брали. Пару штук мы -таки подстрелили — так их свои же в клочья порвали, какие там плавники! Вернулись ни с чем, глядь — а парень тут как тут, ялик к причалу швартует. Ну, Хью не сдержался и влепил ему затрещину. Ты, мол, говорит, паршивец, скотину эту выпустил! А теперь еще и пасешь ее! Из-за тебя весь остров без рыбы, половина сетей порвана, одни убытки...

Черноглазая Эми что-то хотела сказать, но Флаксман выразительно посмотрел в сторону девушки, и она сдержалась.

Только губу закусила.

— А парень выслушал молча,— продолжил Малявка,— скосился на Хью, как тогда, из лодки, щеку потрогал и говорит: «Я бы не советовал

вам, мистер Мак-Эванс, завтра выходить в море. И тем более — охотиться на акул». Хью аж побелел, ка-а-к врежет сукину сыну — потом плюнул, повернулся и домой пошел. А на следующий-то день беда с братаном и приключилась...

Порывистый ветер гнал свинцовые волны прочь от острова, серая пелена наглухо затянула небо; дождь медлил, но набухшие тучи были готовы разразиться им в любую минуту.

Ялик придурка Пола болтался на том же месте, что и в предыдущие два дня, и когда «Красавчик Фредди» проходил мимо, Хьюго сквозь зубы пожелал мальчишке благополучно перевернуться и вплотную познакомиться со своей шлюхой-акулой.

Позади из горловины бухты выходил баркас Неда Хокинса — ветер, все время меняющий направление, то доносил до ушей тарахтение сбоившего двигателя, то отшвыривал звук прочь. Кажется, сегодня только Мак-Эвансы и бесшабашный Хокинс решились выйти в море.

Не считая рехнувшегося сына Плешака Абрахама.

Погода погодой — выходили и в худшую. Но смутное облако гнетущего предчувствия висело над Стрим-Айлендом, заставив большинство рыбаков остаться дома. Вдобавок ночью над островом волнами плыл скорбный ритм барабана старины Лайка, громче обычного, и в снах стрим-айлендцев колыхалась сине-зеленая равнина, сплошь поросшая треугольными зубами.

Сны, понятное дело, снами, а все душа не на месте...

Братья Мак-Эвансы и Нед Хокинс считали предчувствия уделом педиков и выживших из ума старух. Что же касается мальчишки... кто его знает, что у поганца между ушами!

Ламберт стоял у штурвала, уверенно держа курс, а Хьюго тем временем деловито забрасывал крючки. Он даже не успел вывалить в воду ведро с приманкой — один из поводков дернулся, натянулся, леса принялась рыскать из стороны в сторону, и Хьюго довольно потер руки, запуская лебедку.

— Есть одна! — крикнул он брату.— С почином, Ягненочек!

Это была довольно крупная мако. «Футов десять будет», — прикинул на глаз Ламберт. Акула отчаянно вырывалась, но долго сопротивляться малочувствительной лебедке она не могла, и вскоре конвульсивно содрогающееся тело грохнулось на загудевшую палубу «Красавчика Фредди».

Хьюго не стал тратить патроны: несколько ударов колотушкой по голове сделали свое дело. Тварь еще пару раз дернулась и затихла. Малявка Лэмб заглушил двигатель, после чего спустился на палубу помочь брату.

Окажись в это время на палубе некий доктор ихтиологии Александер Флаксман — он, конечно, не преминул бы заметить, что подобная мако,

разве что чуть меньшая, была поймана на Багамах мистером Эрнестом Хэмингуэем просто при помощи спиннинга; поймана как раз в тот год, когда настырный падре Лапланте имел честь наблюдать на Вату-вара обряд инициации совершеннолетних членов явусы На-ро-ясо.

Но увы, на палубе, кроме братьев Мак-Эвансов, никого не было, и столь захватывающие подробности так и остались невыясненными.

Большой разделочный нож покинул ножны на поясе, остро отточенное лезвие с хрустом вошло в светлое брюхо рыбы — обычно норовистая мако не подавала признаков жизни. Хьюго ловко извлек акулью печень, бросил сочащийся кровью орган в стоявшее рядом ведро и снова наклонился над тушей, намереваясь отрезать столь ценившиеся у китайцев плавники.

Жрут азиаты дрянь всякую...

И тут случилось неожиданное. «Мертвая» акула плавно изогнулась, страшные челюсти действительно МЕРТВОЙ хваткой сомкнулись на голени Хьюго Мак-Эванса — и не успел Ламберт опомниться и прийти на помощь брату, как проклятая тварь пружиной взвилась в воздух и вывалилась за борт, увлекая за собой отчаянно кричащего Хьюго.

Выпотрошенная мако и ее жертва почти сразу исчезли в темной глубине, а потрясенный Ламберт стоял, вцепившись окостеневшими руками в планшир, не в силах сдвинуться с места и лишь тупо смотрел, как среди кипящих бурунов проступает клубящееся бурое пятно...

«Я бы не советовал вам, мистер Мак-Эванс, завтра выходить в море. И тем более — охотиться на акул», — эхом отдавались в голове Малявки Лэмба слова проклятого мальчишки.

Доктор Флаксман задумчиво пожевал губами и допил совершенно остывший кофе.

— Бывает,— кивнул коротышка.— В анналах КИА зарегистрирован случай, когда выпотрошенная песчаная акула прямо на палубе откусила руку свежевавшему ее рыбаку. И еще один, когда вырезав у акулы внутренности и печень, наживив их на крючок и спихнув рыбу за борт, рыболов из Пиндимара (это в Австралии) поймал на своеобразную наживку... ту же самую акулу!

— Вам виднее, док. Только на этом дело не кончилось,— Ламберт с трудом поднял отяжелевшую от выпитого джина голову и обвел слушателей мутным рыбьим взглядом.— Потому что Нед со своего баркаса видел все, что стряслось с Хью, и просто озверел. Он вытащил на палубу ящик динамита, стал поджигать фитили и кидать шашки в воду, одну за другой. Третья или четвертая взорвалась слишком близко от его баркаса, и Неда вышвырнуло за борт. Больше я его не видел. И никто не видел.

— А третьим был сам Пол,— прервал тягостную тишину, повисшую в баре, капрал Джейкобс.— Только если с Хьюго и Недом все более-менее ясно, то с парнем дело изрядно попахивает. Акулы — акулами, а... Ладно, я вам обещал, док. Теперь моя очередь. В тот день мне выпало вечернее дежурство...

Ялик, тихо покачивавшийся на предзакатной зыби и медленно дрейфовавший прочь от острова, капрал заметил еще издали. Крикнув рулевому, чтоб сменил курс, Джейкобс с недобрым предчувствием взялся за бинокль.

Поначалу капралу показалось, что ялик пуст, но вскоре, наведя резкость, он разглядел, что на корме кто-то лежит. «Небось, парень просто уснул, а наш мотор его разбудил», — Джейкобс собрался уж было вздохнуть с облегчением, но тут он всмотрелся повнимательнее и скрипнул зубами. Ялик на глазах заполнялся водой, проседая все глубже, и вода имела однозначно красный оттенок.

Такая вода бывает лишь при единственных обстоятельствах, предвещающих толпу скорбных родственников и гнусавое бормотанье священника.

— Быстрее, Патрик! — крикнул негр рулевому внезапно охрипшим голосом.

Ялик должен был продержаться на плаву минут пять — они еще могли успеть.

Но они не успели.

С шелестом вынырнул из воды, разрезав надвое отшатнувшуюся волну, треугольный акулий плавник — и, словно в ответ, пришло в движение окровавленное тело в тонущей лодке, игрушке пенных гребней.

Юношеская рука, на которой не хватало среднего пальца, с усилием уцепилась за борт, мучительно напряглась — и капрал увидел поднимающегося Пола. Лицо парня было напряжено и сосредоточено, будто в ожидании чего-то неизбежного, но необходимого и не такого уж страшного. Подобные лица можно встретить в приемной дантиста — пациент встал и вот-вот скроется за дверью кабинета... На приближающийся катер Пол не обратил никакого внимания; ждущий взгляд его был прикован к зловещему плавнику, разрезавшему воду уже совсем рядом. Мокрая рубашка Пола была вся в крови, и на мгновение Джейкобсу показалось, что он отчетливо различает паленые отверстия от вошедшего в грудь парня заряда картечи.

Наверное, этого не могло быть. Такой выстрел должен был уложить юношу на месте — а тот явно был до сих пор жив, хотя и тяжело ранен.

В следующее мгновение длинное акулье тело возникло вплотную к лодке. «Пленница Мак-Эвансов!» — успел подумать капрал, сам не зная, откуда у него такая уверенность.

Пол улыбнулся, будто увидел старого друга, протянул вперед беспалую руку — так хозяин собирается приласкать верного пса — и мешком перевалился через борт.

У капрала Джейкобса создалось впечатление, что юноша сделал это вполне сознательно.

Море возле тонущего ялика вскипело, расплываясь багряным маревом, капрал бессильно закричал, и в следующий момент ялик с негромким хлюпаньем ушел под воду. Какое-то время буруны еще рычали и кидались друг на друга, тщетно борясь за каждую красную струю, но вскоре водоворот угомонился, и только кровавое пятно расплывалось все шире и шире, будто норовя заполнить собой все море до самого горизонта...

— Это вы убили его, мистер Мак-Эванс! — голос Эми зазвенел натянутой струной, и в углу тревожно отозвалась забытая мексиканцем Пако гитара.

— Не мели ерунды, девка,— без обычной наглости огрызнулся Малявка Лэмб. — Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...

— Да, мистер Мак-Эванс. Только капрал Джейкобс упомянул еще коечто! Что перед тем, как Пола съела акула, кто-то стрелял в него, тяжело ранил и, по-видимому, продырявил его лодку, чтобы замести следы,— слова Эми резали, как бритвы-ногти столь любимого братьями Мак-Эвансами Фредди Крюгера; и доктор Флаксман невольно поежился.

— Тебе бы прокурором быть, Эми,— неуклюже попытался свести все к шутке однорукий Кукер, но реплика бармена осталась без внимания.

— Ну, Эми, под присягой я бы не взялся обвинять любого из присутствующих здесь людей,— протянул Джейкобс.— Ты же слышала: я сказал, что мне так ПОКАЗАЛОСЬ. В любом случае улик теперь нет, так что концы в воду, и...

— И убийца останется безнаказанным? — девушка на мгновение обернулась к капралу, и огромный негр потупился.

— Что ж, поздравляю вас, мистер Мак-Эванс! — сквозь горький сарказм в голосе Эми проступали едва сдерживаемые слезы.— Вы все правильно рассчитали! Накачивайтесь джином в свое удовольствие — для правосудия вы неуязвимы, а совести у вас отродясь не было! Но помните,— мягкое лицо девушки вдруг страшно изменилось, закостенело, губы перестали дрожать и выгнулись в жуткой усмешке, напоминавшей акулий оскал,— рано или поздно Ндаку-ванга найдет вас! И ОН не станет дожидаться вердикта присяжных! Помните это, мистер Мак-Эванс, когда выведете в море «Красавчика Фредди»; помните и ждите встречи на дне с покойным Хью!

— Ах ты, сука!..

Никто не успел помешать Малявке Лэмбу. С неожиданным проворством грузный рыбак оказался рядом с Эми и сгреб девушку в охапку.

— Да я и тебя, стерву языкатую, скормлю этой зубастой падали вслед за твоим дружком! — прошипел Ламберт ей в лицо, разя перегаром.— Только еще раз посмей... еще хоть раз...

Говоря, Ламберт раз за разом встряхивал девушку так, что у нее клацали зубы, а голова моталась из стороны в сторону — но тут тяжелая лапа капрала Джейкобса ухватила Малявку за шиворот.

— Поговори-ка лучше со мной, ублюдок, коли собрался распускать руки! — прорычал капрал обернувшемуся к нему Ламберту, и могучий удар отшвырнул рыбака в другой конец бара.

Этот крюк с правой в свое время принес Джейкобсу известность в определенных кругах и прозвище Ядерный Джи-Ай.

Ламберт пролетел спиной вперед футов десять, опрокидывая стулья, и тяжело грохнулся на стол, за которым сидел, уронив голову на руки, Плешак Абрахам.

И тут, казалось бы, спавший все это время Абрахам начал двигаться. Причем двигаться на удивление быстро и целеустремленно, чего никак нельзя было ожидать от безобидного пьянчужки.

Правая рука Абрахама как бы сама собой опустилась на горлышко стоявшей рядом бутылки из-под дешевого виски; в следующее мгновение бутылка, описав короткую дугу, со звоном разлетелась вдребезги, ударившись о торчавший из стены кусок швеллера с крючками для верхней одежды, — и отец погибшего Пола завис над медленно приходившим в себя Мак-Эвансом. В правой руке его сверкало бутылочное горлышко с острыми стеклянными клыками по краям.

— Это ты убил моего Пашку, гнида,— просто сказал Плешак Абрахам и одним движением перерезал Ламберту горло.

Впрочем, никто не понял сказанного — потому что Плешак Абрахам, Абраша Залецкий из далекого Харькова, произнес это по-русски.

Зато все видели, как страшным вторым ртом раскрылось горло Малявки Лэмба, как толчком выплеснулась наружу вязкая струя, и как забулькал, задергался на столе рыбак, свалился на пол и через несколько секунд затих.

Кровавая лужа медленно растекалась по бару.

— Жаль. Слишком легкая смерть для подонка,— еле слышно прошептала Эми, оправляя измятое платье.

— Абрахам... ты меня слышишь, Абрахам?

Плешак Абрахам поднял взгляд от затихшего Ламберта и посмотрел на капрала. Бутылочное горлышко, отливающее багрянцем, он все еще сжимал в руке.

— Слышишь. Я вижу, что слышишь. А теперь — положи свою стекляшку... положи, Абрахам, все нормально, никто тебя не тронет, положи горлышко и иди сюда...— Джейкобс говорил с пьяницей, как с ребенком, и в какой-то момент всем показалось, что гипноз успокаивающего тона и обволакивающие, туманящие сознание слова оказывают нужное действие: Абрахам даже сделал жест, словно и впрямь собирался положить горлышко на стол и послушно подойти к капралу.

Но довести это до конца Абрахам то ли забыл, то ли не захотел. Так и двинулся к негру, сжимая в пальцах окровавленную стекляшку.

— Положи, Абрахам! Я кому сказал? — чуть повысил голос капрал.

Перекрывая сказанное, раздался грохот. Из груди пьянчужки брызнуло красным, тонко закричал Барри Хелс, зажимая разодранное плечо — за спиной Абрахама стоял однорукий Кукер с дымящимся обрезом двустволки в единственной руке. Одна из картечин, прошив Плешака навылет, угодила в Барри.

— Привет, Пашка,— отчетливо произнес Абрахам, глядя куда-то в угол; и на этот раз все прекрасно поняли незнакомые русские слова.

— Вот и я, сынок. Встречай.

И рухнул на пол лицом вниз.

— Идиот! — ладони Джейкобса помимо воли начали сжиматься в кулаки.— Я бы его живым взял! Скотина однорукая!

Капрал шагнул было к Кукеру — и застыл, завороженно глядя на уставившийся ему в грудь обрез, один из стволов которого все еще был заряжен.

— Билли, ты... ты чего, Билли? Убери сейчас же! — растерянно выдавил капрал, и черное лицо негра стало пепельным.

И тут раздался смех. Издевательский, горький, но отнюдь не истерический; смеялась Эми.

— И эти люди называли Пола придурком, а его акулу — проклятой мразью?! Посмотрите на себя! Пол нашел общий язык с тупорылой зубастой тварью; а вы — люди, двуногие акулы, изначально говорящие вроде бы на одном языке, готовы убивать друг друга по любому поводу! Так чем же вы лучше?!

«Лучше?.. лучше...» — отголоски неуверенно прошлись по онемевшему бару, опасливо миновали лужу крови и присели в уголке.

— Просто вы никогда не пытались по-настоящему вложить душу,— добавила девушка еле слышно и отвернулась.

Хлопнула дверь, и люди начали плавно оборачиваться, как в замедленной съемке.

— Док, тут радиограмма пришла,— в заведение Кукера размашистым шагом вошел полицейский сержант Кристофер Баркович.— Кстати, какого рожна вы палите средь бела дня? По бутылкам, что ли?

Тут Баркович увидел трупы — сначала Абрахама, потом Ламберта — и осекся, мгновенно побледнев.

— Господи Иисусе...— пробормотал сержант.

Закат умирал болезненно, истекая в море кровавым гноем, и море плавилось, как металл в домне; но все это было там, далеко, у самого горизонта. Здесь же,

близ пологого юго-западного берега Стрим-Айленда, струйками мелкого песка спускавшегося к кромке лениво шуршащего прибоя, море казалось ласковым и теплым, не пряча в пучине зловещих знамений. Разве что вода в сумерках уже начинала светиться — подобное явление обычно наблюдается в гораздо более южных широтах — да еще в полумиле от берега резал поверхность моря, искря и оставляя за собой фосфоресцирующий след, треугольный акулий плавник.

Наливавшаяся густым огнем вода смыкалась за плавником, словно губчатая резина.

«Патрулирует? — беспричинно подумалось доктору Флаксману.— Или ждет... чего?»

Наконец ихтиолог с усилием оторвал взгляд от тонущего в собственной крови солнца и от призрака глубин, неустанно бороздившего море. «Ндаку-зина, Светоносный,— мелькнуло в голове.—Так фиджийцы иногда называют своего Ндаку-ванга, бога в облике татуированной акулы...» Мысли путались, из их толщи то и дело всплывали окровавленные трупы в баре, искаженные лица стрим-айлендцев — живых и мертвых...

Доктор перевел взгляд на пенную кромку прибоя. С холма, где стояли они с Мбете Лакембой, на фоне светящегося моря четко вырисовывалась фигура девушки. Белые языки тянулись к ее ногам и, не достав какого-то фута, бессильно тонули в песке. «Тоже ждет,— Флаксман облизал пересохшие губы и ощутил, как он чудовищно, невозможно устал за последние ночь и день.— Чего? Или — кого?»

Вторая темная фигура, скрюченная в три погибели, медленно ковыляла вдоль полосы остро пахнущих водорослей, выброшенных на берег. Женщина. Старая. Очень старая женщина. Время от времени она с усилием нагибалась, подбирала какую-то дрянь, долго рассматривала, нюхала или даже пробовала на вкус; иногда находка отправлялась в холщовую сумку, висевшую на плече старухи, но чаще возвращалась обратно, в кучу гниющих водорослей. Раковины? Кораллы? Крабы? Кто ее знает...

Матушка Мбете Лакембы подошла к Эми, и пару минут обе молча смотрели вдаль, на полыхающее море и треугольный плавник. Потом старуха что-то сказала девушке, та ответила, Туру-ноа Лакемба удовлетворенно кивнула и с трудом заковыляла вверх по склону холма.

Взбираться ей предстояло довольно долго при ее возрасте и крутизне склона.

За это время вполне можно было сказать то, что нужно. Все лишние слова — по поводу традиционного дома жителей Вату-вара (прямоугольная платформа-яву, четыре опорных столба, под которыми наверняка были зарыты приношения духам-хранителям), построенного жрецом на Стрим-Айленде, сожаления по погибшим и многое другое — все было сказано, и у доктора больше не осталось словесной шелухи, за которой можно было бы прятаться.

Осталось только главное.

— Уважаемый Мбете,— Флаксман закашлялся,— вам не кажется, что сейчас наступила моя очередь рассказывать? Думаю, эта повесть — не для бара. Особенно после того, как я подверг сомнению слова Эми... Короче, покойный Ламберт Мак-Эванс был отчасти прав. Когда ляпнул, что я приплыл сюда верхом на ездовой мако. Шутка, конечно,— но на этот раз он почти попал в цель. Мистер Мак-Эванс ошибся только в одном. Это была не мако. Я боюсь утверждать, но мне кажется... это был Ндаку-ванга!

Мбете Лакемба медленно повернулся к доктору, и в первый раз за сегодняшний день в глазах старого жреца появилось нечто, что можно было бы назвать интересом.

— Ндаку-ванга не возит на себе людей,— глядя мимо Флаксмана, бесцветно проговорил Лакемба.— Для этого у него есть рабы.

— А Пол? Кроме того, я и не утверждал, что Ндаку-ванга возил Александера Флаксмана на себе. Когда меня, находящегося к стыду моему в изрядном подпитии, смыло за борт, и я начал погружаться под воду — я успел распрощаться с жизнью. Но тут что-то с силой вытолкнуло меня на поверхность. Обернувшись, я увидел совсем рядом зубастую пасть здоровенной акулы.

Доктор передернулся — настолько живым оказалось это воспоминание.

— Я, конечно, не принадлежу к общине На-ро-ясо, как вы, уважаемый Мбете, но в акулах все же немного разбираюсь... Не узнать большую белую акулу я просто не мог! Смерть медлила, кружила вокруг меня, время от времени подныривая снизу и выталкивая на поверхность, когда я снова начинал погружаться — плаваю я отлично, но после коньяка, да еще в одежде... Пару раз акула переворачивалась кверху брюхом, словно собираясь атаковать, и меня еще тогда поразили ярко-синие узоры на этом брюхе. Даже ночью они были прекрасно видны, будто нарисованные люминисцентной краской. Действительно, как татуировка. Странно (доктор Флаксман произнес последнюю фразу очень тихо, обращаясь к самому себе), я в любую секунду мог пойти ко дну, вокруг меня наворачивала круги самая опасная в мире акула — а я успел заметить, какого цвета у нее брюхо, и даже нашел в себе силы удивиться...

Мбете Лакемба молчал и смотрел в море.

Возраст и судьба давили на плечи жреца, и ему стоило большого труда не сутулиться.

—Потом акула несколько раз зацепила меня шершавым боком, толкая в какую-то определенную сторону; и когда она в очередной раз проплывала мимо — не знаю, что на меня нашло! — я уцепился за ее спинной плавник. И тут «белая смерть» рванула с такой скоростью, что у меня просто дух захватило! Я захлебывался волнами, накрывавшими меня с головой, но

все же мог дышать: акула все время держалась на поверхности, словно понимала, что мне необходим воздух. В конце концов я потерял сознание... дальше не помню. Утром меня нашел на берегу сержант Баркович.

— А исследовательское судно, на котором я плыл сюда, пропало без вести,— после паузы добавил доктор.— Вот, сержант передал мне радиограмму.

Флаксман похлопал себя по карманам одолженной ему рыбацкой робы и вдруг скривился, как от боли,

— Что там у вас? — почти выкрикнул жрец.

— Ерунда, не беспокойтесь. Царапины. То ли акула приложилась, то ли сам об камни стесал...

— Покажите! — голос Мбете Лакембы был настолько властным, что доктор и не подумал возражать. Послушно расстегнув робу, он представил на обозрение Лакембы странное переплетение подживавших царапин и кровоподтеков на левом боку, непостижимым образом складывавшееся в витиеватый узор, напоминавший...

— Я верю вам,— просто сказал Мбете Лакемба, отворачиваясь.— На вас благодать Светоносного. Можете считать себя полноправным членом явусы На-ро-ясо.

— И... что теперь? — растерялся Флаксман.— Нет, я, конечно, очень признателен Ндаку-ванга за оказанное доверие («Что я говорю?!» — вспыхнуло в сознании), он спас мне жизнь, но... в конце концов, погибли люди, рыбаки, и еще этот юноша, Пол...

— На вашем месте, доктор, я бы беспокоился не о мертвых, а о тех, кто остался в живых,— Лакемба понимал, что не стоит откровенничать с болтливым коротышкой, и в то же время не решался отказать в беседе посланцу Ндаку-ванга. Месть Светоносного здесь, на Стрим-Айленде, свершилась. И тот, кто стал орудием судьбы, сейчас имеет право задавать вопросы. И получать ответы.

— Почему? — удивленно поднял брови ихтиолог.

— Белые Мбати своими шумными играми разбудили Светоносного, и священная пещера под Вату-вара опустела. Отныне дом Ндаку-ванга — велик. И бог нашел предназначенного ему человека; свою душу среди двуногих обитателей суши.

— Пол?! — ужаснулся Флаксман, снизу вверх глядя на скорбную и величественную фигуру жреца.— Падре Лапланте в своих записках упоминал о том, что престарелые и неизлечимо больные члены явусы На-ро-ясо приходят на ритуальную скалу и бросаются в море, где их немедленно поедают акулы. Якобы фиджийцы верят, что перерождаются в пожравших их акулах... Пол прошел обряд до конца?!

Лакемба молча кивнул.

— И вы считаете, что теперь он — это Ндаку-ванга?

— Не будь в Ндаку-ванга человеческой души, он не стал бы спасать тебя. Пусть даже ты был нужен ему лишь как Посланец — все равно...

Флаксман лихорадочно вспоминал свои собственные вопросы, рассказы Ламберта, Эми и капрала, быстро накаляющуюся в баре атмосферу, костенеющее лицо девушки: «...рано или поздно Ндаку-ванга найдет вас!» — и дурацкую, нелепую драку, вылившуюся в трагедию. Неужели все это случилось из-за него, безобидного доктора ихтиологии? Неужели он помимо воли оказался посланцем неведомого существа, которое...

Когда доктор Флаксман наконец повернулся к Лакембе, то вместо слов возмущения и неверия он произнес совсем другое.

— Знаете, мистер Лакемба, я занимаюсь акулами уже двадцать лет, и не я один, но чем дальше мы продвигаемся в своих исследованиях, тем больше понимаем, что практически ничего не знаем об этих удивительных существах, которых даже язык не поворачивается назвать рыбами.

Мбете Лакемба вежливо улыбнулся. Светоносный выбрал себе очень болтливого Посланца. Может быть, бог решил испытать терпение своего жреца? Что ж, он будет терпелив.

—...Ведь некоторым видам акул насчитывается сто пятьдесят — двести миллионов лет! И за это время они практически не изменились. Словно кто-то остановил их эволюцию, повернув некий природный выключатель! Знаете, уважаемый Мбете (доктор доверительно придвинулся к жрецу), у меня и у моего коллеги, доктора Тинсерли из Массачусетского университета, есть по этому поводу своя гипотеза. Что, если эволюция акул была селекцией? Что, если для некой нечеловеческой працивилизации акулы были примерно тем же, чем для нас являются собаки? Искусственно выведенные породы сторожей, ищеек, гончих... Потом хозяева исчезли, селекция прекратилась, и одичавшие псы миллионы лет бороздят морские просторы в поисках сгинувших владык? Вы, «Повелевающие акулами», случайно (или не случайно?) набрели на десяток-другой команд, подчинение которым заложено в акульем генотипе, и научились частично управлять «волками моря» — но в большинстве своем акулы по-прежнему одиноки, они до сих пор ищут своих хозяев, как и миллионы лет назад! А Ндаку-ванга... извините, если я кощунствую, но ваш Светоносный — это вожак стаи!

Старый жрец молчал долго.

— Ты жил среди нас,— наконец заговорил Лакемба, наблюдая за тем, как его матушка медленно взбирается на холм.— Ты должен был слышать. Легенда об акульем царе Камо-боа-лии, как еще иногда называют Ндаку-ванга, и девушке по имени Калеи.

— Конечно, конечно! — радостно закивал доктор.— О том, как Камо-боа-лии влюбился в прекрасную Калеи, приняв человеческий облик, женил-

ся на ней, и она родила ему сына Нанауе. Уходя обратно в море, Камо-боалии предупредил Калеи, чтобы она никогда не кормила ребенка мясом, но со временем кто-то нарушил запрет, и Нанауе открылась тайна превращения. Многие люди после этого погибли от зубов оборотня, и в конце концов Нанауе изловили и убили. Очень печальная история. Но при чем тут...

— При том, что рядом с Нанауе не оказалось правильного Мбете, который бы научил его правильно пользоваться своим даром,— прервал доктора жрец.— Иначе все бы сложилось по-другому. Так, как было предопределено изначально. В море появился бы Хозяин.

— Хозяин?! Вы хотите сказать...

Рядом послышалось тяжелое старческое дыхание, и Туру-ноа Лакемба остановилась в двух шагах от сына, с трудом переводя дух.

— Она беременна,— отдышавшись, произнесла старуха на диалекте Вату-вара.

Но доктор ее понял.

— Эми? — ихтиолог невольно взглянул в сторону все еще стоявшей на берегу девушки.— От кого?

Туру-ноа посмотрела на белого посланца Ндаку-зина как посмотрела бы на вдруг сказавшее глупость дерево, и ничего не ответила.

— Мне скоро предстоит ступить на Тропу Мертвых, сын мой. Я уже слышу зловонное дыхание двухвостого Туа-ле-ита. Так что присматривать за ее ребенком придется тебе. Справишься?

Мбете Лакемба почтительно склонил голову.

— Я сделаю все, чтобы он вырос таким, как надо.

Старуха согласно кивнула и побрела к дому.

— Я не зря напомнил тебе старую легенду, Посланец,— проговорил жрец, не глядя на доктора.— Все повторяется. Может быть, ты прав — и тогда ребенок, который родится, станет тем Хозяином, которого ищут акулы. Или прав я — и тогда родится сын Ндаку-ванга, повелитель всех акул, живущих в океане. А может быть, прав окажется падре Лапланте, который в свое время читал моей матушке главы из вашей священной книги. Помнишь: о пришествии Врага рода человеческого, в облике зверином и рожденного от зверя, противника вашего Бога?

Мбете Лакемба загадочно улыбнулся.

Ноздри старого жреца трепетали, ловя запах умирающего дня, в котором больше не было обреченности — лишь покой и ожидание.

Теплые волны ласкали ее обнаженное тело, и ласковые руки опоздавшего на свидание Пола вторили им. Сегодня Пол, обычно замкнутый и

застенчивый, вдруг оказался необыкновенно настойчивым, и Эми, почувствовав его скрытую силу, не стала противиться.

Это произошло в море, и мир плыл вокруг них, взрываясь фейерверками сладостной боли и блаженства. Это казалось сказкой, волшебным сном — а неподалеку, в каких-нибудь двухстах футах от них, упоенно сплетались в экстазе две огромные акулы, занятые тем же, что и люди; Эми не видела их, но море качало девушку, вторя вечному ритму, и завтра не должно было наступить никогда... Это было совсем недавно — и в то же время целую вечность назад, в другой жизни.

Наутро она узнала, что Пол погиб.

Вчера.

Эми понимала, что наверняка ошибается, что это невозможно, а может, ей все просто приснилось — но девушка ничего не могла с собой поделать: мысли упрямо возвращались назад, словно собаки на пепелище родного дома, и выли над осиротевшим местом.

Она пыталась высчитать время — и всякий раз со страхом останавливала себя.

Потому что по всему выходило: это произошло, когда Пол был уже несколько часов как мертв.

...Она стояла на берегу, море таинственно отливало зеленым, и резал воду в полумиле от берега треугольный плавник, оставляя за собой фосфоресцирующий след.

Невозможная, безумная надежда пойманной рыбой билась в мозгу Эми.

Она стояла и ждала, глядя, как солнце вкладывает свою раскаленную душу в мерцающее чрево моря.

А в это время ошарашенный радист стрим -айлендской радиостанции наскоро просматривал только что пришедшие радиограммы: градом сыпались сообщения с промысловых сейнеров о порванных сетях и полном исчезновении рыбы, а на побережье один за другим закрывались пляжи в связи с невиданной волной нападений акул.

И почти никто еще не понимал, что это — только начало.

ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ И НЕ ТОЛЬКО

Кирилл Берендеев

ADVOCATUS DIABOLI

Несколько причин,
которые потрясли мир фантастики

О времена, о нравы!
Сенат это понимает,
консул видит,
а он живет...
Цицерон

Вообще-то речь в словах Цицерона идет о Катилине. Но уж больно верно сказано применительно и к нашей теме: к кризису жанра, по поводу которого написаны уже не статьи — трактаты и манускрипты, впору издавать антологии. Собственно, о нем, родимом, только и говорят и в высших сферах, и на грешной земле. Я не буду исключением, все, так все. Кстати, я к этому положению еще вернусь.*Кризис-то уж больно затянулся. Книги выходят, издательства оправились от удара-98 и увеличивают уже тиражи и планы, появляются новые имена и новые серии, а читать... читать все равно нечего. И некого. Как нарочно.*

По стародавней традиции всякий избалованный чтивом человек, не желающий бесконечно пережевывать конанообразные саги, задает вопрос, за который до него поплатилось головой не одна сотня человек: «кто виноват?». Найдем виноватого, а там и разберемся, что делать.

В данном случае проще всего ткнуть пальцем в ближайшего из виноватых. В издательства. Это они, проклятущие, выпускают серии, состоящие сплошь из бездарных романов бездарных авторов, известных и не очень, это они приучают народ к «жвачке»

сериалов, каждое продолжение которых по определению хуже начала, это они... ну, и так далее.

Раз уж моя статья называется «адвокат дьявола», то речь в ней пойдет о частичном обелении наших монстров книжного рынка. Чтобы обратить внимание на другое на, возможно, первоосновы случившегося кризиса.

Для этого ненадолго отцепимся от отечественной фантастики. Хотя бы на страницу.

Проще всего зайти в хороший магазин, торгующий хорошей литературой и полюбопытствовать его ассортиментом. Раз я, будучи в дурном настроении — как раз по этому поводу, — так и сделал. Принялся бродить меж полок и узрел. Что я узрел, вынесу в отдельный абзац.

Издательство «Амфора», да умножатся его дни и годы, его и господина Назарова, бывшего основателем еще «Азбуки» и «Северо-запада», выпустило следующие вещицы. Харуки Мураками «Охота на овец» (бестселлер последних десятилетий), Филип Дик «Око небесное», Горан Петрович «Атлас, составленный небом» (рекомендую) с предисловием Милорада Павича, и самого Павича так же. Далее, киевское издательство «Ника-центр», серия «Пси»: Джеймс Баллард «Автокатастрофа», Мирча Элиаде «Генеральские мундиры» (чем-то похоже на «столетнего» Маркесаи, еще чем-то на Амброза Бирса), Марсель Эме «Ящики незнакомца» (вообще, этот остроумнейший француз мне очень симпатичен), а далее, Эжен Ионеско, Штефан Хейм и прочая и прочая. Издательство «Азбука» — Рэй Бредбери, Станислав Лем, Джон Толкин — это без комментариев. И это многообразие — лишь за последний год. Все? Нет. Вышеперечисленное лишь верхушка айсберга.

В этот момент меня могут остановить и потребовать объяснений, в самом деле, имена большинства авторов, кроме последней тройки, никому из почитателей жанра ничего не говорят. Их тиражи ничтожны, 5—7 тысяч, они продаются годами, пылясь на полках, позабытые и позаброшенные, событие, если в день одного автора, исключая, пожалуй Павича и Мураками, купят больше экземпляра. Они еще и дороги: тонкая книжица в переплете идет по цене, обыкновенно вдвое превышающей среднестатистического тридцатирублевого Гаррисона или Муркока. Скорее всего, немалую часть тиража в итоге просто пустят под нож, ибо читателей на него так и не нашлось. И все же их выпускают.

Просто потому, что читатель и почитатель Тэнит Ли и Лео Перуца слишком немногочислен. Но тоже имеет право на обладание заветной книжицей. И зловредные издатели идут ему навстречу, пробивая хорошие переводы и дешевые книги на прилавок. Заведомо зная, что их деяние окажется в лучшем случае

бесприбыльным. Спасает лишь серия, где, вместе с «мейнстримным» Кундерой будет стоять постмодернист Бланшо, а с перспекивным Маркесом — элитарный Ролан Барт. Прибыли первых перевесят или компенсируют потери от издания вторых.

Это к вопросу о сериях.

Теперь к вопросу о «наших».

Странно как-то получается, вроде очень похоже на «жидомасонский заговор»: их интеллектуальную элиту у нас печатают, а наша нам же самим просто не встречалась. Вот разве что два имени: Пелевин и Сорокин. Но это уже моветон, сущие маргиналы, нарушители душевного равновесия, в порядочном обществе обсуждать, особенно последнего, просто не принято. Хотя ссылаться на знание произведений обоих очень даже ничего.

Так в чем же дело? Должны же быть хоть где-то наши новоявленные Стругацкие или того больше, Булгаковы. В нашей-то величайшей из великих литературе они, наследники Газданова и Бунина, Гумилева и Зайцева, Мережковского и Бальмонта, непременно должны наличествовать, да, после свержения всех мыслимых и немыслимых запретов, после отмены цензуры и полной — аж дух захватывает — свободы слова. Не все же, в самом деле, в Париж да Берлин уехали.

И вот, покричав эдак с четверть часа, повозмущавшись и слегка остыв от собственных слов, сопоставляя дела в глубоком раздумье, внезапно приходишь к неутешительному выводу. А если это — все, что мы имеем. Если вся литература, действительно, была вывезена эшелонами в Сибирь или на Запад, расстреляна, задушена, запрятана в психушки, задавлена настолько, что.... И сказать страшно. Поэтому не скажу.

В любом случае литература это процесс. Плеяда, если хотите. Из ничего вырасти она не в состоянии, она должна выкристаллизовываться, она должна перетекать из поколения в поколение, она должна... Одним снятием запретов невозможно создать поколение гениев, равных Серебряному веку. Нужны предпосылки, нужны Чехов и Достоевский, Тургенев и Лермонтов, Пушкин и Ломоносов и Державин. Процесс требует времени, терпения и невмешательства властных лиц. И если последнее у нас ныне наличествует, то со временем худо. А еще хуже со связью времен, просто как у Шекспира: «порвалась дней связующая нить...».

Увы, но это так. Нынешние уже шаткие по возрасту столпы литературы едва ли сравнимы с прежними, как ни печально. Вообще же советская власть как историко-культурная общность, увы, привнесла в золотой запас России лишь лицедейский жанр, развившийся необыкновенно, в противовес прочим: я говорю о

театре и кино. Это вполне объяснимо, если исходить из подсознательной посылки каждого художника слова или жеста на презрение, отрицание существовавших нравственных и идеологических устоев. В кино вообще разрешалось многое, тот же Гайдай любой своей комедией мог сколь и как угодно трепать кумачовое знамя, я могу предположить, что власть видела в подобных комедиях некий выход недовольства во вполне мирный смех над глупостью общества, в котором мы все некогда существовали. Невозможно, чтобы после «Шурика» народные массы бросились бы к топору; собственно, исходя из этой посылки, лицедейство и процветало столь энергично, еще бы, ведь в нем одном у нас вырастали удивительной силы таланты.

Однако, вернемся к литературе. Перечисляя великих в уходящем веке, нельзя не отметить, что и Булгаков, и Солженицын, и Пастернак воспитывались людьми, рожденными и впитавшими «ту» культуру, «то» сознание, «тот» миропорядок. А это значит очень и очень многое. И как следствие и «Мастер и Маргарита», и «Доктор Живаго» равноценны для обеих, местами взаимоисключающих культур, поскольку созданы авторами, рожденными в переломную эпоху и определившими для себя ценность всего, что было и что есть, и, таким образом, уравнявших в себе противоречия времени. Это сделало возможным и своеобразный культурный перевод в новое время прежних образцов подражания.

Ныне же ситуация несколько иная. В достаточной степени отсутствует целая эпоха персоналий, одно поколение, способное перебросить мост на первых порах. Мы ощущаем отсутствие достойных мастеров сороковых-пятидесятых годов, во всем мире они, став живыми классиками, пришли на смену родившимся на десятилетие-два раньше. А у нас? Токарева, Улицкая, Кабаков, Войнович, Буйда — я говорю о большой литературе — никак не могут претендовать на звание классиков. Да, неплохие, по меньшей степени, мастера своего дела, да, таланты, но не более того. Не высшая марка. Привыкнув к исходному материалу, стилю, способам изложения, они едва ли смогут создать что-то большее, вне своего отработанного пространства. Да, кстати, и Пелевин также, как это ни прискорбно. Популярный дзен-шаманизм, сколько его ни растягивай для новых слоев читателей, все равно останется по структуре мыльным пузырем: чем больше охват, тем тоньше и слабее взаимосвязь материала. Все же его ранний постмодернизм имел больше шансов стать явлением, чем произведения последнего времени. Но это уже общее больное место новых мэтров.

А ведь им еще писать и писать. Перевод из застоя литературы последних пятидесяти лет в новые рамки, из старого про-

шлого в новое будущее, именно так, а не иначе, как принято восприниматься многими в наше время, не возвращаясь, но поднимаясь на следующую ступень понимания и осмысления реальности, сложен и кропотлив, Бог знает сколько времени уйдет на построение концепций, хотя бы сходных с мировыми течениями. А ведь постмодернизму, извините меня, не сто лет, и не двести. Две тысячи уж стукнуло, совсем недавно западная литература спохватилась и стала использовать наработки, сделанные на санскрите в то время, когда был жив Христос. Так о чем еще может идти разговор?

Меж тем неприятие современности, доходящее до антагонизма, и связанный с этим ригоризм к новым веяниям (а таким ли новым?), проникающим в литературу извне, не позволяет в достаточной мере осуществить связь поколений, вновь, как и почти сто лет назад, оказавшихся по разные стороны разлома эпох. Кажется, попытки были, но очень уж слабые. И потом, попытки эти не приемлет, не хочет принимать со свойственным ему конформизмом и максимализмом новое поколение, достаточно уже уверенно чувствующее себя в новой эпохе.

К тому же новое время требует новых героев, новых стереотипов, новых возможностей, образов, способов подачи. А их нет, почти нет у наших классиков. И, странно, сейчас не воспринимаются уже новые опусы Булычева и Абрамова, а ведь еще десяток лет назад... Мне думается, столь резкий разрыв связан и со скоростью перехода. От которой просто порвались связи меж поколениями, каждое замкнулось на себя и не желает воспринимать прошлое (настоящее) как данность (историю).

Да их практически нет в фантастике, раз уж разговор о ней. Переводной концепт – единственный, что восполняет нам отсутствие типажей и собственных строителей жанров. Наша фантастика так и осталась на уровне тургеневских романов, так и осталась по сути своей советским динозавром, в котором копошится множество авторов, жаждущих заявить о себе. Долгий застой не способствует скорому развитию, скорее, усталости от любой из возможных наработанных тем. Да и переводная интервенция, почти убившая отечественный рынок в свое время, дает лишний повод автору сорваться в «чужой» материал. Слишком долгое время наш автор считался бессмысленным подражателем, невыразительным и исполненным максим «руководящей линии». Появившееся отрицание «нашего» привело к парадоксальному восприятию мира – через иноземные линзы. Вопрос: тебе какая литература больше нравится: английская или французская, мог появиться лишь в отсутствие конкуренции со стороны литературы родной; в самом деле, не все ж, Распу-

тиным, Беловым да Астафьевым прикрывать дыры в отечественном материале. И самое тяжелое, конкуренции долго не было в силу подражания западным образчикам. Да и теперь мы с трудом отходим от «их» стереотипов мышления, дай Бог, лет через двадцать и избавимся, и тогда уже можно будет говорить о независимости литературы.

Почему столь долгий срок? Мне кажется и он малым.

Все дело еще и в нашей ментальности, в психологии восприятия. Не навязанной — устоявшейся веками. В т.н. соборности, когда первое место в сознании человека занимает его община, род, тейп или что-то в том же духе. Когда максимы вроде «как все, так и я» (о чем я и говорил в начале) буквально подавляют самосознание и индивидуальность восприятия окружающего. Ныне, как и несколько десятков лет назад, мы имеем все тот же западный стереотип восприятия действительности; но если раньше говорилось в качестве похвалы: он пишет как Берджесс, ныне, скажем, как Фаулз.

И что же мы в этом случае имеем? Достаточно посмотреть на прилавки и перечесть аннотации у десятка книг одного поджанра. Стандарт восприятия выливается в стандарт написания. И, как следствие, в стандарт прочтения и почитания. Иными словами, в естественность, которой всегда есть место, должно быть место.

Поистине, парадоксальная зависимость. Издатель печатает то, что пользуется спросом, спорное подгоняет под то, что пользуется спросом, и таким образом, формирует спрос. И нечего лишнего.

Поистине, лишнее должно быть гениальным, а гениальное всегда спорно и сомнительно, у издателя оно почти требует корректировки. И пойдет ли на это издатель, превращая вещь талантливого автора в нечто заурядное — вопрос непритупленности, уставшего от серости вкуса.

Трудно разбередить такое болото. Трудно, но можно.

Другое дело, восприятие общества. Если издателя не уломать, так купить можно (оплатив тираж, я имею в виду), то с мнением «самого большого жюри» сложнее. Привычка, боязнь и нежелание согласится с самим собой в отстаивании собственного взгляда на жизнь достигли в последнее время масштабов циклопических. Неуверенность в завтрашнем дне порождает стремление остаться на прежних позициях, во всем, абсолютно во всем, в литературе тем более. Наши высоколобые ценители прекрасного в большей степени подвержены этому заболеванию, точно на положении утки с голубой ленточкой на лапке в «Гадком утенке», обязанные приветствовать что-то новое, но только то, что может быть адекватно ими воспринято. Скажем, Б. Акунин — уж на что душка и бонвиван, раз занят лишь тем, что

перебирает старые — а для нас новые — концепции и тексты. Это понятно и естественно. Да, естественно, опять о том же.

И естественно с их проверенной точки зрения восприятие фантастики как жанра маргинального.

Увы, но это так, и не только, кстати, у нас. Неприятие прошлым вызволило на свет стремление «засветиться» в презираемом «взрослыми», «серьезными людьми» месте. Удивительно подростковая психология, но что вы хотите, нашей современной фантастике совсем мало лет, всего ничего, едва десяток. И люди, которые ее пишут, большею частью пришли с «другой стороны», из того прошлого, которое мы оставили совсем недавно. Громких новых имен, к сожалению, практически нет, навскидку я могу вспомнить разве что Андрея Белянина, писателя остроумного и многообещающего. Ну, еще виртуального Макса Фрая, и то если избавится от максим подросткового восприятия действительности. И если будет писать реже.

Кстати, вот вам еще одна причина. Но о ней чуть позже.

Фантастика при советской власти всегда была в положении нелюбимой падчерицы, сейчас к ней отношение если и изменилось, то ненамного в лучшую сторону. Причина проста — завуалированность, нелинейность создаваемого мира, когда невозможно сказать, о чем именно может идти речь — о крамоле или обличении. О нас или о «них». Фантастику в духе производственного романа писать тяжеловато, примеров не так много, вот разве что «Туманность Андромеды», писатель вольно или невольно стремится преподнести иллюзорный мир в том цвете, какой подсказывает ему его восприятие нашего мира. А уж что за мысли он имеет по поводу окружающей действительности — не цензорам судить. Ведь всегда можно отбить свой опус — дескать, я это все про «них», поганцев, насочинял. И добавить, ехидно улыбаясь, неужто не видно. Двоемыслие, столь великолепно воспетое Оруэллом, торжествует.

Так появились Стругацкие, и так стали появляться вечные вопросы, которые, уйдя из литературы «мейнстрима», в силу исчерпанности средств выражения простого через обыденное, естественно должны были куда-то приложиться. Можно сказать, в этом смысле, что фантастика олицетворяет собой детство литературы, и это последней не очень-то по душе.

Оно и понятно, повторение пройденного. Но только ракурс немного другой. А сюжеты, если они имеются, все те же, что и тысячу лет назад.

Именно, если имеются, ведь интерес к новому жанру был всегда куда выше, чем имелось, да и имеется предложение. Словом, число жаждущих причаститься превышает возможности имеющихся в наличии авторов.

Это вольница для дилетантов, для графоманов в худшем смысле слова, для тех, кто умеет писать, но не умеет сочинять. Фантастику буквально захлестнул поток мутного чтива, всякий, кто считал себя в состоянии правильно держать перо, позволял себе влезть в заветную нишу. Возможно, если бы не разделение жанров литературы, этого бы не произошло в таком объеме, но разделение произошло век назад, в те времена, когда люди считали себя потомками умерших богов и классифицировали мир по своему усмотрению, так что ныне поздно уже что-то менять. Остается отделить зерна от плевел, что не так-то просто.

В двадцатых-тридцатых было еще хуже, тогда фантастика только зарождалась как жанр и всякое произведение, повествующее о пришельцах, варварах из прошлого и будущего, войнах на Луне и Марсе, расходилось на ура. Смешно конечно, но сейчас в России ситуация немногим лучше. Можно сказать и об отсутствии достаточного предложения достаточно качественных авторов, можно посетовать на павшую очень уж низко культуру подрастающего поколения, которое, естественно, стремится ко всему новому, можно говорить о своего рода эскапизме в иномиры, можно вспомнить и подавляемый интерес, не улетучившийся и ныне, ко всему иноземному, западному. Это уж черта у нас такая, на века, как говорится. А можно, спохватившись, сказать и о моде на фантастику. Ранее западную, определенного толка — Хайнлайн, Желязны, Гаррисон, Муркок, — затем отечественную, и того же рода — Головачев, Лукьяненко, Никитин, Семенова. Род при всей непохожести один — захватывающее чтиво с элементами жанра экшн.

Чем быстрее сюжет, тем меньше времени на его обдумывание, и тем больше желание узнать, чем же все кончится. На этом и построено большинство произведений. Это и ставится во главу угла.

Иной раз посмотришь на последние поделки нынешних авторов и поневоле решишь, что правы те, кто причислял, по крайней мере, нашу фантастику к разряду маргинальных, скоропортящихся явлений. В сущности, тут как раз и можно повинить издателей — как же так, господа, неужто не надоело выпускать чушь тиражами, превышающими норму. Ответ будет прост, как выеденное яйцо, и связан со спросом населения. Пока нравится, будет и выпуск, будут и авторы-однодневки, и книги для мусорной корзины. Их просят, потому что устали от загадок самой нелегкой жизни, потому что нет времени, потому что так проще постигать книгу, не усложняя свое времяпрепровождение, потому что исчезли догматы старого времени, обязывающие к Ремарку и Хемингуэю, Эмису и Ирвину Шоу, потому что ритм жизни подсказывает ритм

повествования, никуда не денешься. Да много еще этих потому. А племя грядущее менее всего задумывается о душе, обреченное на поиски хлеба насущного или на проблемы с его реализацией. Менее всего интересны ему изыски Набокова или филигрань Сологуба. В моде то, что не кажется заумным, ибо заумь — грех того, прошедшего, поколения. А нынешнее выбирает «пепси». И писателей, если решится вдруг почитать, из тех, кто пишет о них, и тем языком, что новопринят в их среде.

Конечно, от этого просто не избавиться. Ни враз, ни через сто лет. Хуже всего еще и то, что авторы все по той же старорусской привычке топочутся на одном и том же месте, пишут одно и то же, словно сочинение у хорошиста передирают. Это все та же боязнь, из разряда не попасть в серию, затратив силы, оказаться без выигрыша, пройти мимо спроса. Раз в героической фэнтези подфартило, так вот вам, дорогие читатели, еще один роман с тем же героем и тем же антигероем, теми же декорациями и сюжетными ходами. Чтоб уж наверняка.

Но это все проблемы третьесортных сочинителей. Когда после кризиса тиражи упали, их страхи проявились еще явственнее, серии стали еще одинаковее, еще скучнее и стандартнее. Необходимо стало разбавить ее кем-то известным и не слишком ординарным.

И тут выяснилось, что ординарны внезапно стали все. Головачев пишет головачевское, Лукьяненко – лукьяненкское, а чтоб наоборот, так упаси Боже. Причина? Куда прозаичнее, чем кажется.

Такая простая история... В качестве примера (имена и фамилии не указаны по самой прозаической причине: подобное случается едва ли не с каждым). Итак, жил-был в, скажем, Казахстане молодой и подающий надежды писатель. Писал он рассказы и повести, которые гордо именовал романами, печатался в местных издательствах и получал гонорары. Была как раз перестройка, время поддержки молодежи. Потом перестройка кончилась, сей молодой человек оказался в государстве, которого уже немало столетий не было на карте, но которое вновь появилось и стало диктовать некоренному населению свои условия. В связи с чем, а так же по иным причинам писатель переезжает в Россию, в Москву.

И принимается на ура. Его печатают крупнейшие издательства, переиздают многое число раз, его заваливают деньгами и предложениями в духе: пишите, только пишите, что Бог на душу положит, а мы подхватим и распространим. Ваше имя главное наше достояние, под ним пройдет что угодно. Вдохновленный, он принимается за творчество с утроенной силой.

Тем временем тиражи фантастики (а я не говорил, что писатель наш фантаст, но это и так понятно) падают, гонорары соответственно не растут, в отличие от курса доллара. Писателю как признанному адепту требуется поражать восхищенную публику вновь и вновь, роман в год — это прожиточный творческий минимум современного ритма жизни. Тем более появляются конкуренты, норовящие захватить чужой пьедестал. Надо, чтобы о тебе не забывали.

Тем более, что писатель покупает себе квартиру и справляет свадьбу с той, которая ему приглянулась больше других. В этой стране трудно жить на одни гонорары, нужна мировая слава, если ее нет, приходится вертеться. А он ныне не один. И писатель вертится самым простым и доступным ему способом – живет на гонорары. На эксперименты нет ни времени, ни сил, ни желания. Он пишет так, как проще, понятней, естественней его почитателям, он продолжает работать в режиме, при котором не остается возможности на нечто большее, чем то, что он успевает выпекать. Да и... как забыть зависимость от тиража, если он вдруг создаст что-то оригинальное, допечаток и перепечаток может не последовать, а это серьезный удар по бюджету... да и по престижу, наконец. Он считает себя свободным от издательства, но не может не сознавать, что не свободен от читателей. Они привыкли к его стилю, к его манере изложения, резкие изменения могут их напугать и они отставят подорожавшую книгу обратно на полку.

Наверное, если бы не кризис-98, не война в Чечне, он мог бы и не волноваться так. Его бы купили немцы, французы, не раз проявлявшие интерес к нашим, он был бы своим человеком на Франкфуртской книжной ярмарке. Но страна попала в изоляцию, кто знает, когда она выйдет из нее, ему волей-неволей приходится писать больше, чем необходимо. Другим, менее известным — тем паче. Им выход на еврорынок заказан.

В сущности, история может иметь и не столь драматическое продолжение. Это уже во многом зависит от государства, от его политики по отношению к потребителям и производителям книг. И еще от позиций самого писателя, конечно. Вот только выбор слишком несправедлив: или слава-однодневка или слава через десятилетия, до которой еще нужно дожить. Но я говорю о писателях, чей дар очевиден и для них самих, что немаловажно, и для тех, кто берет их работы «в оборот». Человек, не страдающий графоманством, не Крашевский и не Силверберг по производительности поневоле задумается над этим вопросом. И, может быть, будет искать работу и, в этом случае, время для тогда уже хобби. Или взять себя в удила поточного производства?

Невеликий выбор.

А вы говорите, кризис. Все это уже не кризис, это сублимация катастрофы.

P.S. Помнится, у царя Соломона на пальце всегда было надето кольцо, а на нем выгравирована надпись: все пройдет, и это тоже. Нам остается только надеяться. Ну и, конечно, выкарабкиваться самим, рассчитывая разве что на плечо товарища по несчастью. И дай-то Бог, чтобы, как и в прошлом, действительно, пронесло.

От пишущего эти строки тоже, быть может, что-то зависит.

От редакции.

Мы, безусловно, понимаем, что уже сейчас могут посыпатося на нас обвинения в однобокости, в сгущении красок в отсутствии оптимизма... Так же мы хорошо понимаем, что приведенная статья во многом перекликается со статьей Алексея Лебедева «Грехи наши тяжкие... Заметки о кризисе современной фантастики» из сентябрьского номера этого года.

Однако, на наш взгляд, нас можно извинить, поскольку саму эту рубрику мы затевали как полемику на злободневную тему и статья Лебедева должна была послужить затравкой к ней. Не наша вина, что пока единственный конструктивный отклик на наше приглашение, что называется, попал в струю. Может быть даже слишком.

Но, если задуматься, неужели действительно все так плохо? Неужели нельзя найти сторону в данном вопросе, с которой все покажется не так мрачно и даже трагично? Где вы, оптимисты, откликнитесь! Откликнитесь по нашему обычному адресу для приема рукописей. Наверняка ведь есть что сказать в защиту нашего с вами любимого жанра и людей, творящих в его рамках.

Ждем...

КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Евгений Гуляковский. *Красное смещение: Фантастический роман. М. ЭКСМО-пресс. 2000.—420 с. Серия «Наши звезды». 20 тыс. экз.*

Эта книга уже выходила в издательстве «Эксмо-пресс» несколько лет назад, но особого внимания тогда не привлекла, хотя в ней есть, казалось бы, все, что нужно для коммерческого успеха.

Хотя роман был переиздан еще в прошлом году, тем не менее сказать о нем следует хотя бы потому, что произведение представляет собой своего рода знаковое явление в отечественной фантастике, будучи практически первой книгой в том направлении, которое иногда называют «техномагией». Роман находится на стыке классической научной фантастики и фэнтези. В среде почитателей фэнтези автору рецензии приходилось встречаться с мнением, что эта и ей подобные книги — профанация самой идеи. Не будем ничего утверждать, а предоставим судить читателю. Итак, бывший «афганец» Глеб Яровцев, ныне беспомощный инвалид, вдруг оказывается в центре круговорота таинственных и грозных событий. Причиной их оказывается последняя страница древней славянской святыни — Влесовой Книги, случайно попавшая к нему. Множество сил, темных и светлых, вступает в борьбу за обладание ею, и от исхода ее зависит судьба человечества. Одновременно Глеб попадает в поле зрения вербовщиков из параллельного мира. Ему предлагают вернуть здоровье при условии, что он покинет свой мир и станет бойцом космических сил межзвездной империи. Его перебрасывают почти на восемь сотен лет назад, в параллельный мир, где все хотя и похоже на известный нам двенадцатый век, но немного другое. Именно тут разместилась учебная база военно-космического флота Земли далекого будущего. Основная сюжетная линия время от времени прерывается рассказом о некоем Белом братстве, борющемся со злом в нашем времени, герои отпускают туманные намеки о великих силах и событиях запредельной древности, в которых лежат корни всех нынешних бед. Персонифицированное зло в романе олицетворяет Манфрейм — великий магистр существующего во многих вселенных и временах зловещего ордена розенк-

рейцеров(непонятно — почему сразу уж не масонов или на худой конец — каких-нибудь тамплиеров?) Место его обитания именуется весьма экзотично и нетривиально — Черный замок. Орден, одержимый жаждой золота и власти, как сообщили Глебу его таинственные покровители — представители космической расы арометан — асилов, является главным источником неприятностей для человечества вообще и для русской земли в частности.В романе явственно прослеживаются знакомые фольклорные мотивы. Тут и Кощей — Манфрейм Бессмертный, регулярно (так и хочется сказать — по утрам и вечерам) пьющий мертвую воду, и столь же бессмертная старуха на костяной ноге, периодически строящая ему мелкие пакости. Как и герой сказок, он «над златом чахнет» — подвалы его колоссального замка забиты под завязку сокровищами и деньгами всех стран и народов, включая даже украинские гривны. Гуляковский изящно дает понять величину богатства розенкрейцеров, упоминая при этом, что годовой бюджет Украины меньше, чем сумма, уходящая на однодневное содержание Черного замка. Присутствуют в романе так же домовые, дриады и русалки. Обитатели базы чувствуют себя вполне уверенно в архаическом мире, даже не особо прячутся, уходя в увольнительные в лежащий совсем неподалеку былинный град Китеж. Руководство космодесантников быстро находит общий язык с хозяином Черного замка, небескорыстно помогая тому в его злодеяниях, сам Манфрейм не расстается с пейджером, а один из его приближенных даже становится высокопоставленным офицером космофлота. Между прочим, зовут его Румет Алендровский, и в одном эпизоде он оказывается на Эсторской дороге(автор не припомнит с точностью, но ему это напоминает что-то мучительно знакомое). В Китеже Глеб Яровцев и встречает княжну Брониславу, и конечно влюбляется в нее. Между любовными встречами он устанавливает контакты с подпольной организацией недовольных существующими порядками молодых военных...et cetera, et cetera, все вполне в духе стандартных западных боевиков о звездных империях. Тем временем на Русь идут колоссальные полчища монголов, науськанные все тем же Манфреймом. Кстати, по мнению автора, и христианство было насаждено на Руси злобными розенкрейцерами, дабы вернее подчинить души наших предков. Пытаясь спасти Брониславу, похищенную Манфреймом, Глеб и его товарищи проникают в подземелья Черного замка, оказываются даже в местной преисподней, где знакомятся не с кем иным, а с самим Сатаной, в этой вселенной носящим, впрочем, имя Змиулан, сражаются с жуткими тварями и совершают все прочие, положенные богатырям подвиги. Однако, одолеть силы зла не удается. Вызволенная княжеская дочь вновь украдена и в тайных лабораториях Черного замка обращена в огромную лягушку, монгольское нашествие набирает обороты, и даже огнестрельное оружие, которое Глеб, нарушив все законы и правила, дает русичам, не может их спасти. Но, разумеется, в итоге все кончится хорошо. Манфрейм съеден одним из собственных чудовищ, которое второпях забыл запереть, когда русское войско, ведомое восставшими десантниками с базы, ворвалось в замок(перед этим нехороший розенкрейцер не кормил своего «домашнего питомца» ни много ни мало — триста лет). Китеж спасен, отгороженный от мира хрональным барьером, Румет сражен рукой Глеба, реликвия вернулась к

арометанам — по совместительству, кстати, древним богам русичей. В благодарность за спасение Влесовой Книги главный герой возвращен в свой мир, живой и здоровый. Туда же отправлена превращенная вновь в царевну (виноват — княжну) лягушка.

Классический хеппи-энд.

А. Борисов

Время учеников-3 *Сборник. / Сост. и предисловие А. Чертков/. М. Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica. 2000.—544 с. Серия «Миры братьев Стругацких».*

По утверждению составителей, этот сборник — последний.

Если это действительно так — весьма жаль. Правда, также упомянуто, что отказ от продолжения проекта «Время учеников» не означает запрета на написание произведений, так сказать, «в продолжение» и на темы, обозначенные мэтрами.

Жаль, хотя бы потому, что именно в этом сборнике авторы впервые сумели по крайней мере приблизиться к уровню мастерства, характерному для произведений братьев Стругацких.

Пожалуй, этим наиболее отличаются рассказы известных мастеров жанра: А. Лазарчука и В. Васильева «Сентиментальное путешествие на машине времени» и «Перестарки» соответственно.

Наибольший объем сборника, почти половину, занимает роман А. Щеголева «Пик Жилина», написанный в продолжение «Хищных вещей века», — произведение, вытягивающее на твердое «четыре».

Небезынтересен первый опыт в жанре фантастики уже известного питерского автора детективов Никиты Филатова, представившего на читательский суд свою, прямо скажем, нестандартную интерпретацию истории Золотого шара из «Пикника на обочине».

Трогательный и печальный рассказ В. Рыбакова описывает путешествие обитателей «мира Полдня» в наш.

Два произведения — А. Романецкого и С. Гимадаева написаны на тему одной из самых сложных —как в чисто литературном, так и в моральном плане, вещей А.Н и Б.Н. —«Улитки на склоне», и их неплохое качество не может не порадовать.

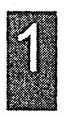
Нашлось место и уже ставшим классическими для серии историям из жизни НИИЧАВО.

Резкий диссонанс всему духу сборника — рассказ бакинца Александра Хакимова «Посетитель музея», представляющий собой, по сути, попытку лишний раз сплясать на поверженных идеалах. Подчеркнем — в данном случае имеет место не стремление спорить с ними, а вульгарное хулиганское глумление, своего рода бессмысленное осквернение святынь, под жизнерадостным девизом «Живой осел лягает мертвого льва».

В заключение еще раз скажем — жаль, если этот сборник действительно последний.

В. Михайлов

ОВОСТИ • НОВОСТИ • НОВОСТИ • НОВОС

По просьбе читателей повторяем информацию по форуму «Авторы предлагают Издателям».

Цель этого организованного группой энтузиастов сайта — создание своего рода литературной ярмарки, открытой для всех авторов — как известных, так и начинающих.

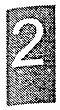
Другой, не менее важной целью является налаживание взаимоотношений между авторами —дружеских, профессиональных, деловых, а в перспективе — и отстаивание их интересов, а возможно и большее...

На сайте присутствуют адреса издателей, журналов и прочих печатных изданий.

В настоящее время сайт принимает лишь произведения в одном жанре — фантастическом, но в будущем предполагается расширить тематику. Принимаются только законченные романы, минимальным объемом 17-18 авторских листов или 630-650 кБ в формате «text onli» (Windows)

Принимается либо весь текст, либо отрывок. Обязательна высылка аннотации объемом до 3 кБ того же формата.

Обратите внимание, адрес форума изменился: http//api.rema.ru/

В Москве создается инициативная группа с целью организации фонда развития и поддержки отечественного массового искусства. Целью фонда должно являться содействие развитию современного массового искусства в России с тем, чтобы оно могло выполнять наряду с развлекательной, еще и воспитательную функцию, не способствовать разрушению основных человеческих ценностей, а, напротив, осуществлять их пропаганду в доступной большинству населения форме. Одним из направлений его деятельности будет и современная фантастика.

НАШИ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Напоминаем, что продолжается наш конкурс произведений на тему альтернативной истории — «Хроники иного времени» и на тему сегодняшнего дня и ближайшего будущего — «Зеркало». Подробности и информацию об условиях конкурса и призах см. в №9 за этот год.

В настоящее время редакция, вместе с рядом авторов планирует осуществить проект под предварительным названием «Русские секретные материалы».

Все желающие в нем участвовать или высказать по этому поводу свое мнение могут обратиться по нашему адресу.

О СЕРВЕРЕ «РУССКАЯ ФАНТАСТКА»

(СТРАНИЧКА НАШИХ ПАРТНЕРОВ В ИНТЕРНЕТЕ)

Если кто-то еще не был в Интернете или на нашем сервере, то сообщу главное: Сервер «Русская фантастка» на сегодня — это самый большой ресурс в своей категории. Сейчас на rusf.ru 26767 файлов общим объёмом 463МЬ. У нас вы найдете официальные страницы 12-ти русских фантастов, в том числе Братьев Стругацких, Кира Булычева, Владислава Крапивина, Сергея Лукьяненко, Святослава Логинова, Вячеслава Рыбакова, Владимира Васильева, Александра Громова и Александра Тюрина. Готовятся еще несколько страниц.

Статус «официальные страницы» означает, что писатель постоянно отвечает на странице на ваши вопросы. Так Борис Стругацкий ответил уже на 1700 вопросов посетителей! Это интервью является на сегодня одним из самых больших в мире. Его обеспечением занимаются 4 человека (у двоих из них основная задача — отбирать не повторяющиеся вопросы).

Обновляют сервер энтузиасты. Всего во внутренних рабочих списках рассылки — больше 60 человек. И люди еще нужны! (Особенно ведущие редактора разделов и переводчики).

Что у нас изменилось за последнее время?

В начале прошлого года был куплен домен rusf.ru (RUssian Science Fiction или РУСская Фантастика). А в этом году куплен fiction.ru. Теперь у нас 12 зеркал (Урал, Сибирь, Кавказ, Украина, Казахстан, США...). Готовятся еще два зеркала в США и Японии (Подробнее: http://rusf.ru/mirrors.htm), что позволяет решить проблему зарубежного трафика сервера, и одновременно делает нас существенно более доступными для самого широкого круга пользователей...

Безусловно не возможно в двух словах рассказать о той работе, что была проведена за последние 4 года, можно только расставить самые крупные вехи нашего пути. Но мы надеемся, что эта страничка станет постоянной рубрикой и тогда конечно исправим ситуацию в следующих номерах рассказами о появившихся свежих разделах и материалах! Возможно с вашей помощью!

Дмитрий Ватолин
Главные редактор сервера «Русская фантастика»
http://rusf.ru

«ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ХОХЛОВ»

«И тут он понял,
что их откармливают на убой»
Л.Лагин. «Съеденный архипелаг».

Один мой знакомый, обладатель вот уже трех псевдонимов (маститый, однако!), долго пытался сформулировать ощущения после фестиваля фантастов в Харькове, да так и оставил эти попытки, признав свою беспомощность официально, в письменном виде (форум «Фантастика»). Ну, а я скажу просто – был праздник!

Три дня абсолютного счастья, эдакий рай для фантаста, заполненный разнообразными действами – от семинаров до стрельб краской друг по другу, от концертов официальных до что-где-когда-подобных игрищ, ну, и, разумеется, от награждений до банкета...

Фестиваль был организован на базе Харьковского Национального Университета, повезло им, харьковским студентам, коли профессор ВУЗа (Макаровский Николай Александрович) одновременно возглавляет городской клуб фантастов, да еще и всесоюзные (пардон: всепостсоветско-пространственные) слеты устраивает. Но главными хозяевами празднества являлись господа Генри Лайоны Олди, приложившие уйму сил и фантазии к организации данного шабаша. Чего стоила одна лишь игра, когда любой из писателей мог сымпровизировать мордобойный эпизод, тут же реализовывавшийся группой молодых людей в характерных восточноединоборских одеждах. Кажется, наибольшее оживление вызвало «конное» сражение...

«Поехать стоило уже ради того, чтобы послушать стихи/песни Буркина, Вохи и Лукина в их же собственном исполнении. Стихи хороши и сами по себе, но, когда их исполняет автор под гитару, эффект чертовски мощный. Причем вне зависимости от принятого, слушал и трезвым и после не помню уж какой стопки. Предупреждаю: это говорю я, который вообще-то не шибко любит музыку...»

(Кайл Иторр, форум «Фантастика»).

На второй день организаторы попытались провести нечто похожее на семинары. Были даже какие-то доклады, из которых мне запомнились три. Сначала пан Валентинов пытался поплакаться над жалкой участью фантастики, притесняемой «серьезной» литературой. Ему не поверили, все знают, что «серьезная» литература сейчас подобна обезьянке, дрожащей высоко на дереве: вцепилась, бедная, в единствен-

ный сучок, а внизу рыщут, щелкая зубами, злые волки — фантасты да детективщики. Потом Олди давали советы начинающим авторам, особо настаивая на том, что надо как можно больше удалять, вырезать, вычеркивать, изымать и выбрасывать из уже готовых текстов. Правда, с какими именно частями сочинения следует столь жестоко поступать, посоветовать позабыли. Кетрин Кинн говорила много и умно, но непонятно о чем. Зато прекрасный доклад о вооружении прошлых эпох (в помощь фэнтезистам) прервали за недостатком времени на самом интересном месте.

Но самым обидным являлось то, что параллельно этим докладам в других аудиториях шли сообщения по иным темам, также всем интересным, к примеру — о таинственных явлениях в науке, и о многом другом. Вот и выбирай — слушать советы Олдей или «из первых рук» то, что является «строительным материалом» научной фантастики? Ответ ясен — стоило прослушать все доклады! Но их, увы, пустили одновременно...

«Стоит упомянуть и о презентации нового московского журнала фантастики «Звездная дорога». Журнал этот ориентирован, в первую очередь, на публикацию фантастических произведений отечественных авторов (не только известных, но и начинающих). На презентации авторские экземпляры первого номера «Звездной дороги» прямо на сцене были вручены А. Валентинову, М. Дяченко, Г. Л. Олди, А. Бессонову, В. Головачеву, А. Корепанову, Ф. Чешко, В. Купцову, Ю. Столперу, Р. Радутному (все эти авторы присутствовали на «Звездном Мосту») — что, пожалуй, послужило лучшей рекламой журналу.»

(Из «OldNews», выпуск 68)

Вечер второго дня фестиваля запомнился мне не столько забавой, весьма близкой к «брейн-рингу», сколько последовавшей за ней игрой в «Крокодильчика». Боролись две команды, представители каждой должны были, получив на ушко название книги, без слов, одними жестами (и прочими телодвижениями) попытаться подсказать родной команде искомое словосочетание. Разумеется, легких названий не предлагалось. Прикиньте, как, скажем, Вы, читатель, изобразили бы «Геном» или «Скрут»?! Наблюдая за действом, я поражался, сколько же у наших фантастов, как молодых, так и «стариков», таланта, артистизма, эрудиции, смекалки! Ребята так и светились от распиравшей их внутренней энергии.

Кто-то продолжал работать даже на фестивале, представители издательств вели переговоры с авторами, даже заключали договоры (сам видел!). А «простые» фантасты знакомились... Особенно радовались те, кто знавал друг друга лишь по письмам или сетевым форумам, теперь же заочные знакомые смогли даже подержаться за ручку. Многие оказались милейшими людьми, как говорится, к приятной неожиданности! Теперь я знаю, почему при упоминании М. Дяченко проис-

ходила некая заминка. Ну, така-ая аура! Будь я инквизитором, ни на секунду не задумался бы, на костер ее, жгучую ведьму, на костер!

Я не забывал об «общественных поручениях»: раздавал брошюры с рекламой АПИ (сайт «Авторы предлагают издателям») да рекламировал сигнальный номер «Звездной дороги». Впрочем, этот журнал и так пользовался спросом, его взяли в абсолютном количестве экземпляров куда больше, чем «Порога», не говоря уже о книгах.

Верхом остроумия господ организаторов явились пейнтбольные игры утром третьего дня фестиваля. Развлечение, от которого, по агентурным данным, отказался один Головачев, решивший, что работа над романом даже в гостиничном номере, важнее пуляния друг по другу шариками с краской. Все остальные оттянулись на славу. Разумеется, плотоядные взоры обратились, в первую очередь, на Сергея Лукьяненко. Многие мечтали попасть именно в ту четверку, коей будет официально разрешено стрелять по столь желанной мишени. Повезло троим – именно столько следов попадания краской и было обнаружено. Понятное дело, Лукьяненко, писателю крупному во всех отношениях, нелегко спрятаться за какой-то там жалкой березкой! Голову спрятал, а остальное...

Затем настал черед критиков. Разумеется, такие злобные критикессы как Кэтрин Кинн и Ольга Брилова (она же, глядя на Лукьяненко, не расстававшегося с трубкой: «Хоббит-переросток!») пали жертвами первых же попаданий. Сам не видел, но с увлечением рассказывали, как один из писателей в упор, очередью, расстрелял «любимого» критика.

О том, кого и за что наградили, см. ниже, в приложении.

Само действо награждения обставили театрально. Лауреатов решено было сделать бессмертными, для этой цели прямо на сцене из агрегата, напоминающего то ли самогонный аппарат, то ли кошмарный сон алхимика, получали эликсир бессмертия (сырец?), который и подносила счастливчикам красавица-ведьма в белом халатике. Верно, эликсир — высокоградусный...

Что же до Сергея Лукьяненко, его по каким-то неведомым причинам решили сначала застрелить, а уж потом — воскресить, вышеуказанный процесс вызвал в зале почти ликование!

А потом был банкет. Что тут говорить... Если обычное питание на фестивале – завтрак, обед и ужин – представлялось на взгляд среднего москвича верхом обжорства, то бишь завтрак и ужин — типа нашего обеда. Я «на воле» так один раз за день питаюсь. Короче, на харьковском банкете я всех блюд даже «пооткусывать» не сумел!

Вот на банкете и случилась со мной самая позорная оплошность. На столе стояли бутылки с желтоватой водкой, я попробовал — классная, жжется, как раз на мой скус! Ну, и по простоте душевной решил,

что подобная горилка на Украине в каждом ларьке продается. А потом узнал — то был фирменный рецепт, «Олдевка», на двенадцати перцах настоянная! Эх, знал бы — спер непременно, на память. На добрую память!

Остается лишь сказать огромное спасибо всем организаторам фестиваля в Харькове; особливо – господам Олдям чей масштаб как личностей, возрос в моих глазах до размеров совершенно грандиозных. Поразили меня, поразили!

Свидетель происшествия
Василий КУПЦОВ

Приложение 1.
Технические данные – по информации «OldNews» (спецвыпуск).

ИТОГИ ХАРЬКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ

Как и было объявлено ранее, в ХАРЬКОВЕ с 14-го по 17-е сентября 2000 года, прошел Международный фестиваль фантастики «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2000». В фестивале приняли участие около 100 человек из всех регионов СНГ, а также Прибалтики. Профессиональные писатели, литераторы, молодые авторы, художники, переводчики, критики, издатели, редакторы, корреспонденты газет, журналов, радио и телевидения, просто любители фантастики собрались в Харьков из Москвы и Подмосковья, Санкт-Петербурга, Перми, Томска, Астрахани, Махачкалы, Липецка, Воронежа, Ижевска, Волгограда, Обнинска, Екатеринбурга (Россия), Киева, Николаева, Одессы, Симферополя, Житомира, Запорожья, Кировограда, Донецка, Днепропетровска, Винницы, Хмельницкого, Харькова (Украина), Минска (Беларусь), Каунаса (Литва). Только из писателей присутствовали: Василий ГОЛОВАЧЕВ, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Николай БАСОВ, Алексей КАЛУГИН (Москва), Лев ВЕРШИНИН (Одесса), Марина ДЯЧЕНКО, Кайл ИТОРР (он же — Петр ВЕРЕЩАГИН), Владимир АРЕНЕВ (он же — Владимир ПУЗИЙ), Владимир КРЫШТАЛЕВ, Виктория УГРЮМОВА (Киев), Владимир ВАСИЛЬЕВ (Николаев), Николай ЧАДОВИЧ (Минск), Евгений ЛУКИН (Волгоград), Юлий БУРКИН (Томск), Леонид КУДРЯВЦЕВ (Ижевск), Алексей КОРЕПАНОВ (Кировоград), Андрей БЕЛЯНИН (Астрахань), Роман ЗЛОТНИКОВ (Обнинск), Антон ПЕРВУШИН и Николай БОЛЬШАКОВ (С-Питербург), Гинтас ИВАНИЦКАС (Литва, Каунас), Дмитрий СКИРЮК (Пермь), Генри Лайон ОЛДИ (Дмитрий ГРОМОВ и Олег ЛАДЫЖЕНСКИЙ), Андрей ВАЛЕНТИНОВ, Алексей БЕССОНОВ, Александр ЗОРИЧ, Андрей ДАШКОВ, Федор ЧЕШКО, Григорий ПАНЧЕНКО, Александр ЗОЛОТЬКО, Юлия ГОРИШНЯЯ, Дмитрий ДУДКО (Харьков).

На фестивале были аккредитованы специальные корреспонденты московских «КНИЖНОГО ОБОЗРЕНИЯ» и «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ»

(«Ex Libris НГ»), а также многих харьковских и общеукраинских газет, журналов, радио- и телеканалов. В фестивале участвовали представители крупнейших московских издательств «ЭКСМО-Пресс» и «ЦЕНТРПОЛИГРАФ», издательства «ЭРИДАНАС» (Литва, Каунас), а также журналов «Химия и жизнь», «Звездная дорога» (Москва), «Порог» (Кировоград), «Питер-book» (С-Питербург), «Империя» (Литва, Каунас), «Неведомый мир» (Харьков). Были представлены уникальные издательские проекты: «Антологія українського жаху» («Антология украинского ужаса», на укр. языке) — прекрасно изданный 800-страничный том «подарочного» формата, в котором представлен «срез» украинского «хоррора» с времен незапамятных и до наших дней, от Григория Квитки-Основ'яненко и Николая Гоголя — до Андрея Дашкова, Сергея Герасимова, Г. Л. Олди и др. (книга издана Ассоциацией поддержки украинской популярной литературы); а также изданный в Харькове под редакцией проф. И. В. Черного справочник «Фантасты современной Украины», в который вошли статьи о 30 современных украинских писателях-фантастах, активно публикующихся в последнее десятилетие.

По результатам общего голосования участников фестиваля были вручены литературные премии «ЗВЕЗДНОГО МОСТА» за 2000 год («золотые» и «серебряные» кадуцеи работы харьковчанина Антона Дербилова и дипломы):

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2000»

(«Демократические» премии, вручаемые по итогам общего голосования участников фестиваля):

НОМИНАЦИЯ «ЦИКЛЫ, СЕРИАЛЫ и РОМАНЫ С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ»:

Первое место: ВАСИЛЬЕВ Владимир (Николаев), ЛУКЬЯНЕНКО Сергей (Москва): «Дневной дозор» (роман, продолжение романа «Ночной дозор»). М.: АСТ, сер. «Звездный лабиринт», 2000.

Второе место: ДЯЧЕНКО Марина и Сергей (Киев): «Авантюрист» (роман, завершающий цикл «Скитальцы»). СПб.: «Северо-Запад Пресс», сер. «Перекресток миров», 2000.

Третье место: БРАЙДЕР Юрий, ЧАДОВИЧ Николай (Минск): «Губитель максаров» (роман из цикла «Тропа миров»). М.: «ЭКСМО-Пресс», сер. «Абсолютное оружие», 1999 (по факту — 2000).

НОМИНАЦИЯ «КРУПНАЯ ФОРМА» (РОМАНЫ):

Первое место: ДЯЧЕНКО Марина и Сергей (Киев), ВАЛЕНТИНОВ Андрей, ОЛДИ Генри Лайон (Харьков): «Рубеж». М.: «ЭКСМО-Пресс», сер. «Нить времен», 1999.

Второе место: ЛУКИН Евгений (Волгоград): «Алая аура протопарторга». М.: «АСТ», сер. «Звездный лабиринт», 2000.

Третье место: ДИВОВ Олег (Москва): «Выбраковка». М.: «ЭКСМО-Пресс», сер. «Абсолютное оружие», 1999. (То же: М.: «ЭКСМО-Пресс», сер. «Наши звезды», 2000.)

НОМИНАЦИЯ «ДЕБЮТНЫЕ КНИГИ»:

Первое место: СКИРЮК Дмитрий (Пермь): «Осенний Лис». СПб.: «Северо-Запад Пресс», сер. «Перекресток миров», 2000.

Второе место: ЛЬГОВ Андрей (Харьков): «Непобедимый Олаф». М.: «Армада — Альфа-Книга», сер. «Фантастический боевик», 2000.

Третье место: ХЛУМОВ Владимир (Москва): «Мастер дымных колец». М.: «Диалог», сер. «Современная российская проза», 2000.

НОМИНАЦИЯ «МАСТЕР ФЭН-ДО» (боевые искусства в фантастике; боевые эпизоды придумывались экспромтом писателями-фантастами — и тут же демонстрировались группой каратэ-ка Харьковской школы каратэ-до, стиль «Годзю-Рю»):

Черный пояс 3-го дана: БЕЛЯНИН Андрей (Астрахань). Эпизод «Конный бой».

Черный пояс 2-го дана: ДЯЧЕНКО Марина (Киев). Эпизод «Мальчиш-Кибальчиш».

Черный пояс 1-го дана: ВЕРШИНИН Лев (Одесса). Эпизод «Черные силы нас злобно гнетут».

(Призы на эту номинацию — скульптуры авторской работы харьковского скульптора и художника Антона ДЕРБИЛОВА, а также — черные пояса и дипломы).

НОМИНАЦИЯ «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ» (неопубликованные иллюстрации к произведениям отечественной фантастики последних лет):

Первое место: художник МЕЛЬНИКОВ Евгений (Липецк) — за иллюстрацию к дилогии Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений» и «Фальшивые зеркала».

Второе место: художник СКИДАНЮК Евгений — за иллюстрацию к роману Г. Л. Олди «Герой должен быть один».

Третье место: художник ДЕРБИЛОВ Антон (Харьков) — за иллюстрацию к роману Марии Семеновой «Волкодав».

НОМИНАЦИЯ «ЭПИГРАММА-Ф» (за лучшую эпиграмму на отечественных писателей-фантастов и их произведения):

Первое место: ЦЕМЕНКО Андрей (Керчь) — за эпиграмму на роман Марии Семеновой «Волкодав».

Второе место: ЛАДЫЖЕНСКИЙ Олег (Харьков) — за эпиграмму на Владимира Васильева.

Третье место: ГОЛДЫРЕВ Игорь (Екатеринбург) — за эпиграмму на роман Юлия Буркина «Цветы на нашем пепле».

«АВТОРИТАРНЫЕ» ПРЕМИИ, ВРУЧЕННЫЕ БЕЗ ГОЛОСОВАНИЯ, РЕШЕНИЕМ ИХ УЧРЕДИТЕЛЕЙ:

ПРЕМИИ УНИВЕРСИТЕТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МВД УКРАИНЫ (г. Харьков) («За правдивое и высокохудожественное отражение работы органов охраны правопорядка и спецслужб в фантастических произведениях»):

БЕЛЯНИН Андрей (Астрахань) — за роман «Тайный сыск царя Гороха».
ДИВОВ Олег (Москва) — за целый ряд произведений.
ВАЛЕНТИНОВ Андрей, ОЛДИ Генри Лайон (Харьков) — за роман «Нам здесь жить».

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ УНИВЕРСИТЕТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МВД УКРАИНЫ (г. Харьков) за лучшие произведения в жанре фантастического детектива вручена Василию ГОЛОВАЧЕВУ (Москва).

ПРЕМИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ» и ОРГКОМИТЕТА ФЕСТИВАЛЯ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ» — ЗА ЛУЧШИЕ КРИТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ СТАТЬИ О ФАНТАСТИКЕ:
РОЙФЕ Александр (Москва) — за статьи «В тупике» и «Из тупика».
ЧЕРНЫЙ Игорь (Харьков) — за литературоведческие работы о фантастике, опубликованные в 2000 году.
БЕРЕЗИН Владимир (Москва) — за ряд рецензий и интервью, опубликованных в 1999-2000 гг.
БЫЧИНСКИЙ Владимир (Житомир) — за ряд статей и послесловий к книгам писателей-фантастов, опубликованных в 1999-2000 гг.

ПРЕМИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «ВТОРОЙ БЛИН» (Харьков):
Леониду ШКУРОВИЧУ, зав. редакцией фантастики московского издательства «ЭКСМО-Пресс» — человеку фантастики и фантастическому человеку.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ ОТ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЧУДАКОВ:
ЛУКИНУ Евгению Юрьевичу (Волгоград) — за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.
ЛУКЬЯНЕНКО Сергею Васильевичу (Москва) — за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

Кроме того, в этом году «награды нашли героев»: Николаю БОЛЬШАКОВУ и Антону ПЕРВУШИНУ (С-Питербург) была торжественно вручена первая премия «Звездного Моста-99» за лучший дебют (роман «Собиратели осколков», дебютант — Николай БОЛЬШАКОВ), а Евгению ЛУКИНУ — первая премия «Звездного Моста-99» за лучший роман («Зона справедливости»).

Но и на этом награждения не закончились: по окончании основной части церемонии на сцену поднялся Лев Вершинин, дабы вручить призы несостоявшегося в этом году одесского «Фанкона». Гран-при (гипсовый бюст Наполеона) был торжественно вручен московскому писателю Олегу ДИВОВУ — за роман «Выбраковка»; издателю Леониду Шкуровичу (издательство «ЭКСМО-Пресс», Москва) достался специальный приз от писателей (с намеком), выполненный в виде протянутой ладони; премии Израильского КЛФ получили: Андрей Валентинов (премия им. Моше Даяна «За синтез борьбы и искусства в фантастической литературе»), Кирилл Еськов (премия им. Владимира (Зэе-

ва) Жаботинского «За публицистическое осмысление прошлого, настоящего и будущего») и Владимир Васильев (премия им. Макса Нордау «За веру в мечту»).

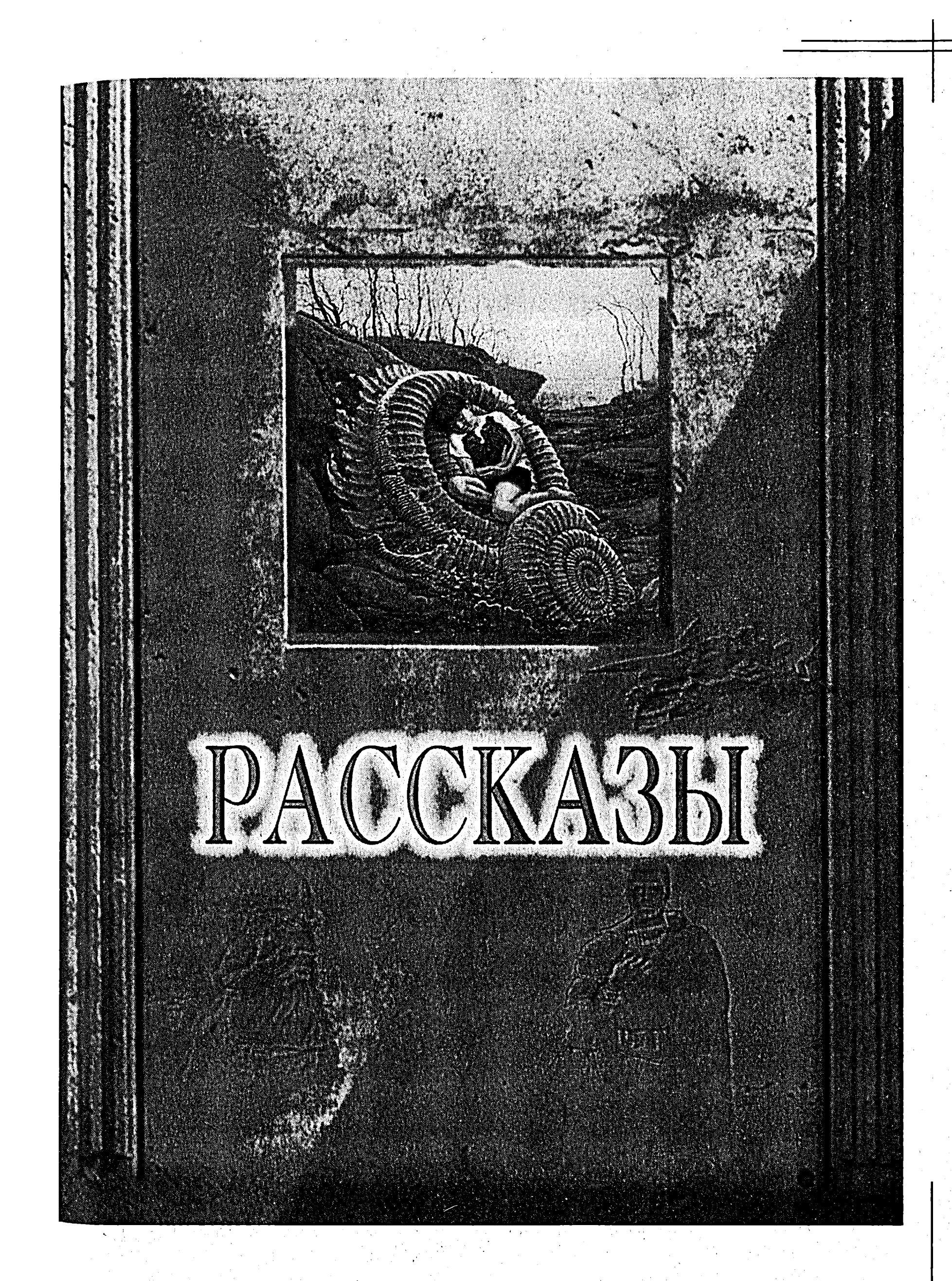
А в соревнованиях по пэйнтболу среди писателей-фантастов, фэнов и издателей 1-е место занял Юрий БЕЛОВ из Воронежа, 2-е — Алексей ИКОННИКОВ из Москвы, а третье — Николай ЧАДОВИЧ из Минска.

Поздравляем всех победителей и лауреатов!

***P.S.** На взгляд устроителей, фестиваль прошел вполне успешно, и оргкомитет искренне надеется, что отныне харьковский фестиваль фантастики станет регулярным, и в следующем году в Харькове радушно встретит своих участников и гостей «Звездный Мост-2001»!*

Напоследок хотелось бы поблагодарить тех, без чьей помощи «Звездный Мост-2000» навряд ли мог бы состояться. Это, в первую очередь, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (ХНУ), а также туркомплекс «Турист», полиграфическая фирма «Катран КПК», газета «Вечерний Харьков» и пэйнтбольный клуб «ЭЛОТ К».

Оргкомитет Харьковского международного фестиваля «Звездный Мост»;
Редакция «OldNews»;
Творческая мастерская «Второй блин» (г. Харьков).

РАССКАЗЫ

Радий Радутный

Когда смеется дьвол

И снова настало утро, и снова яркий солнечный свет разогнал предрассветную серость, и снова исчезли ночные призраки, похожие на клочья серого тумана, и вернулись тепло и свет, жизнь и радость.

И боль.

Боль, вечная, привычная и непрерывная, вот уже сорок лет обжигающая с неослабевающей силой, разрывающая на куски сердце, душащая, ослепляющая, всепожирающая боль!

Он встал, несмотря на возраст, потянулся, подошел к окну.

— Доброе утро! — запищал будильник. — Сегодня двадцать восьмое марта две тысячи...

— Заткнись!

Обиженно пискнув, автомат умолк, затем, подумав, выключил свет и раздвинул жалюзи.

За окном буйствовала весна, над черным вспаханным полем таяли клубы пара, в полуметре от звуконепроницаемого стекла беззвучно надрывала горло серая неприметная птичка, и на какой-то неуловимый миг боль ушла, исчезла, и остались только спокойствие и умиротворение, и человек улыбнулся, а затем все вернулось.

Почтительно склонив голову, молоденькая, глупенькая, откровенно влюбленная секретарша пожелала доброго утра, напомнила о предстоящей встрече и мимоходом упомянула о том, что ночью звонил доктор Ковач, просил соединить, но так как время было позднее (или, скорее, раннее), то...

Она все еще приходила в себя после молниеносного увольнения, когда легкий самолет хозяина сделал круг над замком и исчез, набирая скорость, в лучах восходящего солнца.

Меньше получаса длился полет, и за это время более сотни раз боль успела одержать победу над надеждой, и надежда не меньше тысячи раз уничтожила боль, они пожирали друг друга, сгорали и воскресали, словно армии фениксов над опаленной стерильной равниной со странным названи-

ем Душа, и отблески битв вспыхивали и гасли в зрачках человека, но, как обычно, каменным было его лицо, и, как обычно, вежливо и почтительно приветствовали его рабочие в серых комбинезонах, затянутые в серый кевлар охранники, строгие серопиджачные администраторы и ученые в традиционно белых (с серым оттенком) халатах, и не менее вежливо здоровался и улыбался Хозяин, перебрасывался парой шуток с близкими знакомыми, невозмутимо отражал влюбленные взгляды секретарш и лаборанток, внимательно выслушивал стариковские жалобы вахтера, спокойно заглядывал в глазок оптического идентификатора, проходил через датчики металла, взрывчатки, отравляющих веществ, алкогольного и наркотического опьянения, радиоактивности — и все это время боль была рядом, она разрушала мозг и наслаждалась, не убивая его совсем, понимая, что не сможет и секунды прожить без носителя.

И все это время иннастр Хозяина горел ровным зеленым цветом — цветом спокойствия и стабильности, рабочего настроения с чуть заметным оттенком сексуальности, но любой электронщик, разобрав прибор, увидел бы вместо привычных датчиков настроения крохотную микросхему-фальшивку, но только Хозяин знал об этой хитрости, потому что человек, который ее устроил, был мертв уже полтора десятка лет — со времен возникновения этой идиотской моды на иннастры, с момента, когда Хозяин сжег один за другим три прибора, каждый из которых едва успевал полыхнуть кроваво-рубиновой вспышкой — цветом боли и гнева, и один из разработчиков сделал маленькую модификацию — единственную в мире.

Он был жадным человеком, и мир совсем немного потерял от его смерти.

— Привет! — сказал Хозяин.

— Привет! — сказал Ковач. — Садись, я сейчас.

Оба были примерно одного возраста, один — гладко выбритый, в строгом костюме, и другой — взъерошенный бородач в прожженном халате. Они представляли собой странную пару, но были близки, и Ковач был одним из немногих, с чьей стороны Хозяин не опасался предательства... почти... и электронные клопы с острым взглядом и чуткими микрофонами притаились в лаборатории просто так, — на всякий случай, — мало ли что...

— Можешь меня поздравить, — бормотал тем временем Ковач из недр странного аппарата, ощетинившегося остриями антенн, затянутого в обтекаемый кокон из высокомолекулярной органики, более всего напоминающего самолет — если можно представить реактивный самолет с корпусом батискафа; или танк с короткими крыльями и килями; или ракету, слепую, могучую и беспощадную в своей ярости, — но с прозрачной жемчужиной явно авиационного фонаря и открытыми створками кабины; или... в общем, было в этой машине что-то хищное, боевое, яростное и непокорное, и неясно было, куда она сможет... взлететь? уплыть? уехать? — из глухого подземного ангара, но не было ни малейшего сомнения в том, что это машина-солдат, машина-

убийца, и Хозяин знал, что сразиться ей предстоит с их общим врагом, и враг этот не должен быть убит, уничтожен полностью, а, напротив, должен быть взят живым, должен быть унижен и покорен, ибо имя ему — Время.

— Можешь меня поздравить, — бормотал Ковач из-под какого-то блока. — Синхронизация возможна, и точность достигла — сколько бы ты думал?.. двух-трех миллисекунд, этого хватит даже для вмешательства, остается вопрос энергозатрат — ну, ты в курсе: чем более масштабные последствия имело событие, тем больше нужно энергии; для убийства комара во вчерашнем дне — около сотни МэВ, а в палеолите — где-то около миллиона, но не МэВ, а ГэВ, примерно, как для ликвидации Манхэттенского проекта, а вообще-то твоя мысль насчет управления с помощью синхронизации воспоминаний — гениальна...

Хозяин хмыкнул — машина на четверть состояла из его «гениальных» идей — точно так же, как бесшумные орбитальные многоразовики и готовый к запуску «Высший разум» — кстати, интересно, что будет, если ему скормить какую-нибудь гениальную идею? — и еще кое-что гениальное, о чем подробнее могли бы рассказать кратеры в соседнем полушарии...

— Смотри, как просто — садишься, надеваешь шлем, и тебе не нужно следить за четырьмя сигналами, а нужно только вспомнить событие и комп сам приведет Машину в нужную точку, а дальше я поставил обычное ментальное управление, как на «Грифонах», а в точке Вмешательства — синхронизация и... хм-хм... собственно Вмешательство. Неплохо я придумал, а?

— Ну да, неплохо... ты придумал.

Оба захохотали, и Хозяин, сбросив пиджак, тоже забрался во внутренности Машины, и в этот день весь концерн и вся страна остались без руководства, и два важнейших договора не были подписаны, и обиделся по крайней мере один весьма важный посол довольно важной, хоть и относительно дружественной державы, и еще много случилось за это время, но к вечеру машина вздрогнула и приподнялась над полом, а к утру все кабели и световоды, питающие ее, были убраны, и бледный от недосыпания Хозяин с трудом влез в тесный скафандр и поудобней, насколько это было возможно, устроился в не менее тесной кабине, а совершенно обессилевший Ковач присел «на минутку» в кресле и мгновенно уснул, и боль ушла, исчезла, убралась снова в темные глубины сознания, чувствуя свое близкое и неминуемое поражение, и тогда Хозяин тихо закрыл массивную крышку входного люка, наскоро набрал программу и, зачем-то глубоко вдохнув, включил стартовый бустер.

И грянул гром!

И ударная волна, образовавшаяся от сжатия воздуха на месте столь внезапно исчезнувшего тела Машины, выбросила Ковача из кресла, он вскрикнул и грязно выругался спросонок, и, заметив слабо светящийся вихрь в центре зала, яростно заорал в темноту:

— Вернись! Надо же все проверить! Стой!

А затем плюнул, махнул рукой, хлопнул спирта из лабораторной мензурки и опять свалился в кресло.

А что же Хозяин?

А Хозяин, ослепленный, оглушенный, ошеломленный внезапным переходом, вспышкой, грохотом и вибрацией, совершенно непроизвольно, повинуясь рефлексам, бросил Машину вперед, вперед и вверх — подальше от смертельно опасной земной поверхности, и лишь на высоте, где вспыхивают метеоры, опомнился, засмеялся, и во внезапном приступе эйфории послал аппарат еще выше! выше! выше! — стратосфера! ионосфера! космос!

Скорость росла, и зелено-голубой мир где-то там внизу, и звезды, привычные к подобным сюрпризам с крохотной беспокойной планетки, снова сжались в строгие, ханжески неулыбчивые точки, и Хозяин захохотал снова, направляя Машину вниз, и снова стало голубым небо, и с бешеной скоростью проскочил под брюхом город, а затем на пути оказалась гора, и пилот, побледнев, не стал отворачивать, и за миг перед столкновением он закричал и закрыл руками лицо, и проскочил гору насквозь, даже не заметив ее в своей стремительности.

Ибо был он сейчас нематериальным, бесплотным, принадлежа нормальному трехмерному миру только по четвертой координате, а четвертая координата — время — постоянно оставалась неуловимо малой, и Хозяин вместе с Машиной практически не существовали.

На пути попалась гора, еще одна, затем Хозяин глубоко вдохнул и наклонил Машину вперед, вниз, и снова не удержал вскрика при виде несущейся в лицо поверхности, и снова ничего не случилось, а через несколько минут Машина вырвалась с противоположной стороны планеты, и Хозяин захохотал снова — дико и торжествующе, ощутив себя вездесущим и всемогущим, и погрозил кулаком пространству, выкрикнув что-то матерно-святотатственное, и только потом снизил скорость, осмотрелся, сориентировался и продолжил полет над горами, морем, степью, лесом, пока не оказался перед темной громадой замка.

Он знал, что видел его последний раз, знал, что через короткий промежуток времени картина мира изменится, и на этом месте скорее всего останутся только древние, чуть ли не первобытные руины, но не задумался ни на секунду, и спикировал вниз, и завис над башней, а затем активировал шлем и вспомнил Серую комнату три дня тому назад.

Машину встряхнуло. Хозяин прикусил язык и выругался, а затем, осторожно пройдя двухметровой толщины стену, оказался вместе с носовой частью Машины возле огромного, во всю стену, дисплея.

Где-то в глубине едва уловимо скользнул бледный и мерзкий червячок разочарования — настолько буднично и просто произошло самое великое в истории человечества событие.

У окна, в нише, удобно расположился стол с небольшим терминалом. Сидящий за ним пожилой, но на удивление крепкий с виду мужчина, охватив голову руками, уставился в стену.

Этого человека все называли уважительной кличкой — Хозяин.

Человек, спрятанный под броней Машины, нажал несколько клавиш; сцепив зубы, выдержал толчки и бешеные перепады температур во время синхронизации, открыл люк и вышел из кабины, нос к носу столкнувшись с самим собой.

— Ну наконец-то, — недовольно пробормотал человек в кресле. — Что там у тебя?

— Управление, — улыбнулся Хозяин, — то, что тебе нужно, так?

— Угадал, угадал. И что же?

— Свяжи синхронизатор через шлемофон с областью памяти. То есть, ты вспоминаешь — а комп автоматически привязывает это дело к периоду. А дальше — обычное ментальное управление. Устраивает?

— Еще бы! — человек усмехнулся. — Раз ты здесь, значит работает.

Оба засмеялись.

— А сейчас — поспеши!

И Хозяин, все еще улыбаясь, снова влез в Машину, опустил люк и положил руки на клавиатуру.

А там, за толстым слоем бронестекла, человек беззвучно прошептал что-то и взмахнул рукой, то ли проклиная, то ли благословляя самого себя.

Человек в Машине знал, что он шепчет, ведь он сам прошептал это неделю назад.

— Удачи тебе!

— Удачи... мне! — и снова вспышки, вибрация и грохот, и Машина взмывала над городом, и опускалась прямо к приземистому ангару лаборатории, и Хозяин диктовал самому себе — только моложе — правила и формулы, рисовал графики и чертежи, сообщал, где надо ожидать неполадок, а где и аварий, кого следует поставить главным, а кого и расстрелять, он был богом всезнающим и вездесущим, потому что в свое время, раньше узнал все это от себя самого.

Следующий временной прыжок был длинным, очень длинным, и тот, кто его встретил, был намного моложе, и произошло это в воздухе, и Хозяин приказал пилоту — себе — прыгать, и тот прыгнул, а «Грифон» — грозный, мощный, вооруженный до зубов и бронированный, как линкор, аппарат, бессильно полыхнул в утреннем небе, затмив на мгновение восходящее Солнце, исчез, обратился в пар, уничтоженный изнутри подло притаившейся миной, а Хозяин откликнулся серией репрессий, а Машина уносила его все дальше и дальше, и наконец, противоположное полушарие снова расцвело жуткими черно-багровыми термоядерными грибами, а затем снова вспыхнули огни городов, и снова замелькали в небе «Сфинксы» — еще те, самые первые, и «Валькирии», и снова планета собрала хороший

урожай ядерных грибов, и Хозяин вел войну, повинуясь подсказкам самого себя — но более старого, и война близилась к началу, и все более наглыми становились морские пехотинцы из другого полушария, и так продолжалось, пока Земля снова не познала мир, а Хозяин стал, как и раньше, неплохим инженером, средним политиком, удачливым бизнесменом — но не более.

А затем снова был длинный, длинный, длинный прыжок.

«...В ходе тяжелых и продолжительных боев город был взят. Преодолевая упорное сопротивление врага, наши войска вынуждены были применить некоторые виды оружия массового поражения, в том числе боеприпасы объемного взрыва. Городу нанесен значительный материальный ущерб...»

Здесь стоило остановиться.

Впрочем, и без этого Хозяин помнил все с ужасающей ясностью.

«Грифон» завис на высоте около километра. С десяток дымов возвышались над южной частью раздавленного города, внизу изредка потрескивали автоматные очереди, время от времени над кварталом взлетала ракета, ближайший штурмовик опускал нос и аккуратно укладывал несколько очередей в подозрительный дом. Обычно этого хватало, и пехотинцы со смехом вытаскивали из подъезда (или выбрасывали из окна) очумевшего захватчика (или то, что от него оставалось).

Впрочем, эта война с самого начала была странной.

Хозяин знал этот город. Слишком хорошо знал.

По странному стечению обстоятельств знал он и дом, из которого вылетел этот злосчастный «Стингер». Естественно, его расстреляли еще на подъеме. Естественно, на бывшую гостиницу с узкими, словно бойницы, окнами, свалились сразу две «Валькирии», а вот дальше...

— Все назад!

Штурмовики послушно вернулись в строй, а «Грифон» Хозяина, опустив нос, круто понесся вниз. Два «Скорпиона» из охраны бросились следом и тут же сконфуженно ушли обратно — судя по всему, получив по секретке не только приказ, но и хорошую порцию эпитетов.

Первая же ракета разворотила пол-этажа, следующая ударила рядом, и ударная волна подбросила крутившийся рядом штурмовик, и на месте злосчастного здания уже зияла воронка, а Хозяин пикировал снова и снова, и с диким, безумным наслаждением жал на гашетку. Туча густого дыма накрыла квартал, на дисплее мелькали контурно очерченные скелеты домов и руин, но Хозяин видел другое — видел, видел с поразительной ясностью то, что происходило в одной из комнат столько лет назад; видел — хотя никогда не видел этого на самом деле. Он видел это, видел и жег, убивал, беспощадно разрушал прошлое — но не мог изменить и уничтожить.

Несколько сигнальных ракет взлетело одновременно, и штурмовики на миг замешкались, разбирая цели, и тогда шлемы каждого рявкнули резким, знакомым всем голосом, и приказ был страшен и невыполним, но...

— Ну! За чем остановка? Стреляйте!

Хищные крылатые тени дружно свалились вниз, послышались выстрелы и взрывы, а голос, так внезапно оживший в шлемофонах, все выкрикивал, захлебываясь, выплескивая ярость, боль, ненависть и безумие:

— Стреляйте! Бомбите! Пускайте ракеты! Убейте их всех! Убейте! Убейте! Убейте!

...А затем тяжелый бомбардировщик прошел над городом, оставив за собой бурое облако, оно спускалось все ниже и ниже, и была вспышка, и был удар, подобный землетрясению, и на несколько сот километров вокруг неделями шли черные дожди, а в ясные дни с неба сыпался пепел, пепел, пепел...

Хозяин встряхнул головой. Он не любил вспоминать этот год. Все кончилось, и момент, когда нужно было высвободить все свое безумие, уничтожить, разрушить, убить, — этот момент прошел и никогда больше не повторялся.

По странному стечению обстоятельств эскадрилья, штурмовавшая город, была полностью уничтожена при неудачно спланированном налете.

Ему не было смысла задерживаться в этом времени.

Следующий момент он с удовольствием проскочил бы без остановки. Это был один из немногих эпизодов, которыми даже его весьма покладистая совесть была не совсем довольна.

Девушку звали... впрочем, это не важно. И была она... впрочем, это тоже не интересно. Важно другое — она любила его, жила ради него, стремилась угадать любое его желание — и ничего не требовала взамен. Им было хорошо вместе, и если бы встреча произошла раньше, возможно и не случилось бы всей этой истории, — но, увы! — история, собственно, и состоит из таких вот «если бы», а потому в один прекрасный вечер, когда оба были вполне счастливы и даже извечная боль временно отступила, хоть и не ушла совсем, у женщины проскочила мысль, еще раз подтвердившая старую истину: выслушав женщину, поступи наоборот.

К тому времени энцокибернетика уже достигла некоторых результатов; первыми появились, естественно, парализаторы и нейробичи, а затем потребительский рынок проглотил и более мирную игрушку под красивым названием: инвертор.

В тот вечер раскрасневшаяся, довольная, все еще дрожащая, она прижалась к сильному плечу Хозяина — собственно, она называла его иначе, но это не важно, — обняла, и закрыв глаза, прошептала что-то о том, как он ей нравится, как ей с ним хорошо, и еще что-то, всегда приходящее в голову в таких ситуациях, в том числе и о том, как ей нравится доставлять ему удовольствие, и наконец, о том, как бы ей хотелось самой почувствовать то, что чувствует он.

Ловушка была расставлена, нить натянулась, и Хозяин не замедлил сунуть голову в петлю.

— Да, это было бы интересно. Я бы тоже хотел побыть на твоем месте. Женщина, наверное, получает больше удовольствия.

— Почему? А мне кажется, мужчина.

Он улыбнулся.

— Женщина — штука намного более сложная. У тебя, например, чувствительных мест намного больше, правда? — он осторожно провел кончиками пальцев вдоль спины — женщина вздрогнула и нервно облизнула внезапно пересохшие губы. — А у мужчин — одна, да и то... Ну, ну, не увлекайся!..

Петля затянулась, ловушка захлопнулась, и снова хохотал и танцевал лезгинку на радостях дьявол, и весь ад довольно потирал когтистые лапы.

Черт бы побрал склонность женщин к приятным сюрпризам!

Инвертор — дорогая, сложная и идиотская игрушка, позволяющая обмениваться ощущениями во время... гм... в любое время, позволяющая довести партнера чуть ли не до потери сознания и упасть самому (гм... самой...) рядом; это дьявольское изобретение оказалось на висках у Хозяина в самое неподходящее время и на один короткий миг он задохнулся от давно забытого ощущения — света, радости, любви и тепла, а в следующий момент женщина отчаянно завизжала, приняв в себя почти смертельный заряд боли и ненависти, скорчилась в дикой, немыслимой судороге и бессильно обмякла.

А когда сознание вернулось в ее обожженный чудовищным ударом мозг, женщина с ужасом и омерзением взглянула на помрачневшего Хозяина, взглянула с явным вопросом, и он понял этот безмолвный крик, понял — и ответил:

— Да, да, я все время это чувствую.

— Но теперь... теперь я знаю...

— Да. Теперь ты обо всем знаешь.

Странная искра снова вспыхнула в его глазах, и теперь, теперь она знала, что это значит.

— Ты сумасшедший!

— И это правда, — он пододвинулся ближе.

— А я... я теперь — лишний свидетель? Но я же никому... Впрочем, ты сам об этом знаешь.

— Знаю, — он привлек женщину к себе, обнял.

— И все же...

— Что поделаешь... Я не смогу жить, зная, что кто-нибудь еще знает об этом. Увы, кто-то из нас лишний в этом мире.

Хозяин поцеловал губы женщины и осторожно дотронулся серым непрозрачным камнем на перстне до ее затылка.

— Все равно... — успела прошептать женщина.

Возможно, она хотела сказать «все равно люблю». Впрочем, скорее всего ей стало все равно — жить или умереть.

Отступив на несколько дней назад, Хозяин снял с пальца и передал себе — молодому — перстень с нейропистолетом, вмонтированном в серый непрозрачный камень.

— Это зачем?

— Узнаешь.

— А долго еще?

— Долго.

Машина снова двинулась вниз — вниз, в проклятое прошлое, и Хозяин останавливался еще несколько раз, тщательно синхронизировал поле, передавал себе — себе, но более молодому, — знания и инструкции, и каждый раз с ужасом поглядывал на счетчик, который упорно не желал замечать огромной энергий, затраченной на каждую коррекцию, и насмешливо дрожал в районе нуля, а скорость росла, и тело, неплохое тело, верой и правдой прослужившее столько лет, на глазах превращалось в дряхлую развалину, и когда Машина остановилась в каких-то полутора годах от цели... нет, от Цели, Хозяин не сразу собрал силы, чтобы выйти.

Но вышел.

В сверкающем серебром скафандре он довольно дико смотрелся в маленькой комнатушке с убогой мебелью, но хозяин комнаты — молодой парень, чем-то отдаленно напоминающий пришельца, смотрел без особого удивления, приписывая, должно быть, неожиданного гостя действию очередной бутылки, подрагивавшей в руке. На столе, рядом с другой твердо и неподвижно тускло поблескивала вороненная сталь.

— Привет! — просто сказал хозяин. — Пить будешь?

— Привет, — отозвался гость. — Наливай.

Они опрокинули по стакану, гость взял в руки револьвер, крутнул барабан и, презрительно хмыкнув, бросил оружие на место.

— Что, — безразлично буркнул хозяин. — Не одобряешь?

— Не одобряю.

— А м-м-мне — н-н-начхать!

Это глубокомысленно замечание потребовало определенных усилий и парень снова потянулся к бутылке.

— А ты знаешь, кто я такой?

— Н-ну, и к-кто же? Вр... Вп... Впрочем, мне н-начхать!

Он задумался, потом внезапно захохотал:

— Зззнаю! Ты — глюк! Ггталюник! Угадал?

— Не совсем. Я — это ты. Ты, который в будущем.

Парень снова задумался, затем тряхнул головой и немного трезвее выдал:

— А вот и врешь! Вот смотри. Вот я есть? Есть! А через минуту меня не будет, — он потрогал револьвер. — Значит, и тебя не будет! Ппонял?

— Отдай пушку.

— Не отдам! И вообще... Вот я сейчас тебя убью, — он приставил ствол к своему виску. — Ты даже знаешь, почему.

— Знаю.

— Так вот... — парень щелкнул курком.

— А если я уничтожу причину?

— Как это?

Хмель если и не вышел полностью, то по крайней мере отступил. Странный огонек вспыхнул и погас в глазах парня.

— Я сейчас вернусь в прошлое и сделаю так, чтобы... Ну, ты знаешь, что нужно сделать.

— И тогда?..

— Тогда все пойдет по-другому. Так, как ты хочешь.

— О, Господи!

Парень взглянул на револьвер, вздрогнул, и поспешно отвел руку.

— Я готов. Что надо сделать?

— Ты должен стать мной. Ты должен сделать карьеру, добиться моего положения, построить Машину и вернуться.

— Я готов.

— Здесь инструкции. Список акций, которые ты должен завтра же купить. Чертежи поворотного затвора — скорострельность получится под три тысячи выстрелов в минуту. Исходники программы...

Хозяин говорил и вспоминал, как много лет назад он сам слушал все это. Как проснулся утром, разбитый, с дикой болью в затылке, мокрый от холодного пота и злой, бешено злой из-за нелепого и невозможного сна, который помешал обрести, наконец, покой; он клял его — и себя, за то, что не нажал курок, и так было, пока он не ткнулся носом в пакет с инструкциями на странном, чуть поблескивающем материале, который рассыпался в прах после прочтения... Но все это было потом, потом, деньги, богатство, большое богатство, слава... — все потом, потом...

— Ты понял?

— Понял.

Он усмехнулся и влез в кабину. Оставалось еще два вопроса.

— Подожди! А ты? А как же ты? Ты же исчезнешь.

— Конечно.

— И...

— Я буду очень рад этому. Все?

— Нет, не все. Скажи... а когда это произойдет? Скоро?

— Нет.

Он закрыл люк, выключил синхронизацию и снова запустил двигатель. Этот прыжок был последним.

Он вернулся в странный мир, когда все вокруг было знакомым — но не совсем, потому что слабая человеческая память не сохранила подробностей; все было известно — но не до конца, из-за тех же мелочей; все было предсказуемым — но только в общих чертах...

Он усмехнулся: известно, когда начнется война, но черт его знает, чем в следующий момент займется вот эта, например, парочка...

Его интересовала тоже парочка — но другая.

Они шли молча, не глядя друг на друга. Черт знает, из-за каких мелочей тогда упало настроение, чем-то был недоволен парень, и не слишком счастливой была девушка, а может, погода была не та, в общем-то, так и осталось навсегда неясным, почему ей взбрело в голову прогуляться одной, а потом зайти в церковь, а потом...

Боль, острая, жгучая, невыносимая неистовой волной затопила мозг, и в приступе слепой ярости он бросил Машину вниз, чуть не нажал гашетки... но не нажал.

Смуглый усатый мужчина подошел к девушке, что-то спросил, что-то сказал, через пару минут они уже сидели на одной лавочке, и усатый рассказывал что-то интересное...

Руки Хозяина тряслись, и он заблокировал пусковые механизмы, а затем вообще передал управление компьютеру, а сам корчился в кресле, пожираемый невидимым мозговым червем-паразитом, садистом и палачом.

Стемнело, похолодало, и совершенно естественно парочка оказалась в комнате с узкими окнами, а на столе неизвестно откуда возникла бутылка какого-то вина, а всего в нескольких километрах тот, другой, расспрашивал соседей — не знает ли кто, куда ушла...

А рядом в двух шагах, высунув острый нос из глухой стены, висела Машина, и полуослепший от небывалого приступа Хозяин не отрывал глаз от первоисточника боли... и всей этой истории.

И наконец, дело закончилось тем, чем и должно было закончиться... и чем уже закончилось раз — столько десятилетий назад. И девушка словно опомнилась, когда усы оказались рядом с ее губами, и попыталась остановить... и остановиться, а Хозяин, стиснув зубы до скрежета, включил синхронизацию и вывалился в комнату, окутанный облаком огня из-за температурных перепадов, темпоральных флуктуаций и прочих пост-эффектов незавершенной синхронизации.

Пахнуло озоном и почему-то серой.

— Что это? — вздрогнула девушка.

— Где? — не понял усатый. — Ничего. Тебе показалось.

И Хозяин взвыл, натолкнувшись на невидимый и непреодолимый барьер, и истерически заверещала сирена, предупреждая о перегрузках, и Машина — сама Машина, грозное, непревзойденное и непобедимое чудо-чудовище, порожденное то ли разумом человеческим, то ли его сном, — медленно отступила, отрываясь, насколько возможно, от реального мира.

Это была первая неудача. Первая за весь период проекта.

А время все шло. И Хозяин, лихорадочно перебрасываясь потоками цифр с компьютером, перегружая сенсоры, видел, как в другом конце комнаты усатый стаскивал с девушки брюки и свитер.

А когда примерный результат был готов, на кровати тоже все было готово.

— Не может этого быть!!! — Хозяин взревел, как раненый зверь, и в бессильной ярости сдавил гашетки, выбросив из-под куцых крыльев Машины две молнии, способные испепелить по большому городскому кварталу каждая.

И они вернулись, отраженные все той же невидимой темпорально-энергетической стеной, и, находясь в одной временной плоскости с Машиной, ужалили ее, и Машина вздрогнула и затряслась, защищаясь от собственного удара.

Энергия, необходимая для малейшей коррекции — даже просто для появления в комнате — оказалась огромной. Неземной. И даже не звездной. Не меньше десятка звезд можно было бы потушить этой энергий.

— Этого не может быть!!! — с какой-то странной, просительной интонацией бормотал Хозяин. — Это же не Манхэттенский проект. Это же просто маленькая незаметная коррекция личной жизни ничем не прославившейся незаметной девушки... Ты ошибся, компьютер. Ты врешь, проклятый ящик!!!...

И в ярости разбив кулак о панель, он понял, что жизнь эта не была личной и незаметной — это была его жизнь, жизнь хозяина планеты, и все развитие человечества находилось в прямой связи с этой ночью и с этой девушкой, и что все это было предопределено заранее, а все, что он мог теперь сделать, — это бессильно смотреть, как усатый — впрочем, он знал, конечно, его имя, фамилию и основные анкетные данные — тем временем уже... Из противоположной стены комнаты вывалилось что-то огромное, крылатое, страшное, и сенсоры взбесились, предупреждая о том, что это находится в той же временной плоскости, а, следовательно, может представлять опасность, и все рефлексы и программы странного монстра, образованного связью мозга с компьютером, взмолились:

— Убей!!!

Сработали все системы бортового оружия, и неизвестный пришелец оказался в самом центре ослепительной пламенной сферы и исчез, растворившись в облаке элементарных частиц.

Машину подбросило, двигатели брызнули искрами в разные стороны, и Хозяин потерял сознание от чудовищной перегрузки.

А очнулся от едкого запаха горящей пластмассы, сильного жара где-то за спиной и истерического визга сенсоров — это компьютер пытался доложить о куче неисправностей и повреждений. Кабину заполнял азот, а из двигательного отсека сквозь трещины сочилась пена — Машина всеми силами пыталась бороться с пожаром.

А там, внизу?

А там уже все закончилось, и девушка, почему-то всхлипывая, смывала следы прошедшего водой из графина, и мужчина, тоже не очень-то довольный, угрюмо смотрел куда-то в сторону.

Вот и все...

Все?!

И как будто и не было груза десятилетий, и Хозяин, снова увидев то, что узнал столько лет назад, лихорадочно заработал головой и руками, спасая Машину — и себя, а затем, стабилизировав ситуацию, снова выдавил полный форсаж из поврежденного реактора и бросился вниз, еще глубже в оке-

ан прошлого в надежде найти критическую точку, где с меньшим расходом энергии он смог бы своротить историю на другой путь...

— не дать им встретиться,

— отвлечь внимание,

— сообщить тому, другому, где она,

— убить ее до знакомства, в конце концов!!!

Синтез-блок мозга с компьютером работали на грани перегрузки, искали и отбрасывали варианты, а руки делали свое, и когда Машина уже падала в черную бездну прошедшего, сработала логика, и компьютер успел подбросить сознанию еще одно понятие — петля.

Это показалось воплощением ужаса. Хозяин вздрогнул, вскрикнул, но не успел даже инстинктивно прикрыть руками лицо, когда рядом появилась вторая — или все-таки первая? — Машина и ударила всем бортовым оружием.

В последний момент проскочила мысль, что все эти годы он хотел, дико, невероятно хотел узнать — что же произошло там, в комнате с узкими окнами.

И вот. До конца и не получилось.

Свет! Свет!! Свет!!!

Он ослепил даже сквозь фильтры скафандра, удар чуть не разорвал внутренности и не размазал их по панелям... но не убил.

Сознание действовало. В первый момент он удивился, только потом в оглушенном мозгу всплыло — «петля».

— Вот оно что, — безразлично протянул он. — Значит, теперь я буду вечно болтаться в этом вихре...

Перед глазами услужливо всплыла школьная аналогия — водоворот. Вихрь, оторвавшийся от основного потока и бессмысленно кружащийся где-то в стороне. И случайная щепка, с каждым оборотом все приближающаяся к центру. Ближе, быстрее, еще быстрее...

И вдруг все замерло. Кто-то — а может, что-то? — появился рядом. Что-то неуловимо-близкое, родное и ненавистное, нежно-враждебное. Через мгновение он уже знл, что это... Точнее, кто это.

— Здравствуй... — голос-шепот, едва уловимый шелест, мгновенная мысль — и пустота.

— Это ты, — с трудом прохрипел он. — Ты. Ты!

— Я... — все тот же чуть слышный шелест.

— Ты пришла...

— Да...

— Но тебя нет.

— Конечно, нет. Но я здесь...

— Зачем?

Невидимая и неощутимая, она проникла в самые глухие углы сознания, пронеслась там стремительным и опустошающим вихрем и в виде легкой дымки появилась снова.

— Тебе же плохо без меня...

— Да, — он облизал внезапно пересохшие губы. — Очень плохо.

Он уже знал, что будет дальше.

— Почему же ты от меня уходишь?..

Вкрадчиво и неуловимо она вмешивалась в работу созания, изменяла что-то — что-то неуловимо малое, но важное, и через минуту Хозяин уже не мог отличить свои мысли от измененных.

— Потому... Потому что... — он взглянул вниз, на застывшую парочку и мгновенный прилив боли и ярости смел все мысли, и черная волна ненависти захлестнула мозг. — Вот почему!!!

В самоубийственном порыве он сдавил гашетки и зашипел от бессильной злобы, когда ничего не произошло.

— Но этого больше не повторится... — теперь голос был тоскливым и умоляющим, и это было хуже, это ломало всякое сопротивление, и вновь нежное прикосновение чужой воли гасило бурю, а женщина шептала что-то древнее и забытое, то, что он слышал когда-то, когда они были вместе, слышал — и не ценил, а сейчас это звучало совсем иначе, словно родной полузабытый язык.

— Говори... — прошептал он. — Говори еще... Что-нибудь...

Горячая капля обожгла щеку, и Хозяин вздрогнул, пораженный даже не этим, а тем, что она, оказывается, еще не разучилась плакать, а затем вздрогнул еще раз, поняв, что слеза принадлежит ему. Призраки не плачут!!!

Машину встряхнуло, призрак исчез и что-то темное и почти материальное появилось в кабине.

— Привет, — просто сказал гость.

— Привет, — несколько удивленно отозвался Хозяин. — Это ты?

— Ну да, я, — улыбнулся гость. — Не ждал?

— Судя по тому, что я тебя не знаю... — задумчиво протянул Хозяин, — ...ты из будущего. Угадал?

— Хороший вопрос... — как-то сразу изменился гость. — Но лучше его пока оставить.

— Ладно. Тогда?..

— Сразу говорю — я не знаю, как отсюда выбраться.

— Тогда за каким чертом ты появился? — вспышка злобы была внезапной и стремительной, но так как оба были одним тем же, то гость даже не удивился.

— Ну что ты сразу вот так... — протянул он с некоторой укоризной. — Может, я просто поговорить пришел.

— Если ты жив — значит я выбрался. Говори, как это сделать и сматывайся. Поговорим потом, после Коррекции.

— Зря ты так, — поморщился гость.

— Мне видней.

— Может, и видней. Но, знаешь, я хотел поговорить несколько о другом.

— Ну?

— Зря ты все это затеял. Ты мог бы прожить жизнь просто и счастливо, вместе с...

— Заткнись!!!

Гость замолчал. Парочка внизу все также изображала из себя скульптурную композицию.

— Ты пришел предложить мне забыть это? — прошипел Хозяин. — Это? Ты сошел с ума!

— А ты?

Вопрос был внезапным и неожиданным, как выстрел, и Хозяин снова вздрогнул, а затем усмехнулся и все тот же странный огонек вспыхнул в его глазах.

— И я. Я, наверное, единственный сумасшедший, который осознает это...

— Вот видишь!

—...и хватит об этом! Ты можешь мне помочь сейчас?

— Нет.

— Тогда уходи.

Гость устало вздохнул.

— Ладно. Но тебе это не поможет. По одной простой причине. Ты с самого начала ошибся. Я не из будущего. И не из прошлого...

И исчез, оставляя Хозяину понимание и ужас.

Смерть была быстрой и незаметной до неуловимости.

Там, внизу, усатый дергался рядом с девушкой. Из-за темпоральных неоднородностей все движения были рваными и карикатурными.

Теперь он вечно будет видеть это.

Следующая мысль была неожиданной. «Рай». Почему рай?

«Рай — место, где исполнятся ваши наибольшие желания...»

— Вот оно что! — он улыбнулся, и из уголка губ потянулась вниз струйка крови. — Значит, больше всего я хотел увидеть то, что там случилось...

Он увидел. Раз, другой, третий... «Диаметр вихря 15 минут... 10 минут... 7 минут... 5 минут...» — спокойно подбрасывал компьютер. То, что обожгло его тогда, столько лет назад, теперь происходило прямо перед глазами. Боль злорадно вспыхнула и усиливалась с каждым витком.

— Хватит... — он закрыл глаза, но обнаружил, что сенсоры показывают еще лучше — с круговым обзором, с панорамой, увеличением...

И выключить их он был не в силах. Так же, как и управлять Машиной. Так же, как и взорвать ее. Так же, как и застрелиться.

Вихрь. Что поделаешь.

— Хватит! — он заорал, взвыл — но не сдвинулся с места и не смог даже отвести взгляд. — Хватит! Хватит!! Хватит!!! К черту! Какой же это рай?

И тогда появился голос. Это был странный голос — вкрадчивый и глубокий, тихий — и оглушающий, торжествующий и немного насмешливый, исходящий неизвестно откуда.

— Собственно, с чего ты взял, что это рай? — поинтересовался голос.

Огненный дождь

Туннель запасного выхода извивался, словно раненая змея. Строители специально проложили эту бетонную трубу таким образом — чтобы задержать ударную волну от взрыва, если таковой случится вблизи убежища. К счастью, взрывы миновали эту часть необъятной пустыни. В туннеле было темно — освещение сдохло еще лет двадцать назад. Чинить было некому. Последний электрик умер за год до поломки, проклиная это убежище и всех, кто жил в нем. Примерно тогда же взорвался склад боеприпасов, расположенный у входа. Убежище лишилось половины огнестрельных запасов, трех мастерских и главного выхода. Запасной, к счастью, уцелел. Правда бетонные стены сильно потрескались от взрыва, но еще держались. Куски бетона, что вывалились из стен, щедро усеивали пол, заставляя спотыкаться тех, кто ходил в темноте по этому ходу.

Ворон уже почти полчаса пробирался по этой бетонной кишке, постоянно спотыкаясь в кромешной темноте. Каждый раз, когда нога задевала за крупный кусок, он мысленно посылал проклятья вожаку следопытов — Сыщику, который запретил пользоваться факелами в запасном выходе. Маскировка, видите ли. Какая, к чертям, маскировка на глубине в тридцать метров? Кто увидит этот свет? Но — начальник всегда прав. Сам Ворон ходил в следопытах всего второй год. Ему было двадцать пять, и пока рано было обсуждать приказы начальства, Сыщик ему так и сказал, провожая в дорогу.

Задумавшись о своей карьере, Ворон зацепился наплечной сумкой за неведомо откуда взявшийся железный прут и чуть не растянулся на бетонном полу во весь свой двухметровый рост.

За его спиной тихо хихикнули.

— Эй, Слепой! — мрачно позвал Ворон, останавливаясь и поправляя винтовку, что висела у него на плече.

— Чего, — недовольно откликнулся из темноты ломающийся подростковый голос.

Роман Афанасьев

— Почему тебя Слепым прозвали? — спросил Ворон, пытаясь снять сумку с железного прута.

— Да все уже знают.

— Я редко бываю дома. Ты знаешь, я брожу целыми неделями по холмам вокруг убежища и мало что знаю о жизни внутри, — Ворон освободил сумку и, пригнувшись, двинулся дальше.

— Ну, я с детства плохо вижу. Не так плохо, как Очкарик, но все же не могу быть Воином или Следопытом. Вот поэтому-то Седой и стал учить меня читать. Правда он сам сказал, что от этого зрение еще хуже станет.

— И чего, много ты прочитал? — усмехнулся Ворон.

— Ну, все, что было в Доме, прочитал. Кстати, твой друг Соленый, обещал мне книжек принести из заброшенных Домов. Что-то его давно не видно.

Ворон остановился и пошарил в темноте рукой. Нащупав хрупкое плечо подростка, он ухватился за него и притянулся к себе.

— Тихо! Соленый ушел, — жарко зашептал он прямо в ухо Слепому

— Знаю, на север, он мне сказал что, когда вернется, книг принесет.

— Соленый трепло, — процедил Ворон сквозь зубы, — он ушел на восток за деревом, понял? Никаких книг там нет. Молчи о севере, а то Сыщик упрячет тебя на нижние уровни до возвращения Соленого.

Слепой вырвался и стал тщательно расправлять куртку тяжело сопя.

— Ладно, — наконец сказал он, — все понял. Хотя все давно знают что на севере еще один Дом — убежище.

Ворон отвернулся и снова нырнул в темноту. Некоторое время они шли молча, спотыкаясь и тяжело дыша. Наконец, оценив расстояние до светлого пятна, следопыт попросил:

— Расскажи о войне. Не так скучно будет идти.

— А чего рассказывать-то. Все знают.

— Я не знаю, — раздраженно откликнулся Ворон, — интересно мне.

— Ну, — протянул Слепой, — сначала была бомба. Ядерная. Сильная, то есть очень. Потом ее скинули на один большой Дом. А семьи этого Дома обиделись и тоже сделали бомбу. Сильнее, чем ядерную, но не такую вредную и кинули ее в ответ. Вот. А потом этими бомбами стали кидаться все. И вместо Большого Зеленого Дома стала пустыня. Или просто Выжженная земля. Как у нас.

— У нас холмы, — сказал Ворон, отшвыривая ногой, кусок бетона, — а все это я и сам знаю.

— Ну, я же говорил, все знают.

— Я думал, в книгах много про войну написано. Правдиво — почему война, зачем? Как раньше было?

— Так оно и написано, — Слепой тоже пнул камень, старясь отбросить его подальше, — только мне эти книжки Седой не дает читать.

— А почему?

— Говорит, рано мне еще знать, — Слепой пнул ногой еще один кусок бетона и тот с легким шорохом канул во тьму, — воду искать не рано, а знать рано!

— Слепой, тебе, сколько лет-то?

— Шестнадцать, — огрызнулся Слепой, — а что?

— Какого рожна тебя послали за водой?

— Да рисую я неплохо. Карту начертить могу. И написать, где воду нашли. Если в каком доме найдем записи — прочитаю. Может, там о воде есть. Помнишь, как в прошлом году Длинный и Очкарик старый дом нашли, а под ним пару цистерн? Если бы Очкарик не прочитал дневник, цистерны ни в жизнь бы не нашли.

— Помню, — Ворон помолчал, — здорово это — уметь читать.

— А ты не умеешь? — изумился Слепой.

— Не умею. А чего ты удивляешься, из нашего Дома только Седой, Старик, Сыщик и Очкарик умеют читать. Ну, еще ты. Пять человек из полста.

— Ну, я думал все следопыты умеют читать и карты составлять. Считать-то ты умеешь.

— Не все, — Ворон снова споткнулся и тихо выругался, — считать-то все умеют, иначе запасы не рассчитаешь для похода. А карты чертит Сыщик. Мы ему рассказываем, а он чертит.

— А на фиг он их чертит, если вы читать не умеете?

— А он на них не пишет. Рисует значки, которые мы знаем.

Ворон зацепился ногой за кусок железной трубы, брошенной здесь неизвестно кем, и с размаху упал на колени.

— В душу твою собачью мать! — выругался следопыт, поднимаясь с колен — руки все расцарапал!

— Чего ты спотыкаешься то все время? — Слепой протянул ему руку. Ворон с усмешкой взялся за хрупкую руку подростка своей мускулистой лапищей и встал.

— Я в темноте плохо вижу, — Ворон подобрал с пола мешок и винтовку.

— Это почему? — Слепой протянул следопыту оброненную им пачку патронов. — Мы же полжизни сидим в темноте под землей??

— Я-то нет! Снаружи привыкаешь к солнцу, а потом под землей ничего не видишь.

— Это как? — поразился Слепой

— Выйдем, увидишь, — Ворон тронул рукой коленку и зашипел от боли. Настроение его было безнадежно испорчено. Он повернулся к подростку спиной, давая понять, что разговор окончен, и молча зашагал вперед.

Дальше они шли молча. Выход приближался, потянуло свежим воздухом — стало светлее, и тьму сменил полумрак. Стали видны все трещинки в бетонных стенах и пыльный пол, на котором было множество следов. Последние несколько шагов до входа Слепой проделал, прикрыв глаза ладонью — яркий, как ему казалось, свет вызвал неожиданный поток слез.

— Ну, вот и кончилась наконец эта проклятая труба! — сказал Ворон, шагнув на пыльную землю.

— Черт, ничего не вижу! сплошной свет! — пожаловался Слепой, хватаясь за рукав следопыта.

— Это еще ерунда! Это братец, только утро. Вот днем будет действительно светло! — следопыт приставил руку козырьком ко лбу, всматриваясь в даль. — Я уже к свету привык, зато в темноте ни фига не вижу.

Следопыт опустился на правое колено и стал поправлять свой сапог, пошитый из грубой кожи. Он уже выпрямлялся, когда сзади раздался низкий голос.

— Куда это вы собрались?

Слепой дернулся, оборачиваясь на голос, и задел Ворона.

— Да воду искать, — следопыт медленно обернулся — за его спиной стоял мужик в темно зеленом комбинезоне. Он был на голову выше следопыта, и стандартная винтовка в его огромных лапах казалась игрушкой.

— Привет, Ворон, — мужик опустил винтовку и протянул огромную ладонь следопыту.

— Здорово. Ну что, Терра, все охраняешь? — следопыт аккуратно пожал руку охраннику.

— Да вот, стою, — ухмыльнулся охранник, — что-то вы задержались, Рукастый и Птица час назад прошли. Вы вроде вместе собирались выйти.

Ворон бросил укоризненный взгляд на спутника.

— Да пацан со мной, пока его собрал в дорогу, час и прошел.

— А, — протянул Терра, — ну лады. Счастливо вам, я пойду на третий холм, посмотрю, далеко ли Птица ушел.

Он развернулся и медленно зашагал прочь от спутников.

— Пока! — бросил Ворон в спину уходящему охраннику.

— Чего это он? — Слепой недоуменно посмотрел вслед Терре, который легко ступал по выжженной земле.

— Мы вчера ночью повздорили маленько, — смущенно бросил Ворон, — наверно, он все еще обижается. Не обращай внимания. Он всегда такой, когда сердится. Просто неохота ему со мной разговаривать, да надо — для порядка.

Следопыт повернулся спиной к входу в убежище и окинул взглядом пустынный горизонт. Багровые тучи нависали над самыми холмами, казалось, еще чуть и небо коснется выжженной земли. Везде, куда мог только дотянуться человеческий взор, холмы были покрыты толстой коркой спекшейся земли. Эта корка была вся в трещинах, которые образовывали загадочный узор, бегущий вдаль. Ворон взглянул на небо — тучи были обманчивы — ни одна капля влаги не упала на иссушенную землю за предыдущий год. Говорят, где-то далеко на севере дожди шли каждый месяц, но Ворон не верил этому.

— Эй, Слепой, правда, что на севере идут дожди?

— Черт! — слепой тер слезившиеся глаза, — да говорят, идут!

Ворон скинул с плеча сумку и запустил в нее свою длинную руку. Через секунду он аккуратно вытащил на свет странную конструкцию.

— На, возьми, — Ворон протянул подростку два закопченных стекла в квадратной деревянной оправе. К оправе была привязана длинная веревка.

—Ух-ты, — восхитился Слепой, — как у Очкарика!

— Это простые стекла, просто закопченные, — отозвался Ворон, — надень, полегче будет.

Слепой напялил очки и стал обматывать длинную веревку вокруг бритой головы. На его еще худом лице, украшенном крючковатым носом, это устройство выглядело довольно смешно. Но следопыт даже не улыбнулся. Все, что приносит пользу в походе, — не смешно.

— Вот еще, голову обмотай, — Ворон протянул подростку кусок ткани, который когда-то несомненно, имел белый цвет. Слепой накинул ткань на свой бритый череп и завязал кончики тряпки под подбородком.

— Уже лучше, — изрек Ворон, накидывая такой же кусок ткани на свою голову. Его волосы уже отросли за время хождений по холмам почти на ладонь. Правда, каждый раз, когда он посещал убежище, Сыщик заставлял его бриться налысо, как и остальных обитателей Дома. Меньше волос — меньше проблем, говорил Сыщик, поглаживая свою лысую, как шар, голову. Он очень боялся паразитов в убежище. Считал, что они разносят всякую заразу, и был, безусловно, прав. Следопыт завязал концы импровизированного платка на затылке. В этот раз ему удалось ускользнуть от ножниц и бритвы — он пришел в убежище поздно ночю, и ушел рано утром. Времени на бритье не оставалось.

Вторым куском он обвязал дуло винтовки и затвор, чтобы пыль не добралась до механизмов. Конечно, это не остановит пыль, но какая- никакая, а все ж защита.

— Ну что, пошли? — Слепой поправил очки и вопросительно взглянул на следопыта

— Погоди! — Ворон раскрыл свою сумку и заглянул внутрь. — Что с собой взял?

— Ну, воду взял, уголек, кусок бумаги, пару тонких шкур. Седой сказал, что еду в холмах ты сам найдешь. А еще он мне дал нож, — Слепой вынул из своей сумки полоску ржавого металла, грубо заточенную с двух сторон. Вместо рукоятки на этот нож были намотаны куски шкуры, пропитанные клеем.

— Клей сам Седой варил, — похвастал Слепой, — из костей!

— Ты бы лучше его за пояс заткнул, чтоб под рукой был, — ответил Ворон, презрительно взглянув на полоску ржавого метала. Его старый настоящий армейский нож, найденный в заброшенном городе, был заткнут за голенище сапога. Но об этом он не распространялся.

— Все! — сказал Слепой, — куда пойдем?

— Не знаю, чего тебе наплел Седой, но я получил от Сыщика приказ идти на юг, пока не кончится вода. Потом назад. На север пойдут Рукастый и Птица.

— Это как же без воды назад? — испуганно взглянул на следопыта Слепой.

— Ну, по дороге можно найти немного воды. Ладно, хватит болтать, пошли, а то скоро совсем жарко станет. — Ворон забросил сумку на плечо и решительно двинулся в холмы. Слепой пошел за ним, поправляя на ходу очки и стараясь не отставать. Потрескавшаяся земля рассыпалась под их сапогами, превращалась в пыль, которую тут же уносил ветер. Слепой оглянулся — черный провал запасного выхода темнел в ста шагах. К нему вела цепочка следов, но ветер постепенно стирал ее своей быстрой рукой.

—Чего оглядываешься, — буркнул Ворон, — пути не будет.

— Да вот, — Слепой отвернулся, — вроде уходим. Просто отошли от дома. Неромантично как то.

— Романтик, — хмыкнул Ворон, — в детстве много сказок слушал! Идем себе и идем.

Выжженные холмы вскоре заслонили черную кляксу туннеля. Солнце припекало все сильнее, одежды путешественников давно сменили свои цвета на грязно-серый цвет. Слепой уже пару раз думал приложиться к бурдюку с водой, но каждый раз останавливался. Не дело это, пить воду в получасе ходьбы от дома. Глаза страшно болели, жажда терзала горло, но Слепой старался этого не замечать. Он первый раз забрался так далеко от Дома и не хотел выглядеть хлюпиком в глазах следопыта. Через час ходьбы ему было уже на все наплевать, и на свой образ героя, и на важное задание, и на доверие Седого.

Через два часа Слепой почувствовал, что ноги его подгибаются, он упал на колени и прохрипел:

— Ворон, я не могу больше не могу!

Следопыт медленно подошел к нему, подхватил под мышки и, легко приподняв, оттащил в тень ближайшего холма.

— Я выдохся, — Слепой откинулся на спину и замер, наслаждаясь чувством полного покоя в натруженных ногах.

— Ничего, — сказал Ворон и прилег рядом, — втянешься!

— Да я, наверно, с этого места до вечера не сойду, — Слепой прикрыл глаза.

— До вечера мы должны дойти до заброшенного Дома. Специальный такой дом. Наружный. Раньше там люди жили, до Войны. А потом стали строить настоящие Дома. Под землей, — Ворон аккуратно вынул из сумки кожаный мешок, наполненный водой, и сделал маленький глоток.

— Знаю, — лениво отозвался Слепой, доставая свой бурдюк, — это называлось не Дома, а Города. Некоторые были очень большие. Во много раз больше, чем наше убежище.

Сделав маленький глоток, Слепой просмоленной веревкой бережно завязал горлышко кожаного мешка и упрятал его в сумку.

— Знаешь, Ворон, мне Седой говорил, что раньше, до войны, люди пили воды раза в три больше, чем сейчас.

— Почему?

— Ну, воды было много, вот они и пили. А потом воды стало мало, и люди потихоньку приспособились. Седой говорил, что с нашим обычным бурдюком в два литра человек и недели не протянул бы в пустыне.

— Да ладно, — Ворон осмотрел свой бурдюк, взвесил его на руке, — неделю бы протянул.

— Ну, не знаю, люди все разные, — Слепой откинулся на спину, — может, кто и протянул бы.

— Поднимайся! — отозвался Ворон

— Да ты что, я еще не отдохнул!

— Я пошел, а ты как хочешь, — Ворон легко поднялся на ноги и размеренно зашагал на юг. Слепой с тоской посмотрел ему вслед. Когда следопыт отошел на два десятка шагов, Слепой понял, что это не шутка (в чем он себя убеждал) и со стоном поднялся на ноги.

Стемнело рано. Прохлада мягким покрывалом ложилась на измученную солнечными лучами землю. Стало холодно, ветер пронзал легкие одежды, словно кинжал. Солнце давно скрылось за горизонтом, лишь где-то вдалеке умирал огненный закат. Следопыт не останавливаясь шел вперед. Подросток тащился позади, едва переставляя ноги. Пыль забивала ему нос и дышать было тяжело. Когда солнце коснулось своим огненным краем дальнего холма, Слепой остановился и крикнул, напрягая пересохшее горло:

— Ворон, долго еще идти? Может, отдохнем?

Следопыт остановился и повернулся к подростку.

— Вон за тем холмом, — ответил он, уверенно ткнув рукой в дальний холм. Затем он резко повернулся и снова зашагал по выжженной земле. От каждого его шага, в воздух поднимались облачка пыли, которые тут же уносил сухой ветер.

Слепой сглотнул пересохшим горлом и промолчал, хотя это был уже десятый холм, за которым «должен быть заброшенный Дом». Но на этот раз.ю к удивлению Слепого, именно из-за этого холма и появился заброшенный Дом. Это был небольшой Дом, несколько трехэтажных зданий, стоящих кружком, — весь он уместился бы в половине настоящего Дома, что находился посреди подземного убежища. Слепой непроизвольно ускорил шаг, стремясь поскорее увидеть то, о чем он читал в рассыпающихся от ветхости книгах. Ничего особенного он не увидел. Старые каменные дома в три этажа были почти полностью разрушены. Правда, кое-где сохранились и перекрытия, и стены, и железные наружные лестницы.

— Не торопись, — Ворон схватил за рукав Слепого, который почти обогнал своего проводника.

— Там может быть что угодно, — продолжил Ворон, снимая с плеча винтовку, — держись позади. Если я начну стрелять, падай.

Слепой вытащил из-за пояса свой самодельный нож и, крепко сжав его в сухой ладони, пропустил Ворона вперед. Так они и шли, молча, стараясь не шуметь. Когда следопыт резко остановился, Слепой вздрогнул всем телом и чуть не выронил свой нож.

— Все! — резко сказал Ворон, — все спокойно, можно устраиваться на ночлег.

Слепой облегченно вздохнул и заткнул нож за пояс, причем едва не вспоров себе бок. Ворон тем временем осматривался по сторонам, выглядывая подходящее местечко для ночлега. Они стояли посреди небольшой площади между двух каменных домов, от которых остались одни стены. Перекрытий между этажами не было, лишь на каждом доме было по паре железных лестниц, прилепившихся к наружным стенам. По всей площади валялись куски тряпья, ржавое железо. Ветер лениво шевелил обрывки выцветшей бумаги, иногда перенося мелкие клочки от одной кучи мусора к другой. Вместо земли под ногами была какая-то непонятная крошка из черного камня.

— Асфальт!! — Слепой нагнулся и схватил маленький черный камешек, который крошился в руках, — смотри, Ворон, это асфальт!!!

— Ну и что, — отозвался следопыт, вытаскивая из груды мусора железный куб, у которого не хватало одной стенки. Он был закопчен — по-видимому, внутри него не раз разжигали костер.

— Да ты что, я столько про него читал, — восторгался Слепой, — дома-то, я себе мог представить, а асфальт — нет!

— Помоги лучше, — проворчал Ворон, пытаясь приподнять куб, — я его приподниму, а ты подсунь под него вон ту деревяшку.

Ворон рывком приподнял куб до колен, а Слепой ногой подсунул под него приличный кусок дерева.

— Ну вот и все! — отряхивая ладони сказал Ворон, — теперь марш за дровами.

— За какими дровами?— удивился Слепой.

— За деревянными, — съязвил следопыт, — идешь по улице и поднимаешь деревяшки. Когда наберешь побольше, идешь обратно. И не заходи в дома. Там ничего нет, а обвалиться эти стены могут запросто.

Слепой с сомнением потрогал пальцем рукоятку своего ножа и устало побрел по улице, высматривая дерево и заодно глазея по сторонам. Когда он вернулся с охапкой деревянных обломков, в кубе уже пылал огонь, а Ворон нанизывал на толстую проволоку куски свежего мяса.

— Откуда мясо? — удивился Слепой подходя к костру и бросая дрова рядом с кубом.

— Да вот, — отзывался Ворон, — пробегало мимо.

— А почему хвост такой длинный?

— А ты что, кролика захотел? — огрызнулся следопыт, — не хочешь — не жри.

Он отложил прутик, на который было уже нанизано четыре куска и, вытащил из своей сумки еще один кусок гнутой проволоки. Слепой подсел ближе и рассмотрел, что мясо Ворон срезает с освежеванной тушки похожей на маленького зайца. По крайней мере на первый взгляд это казалось зайцем. Вот только хвост...

Слепой крепко зажмурился стараясь прогнать видение противного голого хвоста. Когда он наконец открыл глаза, его взору предстало страшное зрелище: остатки рукописи догорали в костре. Издав громкий крик, подросток прыгнул прямо в костер, едва не повалив куб.

Ворон легко перекатился вбок, подхватив с земли свою винтовку. Вскочив на ноги, следопыт нырнул в тень и замер там, прижавшись спиной к стене. Подросток сидел рядом с костром и тряс обоженными руками. Около его правой ноги валялись листки бумаги, которые еще дымились. Во всем городке стояла мертвая тишина, которую нарушали лишь проклятья подростка. Следопыт водил стволом винтовки из стороны в сторону, осматривая темные углы площади. Наконец он спросил громким шепотом:

— Что случилось?

— Дурак, — крикнул Слепой и, морщась от боли, подхватил листки, — ты чуть не сжег вот это!

— Что это? — Следопыт не смотря на спутника, шагнул к костру, не отводя взгляда от дальнего дома, до которого не доставал свет костра.

— Вот это! — Слепой ткнул бумагами зажатыми в кулаке прямо в грудь Ворона.

— Все? — спросил следопыт, опуская винтовку.

— Все, — зло ответил Слепой, опуская руку с бумагами.

Следопыт быстрым движением руки отвесил подростку подзатыльник — тот упал на колени от удара.

— Дурак, — прошипел Ворон, — еще раз так прыгнешь, сам тебя пристрелю, чтоб меня не подставил.

Слепой сел и схватился рукой за затылок. Кинув полный злобы взгляд на спутника он, отполз на другую сторону костра и стал аккуратно складывать листки бумаги в одну стопку.

Ворон медленно положил винтовку рядом с собой и взялся за нож. Он нарезал мясо маленькими кусочками и аккуратно нанизывал их на проволоку. Руки его едва заметно вздрагивали. Закончив свое малоаппетитное занятие, Ворон вытер нож об штаны и сунул его за голенище сапога. Затем он встал и медленно подошел к Слепому, держа в руках проволоку с нанизанным на нее мясом. Подросток уткнулся в свои бумаги и водил пальцем по выцветшим строкам, делая вид что не замечает следопыта. Ворон встал у него за спиной и тоже стал всматриваться в причудливую вязь незнакомого почерка. Он находил знако-

мые буквы, но они выглядели странно — человек написавший эти заметки, торопился, и буквы было сложно разобрать. Следопыт услышал, как подросток тихонько втянул носом воздух, вдыхая аромат жареного мяса, — проволока с кусками, что отобрал для себя следопыт, упала одним концом в огонь и «жаркое» подгорело. Ворон тронул Слепого за плечо.

— Извини.

Подросток вздрогнул и отодвинулся. Ворон сел рядом и глядя на пламя произнес:

— Ты меня напугал. Я не такой опытный, как Сыщик или Терра. Они, наверно, сразу бы догадались, в чем дело. Я разозлился, что ты увидел мой страх и ударил тебя. Прости.

Слепой отложил бумаги и заглянул в лицо следопыту, пытаясь поймать его взгляд.

— Ладно, — проворчал Слепой, — больше не буду тебя пугать, — и улыбнулся. Ворон улыбнулся в ответ.

— Возьми, — следопыт протянул подростку прутик с четырьмя кусками сырого мяса, — держи над огнем, а потом сам догадаешься.

Слепой с сомнением взял прутик и поднес мясо к огню.

— Не бойся, — Ворон поднялся и снял с огня свою проволоку, — это съедобно, я в этом Доме не первый раз ночую, знаю, что к чему.

Аромат жареного мяса щекотал ноздри подростка. Съев за день всего кусок сушеного птичьего мяса, Слепой теперь с вожделением наблюдал за тем как куски свежего, настоящего покрываются румяной корочкой, шипя над языками пламени. Когда ожидание стало нестерпимым, Слепой схватил, обжигаясь, прут и отчаянно вцепился зубами в сочные куски.

— Осторожней! — крикнул Ворон. — Обожжешься!

Он отобрал у Слепого проволоку и одним движением ножа скинул куски мяса на чистый кусок кожи, заранее расстеленный на земле. Затем следопыт отвернулся, чтобы не мешать трапезе спутника, и занялся приготовлением новой порции мяса.

Когда они насытились, следопыт откинулся на спину, подложив под голову свою сумку, и приготовился спать.

— Ворон! — Слепой подсел ближе шурша бумагами, — ты чего, спать?

— Угу, — сонно отозвался следопыт, — и ты давай спи. Сам ныл, что устал. А завтра нам еще больше надо пройти.

Следопыт повернулся на бок, спиной к собеседнику, давая понять, что сон важнее всего. Слепой завозился за его спиной устраиваясь на ночлег.

Потрескивали догорающие дрова в кубе, ветер что-то тихонько шептал, блуждая в каменных развалинах. Ворон лежал с закрытыми глазами. Наступило то самое время, которое он так любил — грань между явью и сном, когда кажется, что сном можно управлять. Тепло от костра приятно

ласкало спину, и первый сон уже заглянул в глаза, когда следопыт почувствовал, что Слепой прижался к нему всем телом. Ворон похолодел.

— Эй, Слепой, — следопыт ткнул локтем назад, — не впутывай меня в эти дела.

Слепой резко откатился и сердито засопел в темноте.

— Я не потому, — наконец смущенно вымолвил он.

— А чего?— Ворон слегка повернулся.

— Страшно. Кругом так все открыто. Не могу уснуть, прямо жуть пробирает.

— А, ты же в первый раз ночуешь на земле, — облегченно протянул Ворон, — тогда иди сюда. Когда я первый раз ночевал на открытом месте, то забился между Сыщиком и Зеленым. Всю ночь просто так лежал, спать не мог.

Слепой подполз к следопыту и прижался к его широкой спине своей.

— Боязнь открытого пространства, — зевнув сказал Ворон, — забыл, как это по-научному. Ладно давай спать.

Следопыт закрыл глаза и попытался уснуть. Костер почти погас и не давал тепла, лишь играл тенями в темных углах площади. Ветер стал нестерпимо холодным и пронзал насквозь. Далекие шорохи в развалинах стали ясными и отчетливыми. Сон не шел. Ворон открыл глаза и тихо выругался.

— Ты чего? — Спросил Слепой.

— Весь сон согнал, дурак, — проворчал Ворон.

Слепой завозился устраиваясь поудобнее, но следопыт схватил его за руку.

— Ну-ка, тихо.

Слепой замер, расслышав в голосе спутника тревогу. Следопыт приподнял голову, пару раз втянул воздух носом и прошептал:

— Как я тебя толкну, сразу беги. Вон видишь лестницу железную на доме? Беги к ней со всех ног и забирайся наверх.

Слепой кивнул, хотя его пробрала дрожь от зловещего шепота следопыта и захотелось бежать к лестнице немедленно и изо всех сил.

— Давай, — крикнул Ворон и пнул Слепого ногой. Тотчас ночь взорвалась лаем, воем и дикими воплями, которые, казалось, неслись со всех сторон. Полуоглушенный Слепой в два прыжка преодолел площадь и прыгнул в сторону лестницы. Его пальцы вцепились в ледяное железо и он начал подтягиваться, не замечая ржавчины, что сыпалась на него сверху. Совсем рядом гулко бухнул винтовочный выстрел, и Слепой чуть не сорвался. В этот момент кто-то сильно толкнул его в спину. Подросток в ужасе рванулся вверх и истошно заорал, судорожно хватаясь за ржавые перекладины.

— Это я, — крикнул снизу Ворон и подтолкнул Слепого вверх, проталкивая его дальше по лестнице. Забравшись наверх они вывалились на небольшую железную площадку с перилами из редких железных прутьев. Слепой в ужасе прижался к холодному каменному полу. Его била крупная дрожь, и было видно, как вздрагивают кончики его повязки. Ворон сидел

на самом краю площадки, пристально вглядываясь вниз, одной рукой он держал винтовку, а второй вцепился в ржавые железные перила из тонких прутов. Ночь продолжала бушевать: казалось, неведомые демоны налетели внезапно на тихую площадь. Вой и лай рвали ночную тишину в клочья, ветер словно взбесился — поднимая клубы пыли, он своим дыханием раздул остатки костра в настоящий пожар.

— Слепой! — крикнул следопыт, — Слепой, где ты твою мать? — Ворон протянул руку назад, пытаясь найти Слепого наощупь в этой непроглядной тьме. Нащупав тонкую руку, следопыт рывком подтащил спутника к себе и прислонил спиной к перилам. Глаза подростка смотрели прямо перед собой, все мышцы его были напряжены и дрожали.

— Слепой! — Ворон отвесил ему две звонкие пощечины, — Слепой, это собаки, просто дикие собаки!

Голова Слепого дернулась от ударов, подросток вздрогнул и поднял голову, взгляд его стал осмысленным.

— Собаки? — хрипло прошептал он

— Собаки. Дикая стая, — следопыт отпустил подростка и снова стал вглядываться в темноту. Тем временем лай утих, и из темноты доносилось лишь тихое рычание.

Ворон привстал и попытался в неровном свете костра разглядеть нападавших собак. Но те благоразумно держались в темноте.

— Слепой, ты их видишь?

Подросток повернул голову и прищурил глаза:

— Пять, шесть... Ворон, их где-то десяток, больше вроде не видно.

— Черт, — прошептал следопыт закусив губу, — что делать-то.

— Перестреляй их, — Слепой сел на пол и стал тереть глаза, — винтовка-то у тебя есть.

— Винтовка, — протянул Ворон, — у меня в магазине четыре патрона. Остальные в сумке. А сумку-то я не успел прихватить. Сыщик за такое разгильдяйство мне голову бы оторвал.

— Ну давай отсидимся. Не будут они тут вечно сидеть. Если жрать захотим, подстрелишь собаку, мы ее чем-нибудь подцепим и наверх, — Слепой дернул рукой изображая процесс поднятия собаки.

— Дурень, — Ворон прислонился спиной к перилам и положил винтовку на колени, — вода твоя где? Внизу. Небось, эти твари до нее уже добрались. И никого мы не подтащим. Так близко они к нам не подойдут. Помолчи лучше.

Слепой обиженно смолк и, сняв повязку с головы, вытер ей свою бритую голову. Следопыт сидел молча и размышлял. Он пытался представить себе, что бы сделал Сыщик на его месте. Стрелять — бессмысленно, все равно всех не перестреляешь. К тому же стрелять в темноте не самое любимое занятие следопытов, привыкших к солнечному свету. Слезать, драться в рукопашную, так их, самое малое, десяток. Дикие звери — это вам не домашние

собаки — загрызут в момент. Следопыт запустил руку в свои волосы и резким движением сжал пальцы в кулак. Боль немного отрезвила его.

— Думай! Думай, дурак, — прошептал он.

В этот момент низкий вой разорвал тишину, и, отразившись эхом от стен домов, вернулся на площадь.

— Что за черт! — следопыт перегнулся через перила. В неровном свете угасающего костра стояла огромная собака. Она была чисто белая, голова ее могла спокойно достать до пояса Громиле. Огромные красные глаза собаки, казалось, светились в темноте призрачным светом.

— Красивый, дьявол, — прошептал Ворон, прицеливаясь, — не очень-то похож на собаку. Волк, выродок, наверное.

Волк не шевелился, лишь уши его немного подрагивали, ловя звуки доносящиеся из темноты. Внезапно он поднял голову к темному небу и снова жуткий вой разнесся над притихшими развалинами.

— Вот оно что! — прошептал следопыт опуская ружье.

— Что? — Слепой придвинулся ближе, бросив на волка заинтересованный взгляд.

— Он вызывает меня на бой. Если я убью его, никто нас не тронет — следопыт отложил ружье и стал ощупывать перила.

— Он что, разумен? — поразился Слепой, пристально вглядываясь в белый силуэт.

— Да нет, — Ворон выдрал метровый прут из перил, толщиной в палец, и теперь пытался очистить его от ржавчины рукавом своей куртки, — просто у них так принято: когда встречаются две стаи, дерутся вожаки. Кто уцелеет, тот и становится вожаком обоих.

Следопыт передал винтовку Слепому и надел свою испачканную ржавчиной куртку. Железные нашивки глухо звякнули, кода он затянул пояс.

— Вот! — Ворон взял железку в правую руку. — Стреляй, если увидишь, что кто-то сзади заходит.

— Да я всего-то раза три стрелял, и вижу плохо, — растеряно прошептал Слепой, судорожно сжимая обеими руками винтовку.

— Жить захочешь — попадешь, — хладнокровно ответил Ворон, перелезая через железные поручни,— ты без меня все одно помрешь.

Спрыгнув на камни площади, Ворон взмахнул своим железным прутом и не спеша зашагал к костру. Зверь стоял не шевелясь, глаза его следили за небрежной походкой человека. Но едва следопыт шагнул на освещеное пространство, волк сорвался с места, как лопнувшая пружина. Словно мохнатый метеор, он пронесся над землей и ударил в человеческую грудь двумя передними лапами. Оба упали на камни и покатились по ним единым клубком. Обломок перил, что Ворон держал в руке, отлетел в сторону и загремел по камням, высекая желтые искры. Следопыту удалось схватить зверя, и теперь он сжимал шею волка левой рукой, а правой пытался достать нож. Зверь бился в объятьях следопыта, нанося

ему удары задними лапами — как кошка. Его когти лязгали по железным нашивкам, сдирая их с непрочной кожи курки. Наконец Ворон дотянулся до ножа и слабеющими пальцами вытащил его из-за голенища...

Слепой видел, как человек и волк сплелись в рычащий, бешено скачущий по камням клубок. Собаки заливались лаем, наблюдая за схваткой, и хор этих злых голосов пугал подростка. Он сжимал винтовку в своих мигом вспотевших руках и пытался вспомнить то, что показывал ему Седой. Ничего не вспоминалось, лишь билась в голове огненной птицей та фраза, что произнес следопыт, перелезая через перила: жить захочешь — попадешь. Жалобный визг прорвался сквозь хор собачьих голосов и сорвался на хрип. Слепой вздрогнул и очнулся от своих невеселых дум — Ворон стоял пошатываясь над трупом волка. В руке он держал огромный окровавленный нож, с которого капала вязкая кровь. Собаки собрались кружком вокруг него и скалили зубы, тихо рыча — пока никто из них не решался бросить вызов новому вожаку. В этот момент за спиной следопыта мелькнула серая молния. Слепой увидел тень огромной собаки, словно во сне, — серое тело медленно вытягивалось в прыжке, нацеленном прямо в спину следопыту. Винтовка лениво дернулась в руках подростка раз, другой, и время снова восстановило свой обычный бег.

Ворон устало стоял над трупом вожака, боясь пошевелиться — собаки в любую минуту могли кинуться на него. Пока он размышлял, что делать, грянули два выстрела, и собачий труп ткнулся прямо ему под ноги. Подняв голову, следопыт увидел, что собаки медленно пятятся, словно стараются отойти подальше от смерти прилетевшей из темноты. Тогда он шагнул, вперед стараясь не шататься, и, почувствовав, что ноги держат его, следопыт направился к костру. «Главное не упасть» — мелькнуло у него в голове, — «иначе накинутся всей стаей». Ворон медленно подошел к железному кубу внутри которого еще теплился огонь, и медленно поднял сумку — сначала свою, потом Слепого. Затем так же медленно он подошел к лестнице и вскарабкался на площадку, где его ждал испуганный подросток.

Слепой сидел в той же позе, что и пять минут назад, — винтовка лежит на перилах, взгляд устремлен на безжизненное серое тело, пробитое двумя тяжелыми, свинцовыми пулями.

— Ты молодец, Слепой, — сказал Ворон присаживаясь на железный пол площадки. Он осторожно похлопал юношу по плечу, — из тебя выйдет толк.

Слепой повернулся, и бледная улыбка расцвела на его измазанном ржавчиной лице.

— Я даже не целился, — прошептал он, — это так просто!

— Нормально, — отозвался Ворон, рассматривая свою разодранную собаками сумку — вот черти, разодрали бурдюк с водой. Хорошо, что твой цел остался.

— И что дальше? —спросил Слепой, протягивая винтовку следопыту.

— Да ничего, — ответил Ворон, перезаряжая свое оружие, — посидим ночь тут. Под утро они уйдут в холмы выбирать нового вожака и его подругу. Будет много крови. Им будет не до нас.

Щелкнув затвором, он отложил винтовку и принялся снимать куртку, шипя от боли. При этом он умудрился процедить сквозь зубы:

— Поэтому завтра мы должны свалить отсюда как можно подальше. Спи давай.

Слепой прислонился спиной к холодным камням и прикрыл глаза. Ему ясно виделась эта сцена — как пули медленно входят в покрытое серой шерстью живое тело и заставляют его прекратить свой стремительный бег. Слепой сглотнул пересохшим горлом и забылся тревожным сном.

Рассвет они встретили уже в дороге. Утром, едва небо немного просветлело, Ворон разбудил подростка.

— Пошли. Собаки убрались отсюда. Надо сматываться, пока они не вернулись.

И теперь, когда солнце, наконец, взошло, выжженные холмы уже заслонили собой место их неудачного ночлега. Идти было тяжело. Слепой едва переставлял гудящие от усталости ноги, его глаза смыкались сами собой. Спать хотелось неимоверно. А следопыт все шагал впереди, как будто события ночи и не коснулись его.

— Ворон, — позвал Слепой, — давай отдохнем, а?

Следопыт остановился и подождал пока отставший приятель добредет до него.

— К обеду должны дойти до Границы Карт. Там и отдохнем.

— Что за граница такая? — простонал Слепой, присаживаясь и давая отдых натруженным ногам.

— Это такое место, дальше которого на юг никто не ходил, — Ворон опустился на землю рядом с подростком и привычно проверил затвор винтовки. — Правда, говорят, дальше всех на юг ходил Черный. Но все равно, южнее этого места на наших картах ничего нет.

— А чего он карту не составил? И кто это Черный? — спросил Слепой, наслаждаясь неожиданным отдыхом.

— Это было давно. Еще я маленький был — нам Сыщик по вечерам рассказывал байки. И как-то вечером поведал про следопыта, который был черный весь. От рождения. Он-то и шарил в этих местах, потом пришел домой рассказать, что и как. Ну вот, потрепался он и пошел опять на юг — карту составлять. И не вернулся. За ним пошли еще двое, его друзья. И тоже не вернулись. После этого и не стали в эту местность ходить.

— А чего не ходили то? — спросил Слепой. — Тут ведь рядом?

— Да некогда было.Искали на севере заброшенные Дома, такие как наш. С жителями, то есть.

— Нашли?

— Это ни мне, ни тебе знать не положено, — следопыт щелкнул затвором, — но на Юг больше не ходили. На севере дел хватало.

Слепой блаженно растянулся в пыли, почти не слушая слова Ворона.

— Эй! — следопыт резко поднялся и легонько ткнул подростка в бок носком сапога, — вставай давай! Пошли, там на Границе есть кое-что интересное.

— Что там есть-то? — недовольно проворчал Слепой, поднимаясь на ноги.

— Увидишь. Такого ты еще не видал, точно, — следопыт решительно вскинул сумку на плечо и зашагал дальше, опираясь на железный прут, прихваченный с собой из города.

Это удивительное, что обещал Ворон, Слепой заметил издалека. Правда, холмы мешали рассмотреть это получше, но было видно, что это деревья. Когда они подошли ближе, Слепой уже устал восторгаться и теперь молча касался шершавых стволов своими пыльными руками, словно стремясь обнять каждое дерево. Всего пара десятков низких деревьев росли на так называемой границе карт. Высотой они были не больше трех метров, листва их давно приобрела грязно-бурый цвет, но все же это были настоящие деревья.

— Как же так, Ворон, — Слепой обернулся к следопыту, — тут же воды нет!

— Поэтому-то мы сюда и пошли, — откликнулся Ворон. Он сел на корточки, прислонился спиной к дереву и теперь внимательно осматривал винтовку. Слепой ласково поглаживал кору деревьев, не в силах оторваться от такого чуда. Когда они отдохнули и напились воды из оставшегося целым бурдюка, следопыт поднялся.

— Пойдем Слепой, у нас теперь вдвое меньше воды, и значит пройдем мы вдвое меньше. Но надо идти. Может, нам и повезет и мы найдем тот Дом, о котором говорил Черный.

Слепой молча встал и, закинув на плечо сумку, уставился на следопыта.

— Чего смотришь, — спросил Ворон, — пошли!

И он, повернувшись, зашагал снова в холмы. Подросток шел за ним, оглядываясь на деревья, что постепенно скрывались за холмами.

Они шли до самого вечера, но, правда, уже медленнее, чем днем, — сказывалась усталость. К тому же Ворон сказал, что не знает этой земли и старается все запоминать. На очередном привале он велел Слепому зарисовать тот путь, что они проделали. Поэтому, когда стемнело и они остановились на ночлег, Слепой первым делом принялся сшивать три кусочка шкуры, на которых был обозначен пройденный путь. Выполнив свою работу, подросток поднял голову и увидел, что следопыт уже устроился на земле и намеревается заснуть.

— А костер? — растерянно спросил Слепой

— А дрова? — буркнул Ворон, — ты их что, с собой принес?

— Как же ужин?

— Ну, мясо то сушеное осталось? Вот и давай его, зубами.

Слепой вытащил сверток с сушеным мясом из сумки, развернул его и отпилил своим ножом солидный кусок. Когда сверток успешно перекочевал обратно в сумку, слепой подложил ее себе под голову и принялся потихоньку грызть жесткое, как камень, мясо.

— Слепой, — с ехидцей позвал Ворон, — ну чего, теперь не боишься открытого пространства.

Чавканье из темноты стихло.

— Да вроде уже нет, — протянул Слепой, — собаки страх отбили. Главное поспать немного.

— Это хорошо, — следопыт перевернулся на другой бок, — из тебя еще выйдет толк. Только быстро ходить научишься, и порядок. Будешь следопытом.

— Темноты теперь боюсь, — пожаловался Слепой, — так и кажется, что кто-то подкрадывается в темное.

— Ты же нормально видишь ночью! — Изумился Ворон.

— В темноте-то я вижу, только все равно — от природы то я вижу плохо! Вот и сейчас, кажется кто-то крадется к нам, а никого не видно.

— Ну ка, помолчи, — сказал следопыт и прислушался, — ерунда все это. Нет тут никого.

В ту же секунду комья земли полетели вверх прямо из под ног Слепого

— Дерьмо! —взвизгнул подросток. — Я так и знал!!!!

Ворон подхватил железный штырь, что таскал с собой, и ткнул прямо в центр этого земляного фонтана. Слепой откатился подальше и теперь наблюдал за тем, как следопыт тычет своей железкой в землю. Наконец земля прекратила свой бешеный танец, а следопыт осторожно нагнулся к земле и что-то поднял. Это оказался огромный червяк — длиной в два метра и толщиной в руку взрослого мужчины. Он весь был облит какой то слизью и облеплен комьями земли, которая постепенно намокала от слизи и превращалась в грязь.

— Что это? — с отвращением спросил Слепой, не решаясь подойти— тварь продолжала дергаться в руке следопыта.

— Земляной Змей, — спокойно ответил Ворон, — он не очень опасен. Его привлекло тепло наших тел и он подобрался поближе. Он питается мелкими тварями, но с человеком ему не справиться.

— Чего они все ночью-то лезут, — буркнул Слепой возвращаясь к своим вещам, — поспать не дадут.

— В холмах ночная жизнь, — ответил Ворон и, размахнувшись, бросил змея подальше в темноту.

— Днем слишком жарко, вот все твари и выползают ночью, — продолжил Ворон усевшись на землю и вытирая прут от слизи. — А ты что, думал я по жаре тащусь, потому что мне нравиться? Ночью бы мы далеко не ушли.

Следопыт устало опустился на землю, лег на спину и потянулся:

— Погоди, — подросток подсел ближе, — слушай, тебе, правда не интересно, что было в тех бумагах?

— Каких? — следопыт приподнялся на локте, — в тех, что ты вытащил из огня?

— Да, в них.

— Конечно интересно, — Ворон сел, — просто столько всего навалилось, не до них было.

Слепой запустил руку в сумку и вытащил скомканные листы. Расправляя обгоревшие страницы, он спросил:

— Чего ты их в костер кинул? Тебе разве Сыщик не говорил все книжки нести в убежище?

— Говорил, — Ворон кивнул и потянулся к сумке, — я книжку-то и прихватил, а это бумажки как бумажки.

Следопыт извлек из сумки книжку и протянул ее своему спутнику. Это была тонкая книжица в твердом картоном переплете. Обложка истерлась так, что было совершенно не разобрать, что на ней нарисовано. Подросток схватил книгу обеими руками, бросив листы на землю, и жадно впился взглядом в печатные страницы. Ворон взял большой ком рассыпающийся земли и аккуратно придавил брошенные листы так, что бы их не унес ночной ветер.

Подросток вздрогнул и захлопнул книгу.

— Ты что? — Спросил следопыт

— Это ерунда, — сказал тихо подросток рассматривая обложку.

— Почему?

— Это фантастика — человек придумал то, чего нет, чтобы позабавить других. Минимум информации. Все придуманное.

— Чего ж ты вздрогнул так? — следопыт забрал книгу из тонких рук подростка и принялся переворачивать пожелтевшие страницы.

— Это книга о людях, выживших после ядерной войны, — Слепой поднял голову и из его глаз глянула боль, — человек придумал книгу о мире, прошедшем ядерную войну, чтобы позабавить кучку идиотов.

Следопыт медленно закрыл книгу и положил ее на землю рядом с собой. Обычная бумага, приносящая с собою боль.

— Ладно! — резко сказал Ворон, подхватил книжку и спрятал в сумку— что в бумагах-то?

Подросток вскинул голову, словно очнувшись от сна — и нащупал скомканные листы. Стряхнул с них землю и разгладил на коленке.

— Это обрывки дневника, написанного в первые дни войны. Очень интересно. Седой за них правую руку отдал бы. Я тебе сейчас почитаю.

— Так темно же!

— Что? — подросток глянул в темное небо, — да нормально, мне все видно! Слушай:

«Прошло три дня с начала войны, а на нас уже сыплются бомбы. Президент полный идиот — он отдал приказ об атаке, уверяя, что противник до нас не достанет. По радио сказали, что на столицу сбросили бомбу с микро-

бами и весь город вымер от неизвестной болезни. Очень надеюсь, что Президента зацепило этой гадостью.

Вторник

Шел огненный дождь. Он шел второй день. Всего через три дня после начала войны на нас посыпались бомбы. Вчера Линда сказала, что отправит детей к тете в город и останется со мной, но я ей запретил. Шенноны вчера ушли всей семьей в убежище, что в холмах на севере, и я попытаюсь убедить Линду отправиться вслед за ними.

Сам я пока останусь здесь, не на кого оставить заправку. Люди спасаются бегством, и мои запасы топлива подходят к концу. Думаю, что остатки я буду раздавать просто так. Вряд ли мне пригодятся деньги...

Среда

Линда с детьми ушла, а я сижу в кассе и пишу дневник. Я никогда не писал дневник. Это трудно. Но хочется поговорить, а говорить не с кем. Опять идет огненный дождь. Говорят, на юг скинули водородную бомбу. А у нас дождь. Не знаю, что это за бомба такая — вода горит на лету и, падая на землю, выжигает все вокруг. Все, что могло сгореть, — сгорело. Остатки топлива я слил в ров около сгоревшего мотеля и ров полыхает до сих пор. Говорят, на столицу скинули еще одну биологическую бомбу — это я услышал по радио. И это было последнее сообщение. Потом радио заткнулось и я не могу поймать ни одной волны. Остались в городке только Старик Фред да я. Фреду некуда идти, а я жду, когда кончится дождь. Он иногда кончается — такой красивый и смертоносный дождь».

— А дальше я еще не прочитал, — смущенно сказал Слепой и аккуратно сложил бумаги. Следопыт смотрел прямо перед собой и молчал. Кусочек чужой жизни потряс его. Это совершенно чужая жизнь, которая подошла к концу. Словно он заглянул в одно из старых окон, и тени прежних дней ожили передним. В ночной тишине ему слышались чужие голоса и шорох одежд. Следопыт застыл в молчанье, пытаясь понять, как это — жить в другом мире, мире войны и боли. Минуты тянулись одна за другой, вязкие как болото.

— Да, — наконец покачал головой Ворон, — огненный дождь. Вот как, оказывается, это выглядит. Ладно, завтра надо снова идти, ты давай бросай чтение и спи! А то завтра будешь опять ныть.

Слепой не ответил. Ворон схватил винтовку и обернулся — Слепой мирно посапывал на голой земле. В маленьком кулачке он сжимал обгоревшие листки, которые были бесценны. Следопыт тихо поднялся, вытащил бумаги из руки спящего подростка и осторожно сложив их, положил в сумку. Затем он снял курку и накрыл ее Слепого.

— Ну, он явно не безнадежен, — прошептал следопыт.

Он переложил патроны для винтовки из сумки в свой карман и снова лег, прижимая винтовку к замерзшему боку.

Утро встретило их ярким солнечным светом — тучи исчезли, и теперь палящие лучи солнца беспрепятственно падали прямо на выжженную землю. Едва заметное марево, дрожащее в ярких лучах, пряталось между холмами. Теперь путешественники шли молча, берегли влагу, что теряется при разговоре.

Первым не выдержал Слепой

— Ворон, ты под ноги-то смотришь?

— А что? — буркнул тот, наклонив голову.

Слепой ковырнул носком сапога ломкую корку спекшейся земли и из-под нее показался желтый булыжник.

— И что? — спросил Ворон нагибаясь и рассматривая камень, — вроде крашенный кирпич.

— Ты цвет оцени! — Желтый! Помнишь сказку такую, там про дорогу из желтого кирпича было?

— Шутники, мать их, — следопыт выпрямился, — сказок начитались.

— Ворон, куда мы идем? — Слепой ухватил спутника за рукав.

— За водой! — следопыт внимательно оглядел окрестности. — Ты бы пригнулся, Слепой.

— Ну и где вода? Наша уже скоро кончится, а ты все тянешь меня куда-то!

— Тихо! — сказал Ворон.

— Я дальше не пойду, пока ты не скажешь, куда мы идем! — крикнул подросток. — Ты меня точно куда-то ведешь! Почему не говоришь, куда? Мы ведь вдвоем идем или как? Я...

Следопыт ногой ударил Слепого в бедро и подросток упал на землю, перекатившись на бок. Отплевываясь от земли, Слепой краем глаза успел заметить огромную тень, пронесшуюся над ним. Выстрел гулко бухнул над головой подростка, затем раздались проклятия Ворона. Слепой поднялся на колени, судорожно пытаясь вырвать из-за пояса свой самодельный нож, — в клубах пыли он увидел, что Ворон катается по земле в обнимку с огромной обезьяной. Ростом она была чуть меньше, чем следопыт, но гораздо шире в плечах. Слепой вскочил на ноги и, зажав нож лезвием к себе, шагнул к дерущимся, намереваясь выбрать удобный миг для удара. В этот момент Ворон откатился в сторону, а обезьяна осталась лежать на месте, вздрагивая в предсмертных судорогах.

— Ворон! — Слепой бросился к другу, — ты цел?

— Цел вроде! — следопыт поднялся, морщась от боли. Правый рукав его курки был оторван и валялся на земле, а на руке виднелись две огромные царапины, из которых сочилась кровь.

— Укусил меня стервец, — простонал Следопыт и уселся на землю, придерживая левой рукой правую. Слепой подбежал к следопыту, присел рядом и

сорвал с головы кусок материи, что служила ему головным убором. Эту тряпку он приложил к ранам следопыта на руке и промакнул сочащуюся кровь.

Следопыт сморщился от боли и выхватив из рук подростка материю, прижал к окровавленной руке.

— Ворон, у тебя и щека разворочена. Правая! — Слепой стал рыться в сумке.

— Да? — хмыкнул Ворон, — не чувствую!

Вытащив из сумки чистый кусок тонкой кожи, Слепой аккуратно промокнул щеку следопыта. Тот скривился от боли, но промолчал.

— Нормально, — сказал подросток, — пара царапин на щеке и все! Правда это похоже на зубы.

— Я же говорю, укусил, сволочь такая!

Следопыт поднялся на ноги, подобрал оторванный рукав и сунул за пояс. Слепой тем временем подошел поближе к обезьяне и рассматривал ее. Это была человекообразная обезьяна, напомнившая Слепому гориллу, которую он видел в книжке. Правда, шерсть у этой твари была темно-бурая, вся свалявшаяся и в пыли. Только глаза были человеческие — темно-коричневые, почти черные, они были словно стеклянные — смотрели вверх, и казалось, что в них отражается небо.

— Что это, — спросил он, когда Ворон подошел к нему.

— Черт его знает! — ответил следопыт, — когда она прыгнула, я выстрелил. Потом эта тварь выбила у меня ружье. Но я в нее попал, и оставалось только ждать, когда она сдохнет. Черт! Винтовка!!!

Следопыт бросился на колени и стал ползать вокруг места схватки, рыхля руками развороченную землю. Наконец он издал радостный крик и вскочил на ноги, держа винтовку в руке.

— Сыщик мне голову оторвет! — огорченно проговорил Ворон заглядывая в ствол. — Надеюсь, она в порядке.

Обезьяна дернулась в судорогах, и Слепой, наклонившийся над ней, с воплем отскочил. Ворон мгновенно вскинул винтовку к плечу и выстрелом разнес обезьяню голову в кровавые ошметки.

— В порядке! — проговорил следопыт, ласково поглаживая винтовку. — Слепой, давай-ка убираться отсюда, а то набежит еще таких тварей.

Подростка не надо было долго уговаривать. Быстро собрав раскиданные вещи, они снова тронулись в путь. Едва они отошли от места схватки, как Слепой спросил

— Все-таки, куда мы идем-то?

— Ну ладно, — сказал Ворон, — я тебе еще тогда хотел рассказать, да не успел. Значит, так!

Следопыт остановился и махнул рукой в холмы.

— Вон видишь, птицы летают над холмами?

— Где? — Слепой обернулся.

— Ах да, прости, ты, наверно, не видишь. В общем, птицы там летают. Кружат, точнее. Это скорее всего город, про который говорил Черный. А мы идем правее. Там должен быть Дом. Как наш, только без жителей. Именно к нему и ушел Черный.

— А почему я не знаю? — удивился Слепой

— Не положено! — отозвался Ворон, — эта информация только у следопытов.

— Что, и Седой не в курсе?

— Ну, — протянул Ворон, — не знаю. Мне Сыщик сказал перед самым выходом. Ладно, пошли. Здесь вроде уже недалеко.

— А в город не пойдем? Вдруг там вода есть!

— А вдруг там толпа таких же тварей! — Ворон резко развернулся, — пошли говорю.

Ночь опустилась на холмы, как черное покрывало. Казалось, с наступлением ночи все затихает в выжженных холмах, но это было не так. Мелкие твари шуршали по земле, привлеченные теплом и светом костра. Те, что покрупнее, обходили этот свет стороной. Огонь — враг.

— Как удачно здесь это деревце валялось! — Слепой сел рядом с костром наслаждаясь теплом. Он держал в руках страницы дневника, пытаясь разобрать строки, написанные торопливой рукой.

— Н-да? — Ворон помешивал угли железным прутом, — так просто здесь ничего не валяется.

— Может, бурей принесло?

— Вряд ли. Не маленькое деревце-то. Жалко, ветер все следы пылью занес.

— А откуда же оно тут взялось? — подросток разгладил ладонью листы бумаги.

—Мне вот кажется, что здесь есть люди. Такие же, как мы. Они-то и тащили за собой бревно.

— Ага, — Слепой приподнялся на локте, — тащили, тащили, а потом бросили. Мы бы их тогда встретили давно. А может, это обезьяны?

— Нет. Тогда бы эта тварь на меня не кинулась, а позвала бы еще штук пять таких же.

Слепой сунул бумаги в сумку и откинулся на спину. Ему никак не удавалось разобрать целых три листа. Наверно Том торопился, дописывая последние страницы. Его почерк стал неразборчивым и буквы сливались в одну большую закорючку. Это раздражало — Слепому безумно хотелось знать, что там в дневнике, но он не мог ничего поделать. Может, Седой сможет разораться. Ворон подтянул к себе поближе винтовку и тоже лег. Сон не шел. Тихо потрескивали угли в догорающем костре, небо было ясное и были четко видны жемчужные точки звезд. Тихие шорохи из темноты не беспокоили путников. Они уже привыкли к ним за время путешествия.

— Ворон! Вода-то кончается. Завтра, наверно, последние глотки допьем, — тихо сказал Слепой.

— И что? — следопыт подтянул свою сумку себе под голову.

— Как же без воды-то?

— Научу тебя кровь пить у мелких тварей.

— Ты что, серьезно? Фу, — Слепой даже дернулся от отвращения.

— Все равно придется. Если воды не найдем.

— Слушай, Ворон, а мы долго идти будем?

Следопыт повернулся к подростку:

— Вообще-то мы должны были наткнуться на убежище. Давай еще покружим по округе. Не найдем за два дня — повернем назад. Дома запасемся водой и опять сюда. Дорогу теперь знаем

— О! Дорога! — спохватился Слепой.

Он резким движением выдернул из-под головы сумку и принялся рыться в ней

— Чего, дорога? — спросил следопыт, наблюдая за другом.

— Зарисовать забыл, черт! — отозвался с раздражением Слепой копаясь в сумке. Наконец он достал обрывок кожи, уголек и усевшись на корточки стал что-то выводить на импровизированной карте.

— Вот еще беда, — расстроено сказал подросток, — это последний чистый кусок, завтра не на чем будет рисовать.

— Ну ладно! — следопыт отвернулся, — я спать буду. Если, что, буди.

Слепой только хмыкнул в ответ, продолжая увлеченно чертить.

Следующий день прошел спокойно. Друзья тащились по пыльным холмам под палящим солнцем и молчали. Идти было тяжело, и обстановка не располагала к разговорам. Только когда солнце спряталось в холмах, стало немного легче. Жара спала, и они устроились на ночлег. Хотелось пить — вода кончилась в обед, вдобавок не было дров для костра. Куски дерева с прошлой стоянки они решили не тащить с собой — и так тяжело идти. Измотанные тяжелой дорогой, они мгновенно уснули, успев только сжевать по куску сушеного мяса.

Когда солнечные лучи нового дня разбудили Слепого, то он увидел что, следопыт сидит на земле к нему спиной и внимательно рассматривает раненую руку.

— Чего там? — Слепой встал и подошел ближе, — хуже стало?

Следопыт медленно встал и закинул винтовку на плечо. Затем он повернулся к подростку и дрогнувшим голосом произнес:

— Мы должны поскорее найти воду.

Слепой отшатнулся от него. Все правая щека следопыта заросла грубой бурой шестью. Такой же шерстью была покрыта и правая рука. К тому же на пальцах заметно удлинились ногти.

— Что с тобой, — подросток отступил еще на шаг.

— Не знаю. Наверно это проклятая обезьяна. Черт знает, что это такое, но только не обезьяна. Это, наверно, мутант. Знаешь, что такое мутант?

— И ты тоже? — Слепой запнулся, не решаясь произнести страшное слово.

— Мутант, ты хочешь сказать? Не знаю, вроде так быстро мутанты не получаются, если верить Сыщику. Хватит об этом. Немедленно идем дальше. Если до вечера не найдем убежище — поворачиваем. Надо предупредить наших ребят насчет этой чертовой обезьяны. Это не менее важно, чем вода.

Следопыт резко отвернулся от подростка и быстрым шагом устремился в холмы, словно стремясь убежать от страшной правды. Слепой подобрал свою сумку и зашагал вслед, не стараясь, правда, догнать товарища.

Следопыт не останавливаясь шел уже несколько часов. Слепой после первого часа пути решил догнать его, но потом махнул на все рукой и теперь плелся шагах в двадцати позади. Когда наступил полдень и тени почти пропали, Слепой решил, что пора и отдохнуть и крикнул:

— Ворон! Погоди, давай отдохнем!

Следопыт услышал сразу. Он сел на землю все так же не оборачиваясь и стал ждать, пока Слепой доплетется до него.

— Ворон, — прохрипел Слепой, падая на колени за спиной следопыта, — а ты не заметил, что дорога-то из желтого кирпича кончилась?

— Где? — Следопыт обернулся. Шерсть на его щеке стала еще гуще, но Слепой решил не замечать этих зловещих изменений.

— Да вот, я тебе и крикнул, когда она кончилась, чтоб ты подождал.

— Пошли! — Следопыт вскочил на ноги и как ни в чем не бывало, пошел по своим следам назад.

— Ты что, железный? — жалобно крикнул Слепой ему вслед, поднимаясь с колен.

Следопыт внимательно смотрел под ноги, разгребая изредка носком сапога землю. Он помогал себе железным прутом, прихваченным еще из заброшенного городка. Найдя то место, где желтая дорога, засыпанная землей обрывалась, следопыт опустился на колени и принялся ожесточенно взрыхлять землю руками.

— Кончилась, — презрительно фыркнул он через минуту, — просто резко повернула!

Слепой подобрал железный прут, брошенный следопытом и теперь стоял рядом, опираясь на него, как на костыль.

— Лучше скажи, как воду будем добывать?

Следопыт поднялся.

— Пошли!

— Куда! — застонал Слепой, — а как же вода?

Следопыт отобрал у него прут и спокойно пошел дальше, изредка тыкая прутом в землю. Подросток тащился следом, осыпая проклятьями жару и следопыта. Минут через пять следопыт остановился у подножья холма, который был значительно больше остальных. Высотой он был метров десять и давал приличную тень, в которой и стояли путешественники.

— Здесь! — спокойно сказал Ворон и бросил прут Слепому, — рой!

— Чего! — изумленно протянул подросток.

— Копай, говорю, — ответил следопыт, доставая из сапога свой нож. Он присел на корточки и стал неторопливо ворошить рассыпчатые комья сухой земли. Нехотя Слепой поднял штырь и ударил в склон. Не прошло и пяти минут как Слепой выругался и бросил железяку.

— Так мы ни фига не найдем! — крикнул он и сел прямо на землю.

— Найдем, — сквозь зубы прошипел Ворон, продолжая расширять яму, — найдем!!!

Его нож уперся во что-то твердое. Ворон сунул его за голенище и принялся раскидывать осыпающуюся землю руками

— Помогай, Слепой! Кажется, я что-то нашел!

Совместными усилиями они очистили от земли здоровенный проклепанный кусок металлической плиты

— Это запасной вход, — Ворон вытер пот со лба грязной рукой, — все как и говорил Черный. Правда, засыпало маленько.

— Откуда ты знаешь, что это заброшенное убежище, и что внутри него есть Дом? Может, он давно развалился от старости и его засыпало. Или внутри живут.

— Нет! — Ворон сел на колени, — здесь только одно такое место. А после Черного не мог он развалиться — рано. И не живут там. А то бы нас давно прихлопнули. Вокруг нашего убежища, например, не погуляешь.

Ворон отложил нож и принялся выгребать раскрошенную землю руками, стараясь открыть как можно больше поверхности плиты.

Слепой лег на спину и закрыл глаза. Было жарко, хотелось пить, и пыль покрывала сухой коркой все его тело. И очень хотелось домой.

— Ты чего разлегся? — Ворон продолжал разгребать руками землю.

— А что?

— Давай карту рисуй. И напиши точно, сколько шли, куда шли. Обязательно про обезьяну напиши.

Слепой приподнялся и принялся лениво ковыряться в сумке. Затем он выругался — запас бумаги и чистой кожи кончился. Половину запаса Слепой потратил на то, что бы остановить кровь из ран Ворона, а оставшиеся листы и клочки были исписаны с обеих сторон.

— Давай, давай! — прикрикнул на него Ворон — пиши на чем есть! Это самая важная надпись в твоей жизни!

Слепой вздохнул и вытащил из сумки дневник Тома. Подросток знал — если сейчас угольком нацарапать на бумаге текст, то потом его можно будет легко стереть. Слепой выбрал первый лист дневника — он прочитал, что на нем было написано, вроде ничего особо важного там не было. Можно и почирикать угольком. А вот на тех листах, что он не смог прочесть писать, не стоило — вдруг там что-то ценное.

Подросток расстелил лист дневника на колене и принялся чиркать по нему крошащимся углем. Постепенно это занятие его увлекло, и он высунув кончик языка, принялся в красках описывать бой Громилы с чудовищем. Когда он дошел до места, где Ворон начал обрастать волосами, то остановился в нерешительности и внезапно понял, что не слышит шороха земли. Обернувшись, он увидел, что Следопыт стоит на коленях и внимательно разглядывает свои руки. Невольно подросток бросил взгляд на измазанные землей руки следопыта и вздрогнул. Правая рука полностью заросла бурыми волосами. Ногти уже заметно удлинились и стали загибаться. Ворон взглянул на лицо подростка и рывком поднялся на ноги.

— Знаешь, Слепой, — сказа он дрогнувшим голосом, — а ведь у Черного, если верить Сыщику, были темно-карие глаза. Почти черные.

Слепой медленно спрятал в сумку кусок кожи и тоже встал. Он понял, на что намекал Ворон: такое зрелище как глаза чудовища не забываются. Они стояли, рассматривая друг друга и молчали. Ветер поднимал клубы пыли и, они завивались вокруг сапог путешественников маленькими вихрями. Первым не выдержал Ворон.

Он рывком скинул с плеча винтовку и щелкнул затвором словно проверяя готовность. Слепой попятился.

— Написал? — резко спросил следопыт. Слепой кивнул.

Тогда Ворон бросил ему винтовку. Подросток неловко попытался подхватить ее одной рукой но не удержал и выронил. Не отводя глаз от следопыта, Слепой нагнулся и медленно подобрал оружие. Ворон тем временем скинул свою изорванную куртку на землю и поверх нее бросил свой мешок.

— Вот, — сказал он, — забирай!

— А ты? — спросил Слепой не двигаясь.

— Я пойду вперед. Дальше на юг. Не знаю, на сколько меня хватит, но ты немедленно забираешь это барахло и отправляешься обратно. Иди быстро насколько сможешь. Дома все расскажешь.

Слепой подошел ближе и, подобрав курку и мешок следопыта, застыл. Ему казалось, что это все сон, все происходило так быстро, что он не мог поверить в реальность событий. Еще казалось, что следопыт просто испытывает его. Но дрожащий голос Ворона и его тон заставили подростка поверить, что все это происходит на самом деле.

— Так надо? — тупо спросил Слепой.

— Надо! — согласился следопыт, — помнишь деревья? Там у третьего слева зарыта фляжка с водой. Фляжка пластмассовая, запечатанная из брошенного дома. Это неприкосновенный запас следопытов. Таких мест немного, все они на границах разведанной земли. Доберешься до нее — вот тебе и вода. Тогда дойдешь до дома. И поговоришь с Сыщиком или Седым, больше не с кем. Все. Иди.

Слепой медленно повернулся и побрел обратно по своим следам, которые ветер уже почти занес пылью.

— Слепой!

Подросток обернулся. Ворон медленно вынул из сапога нож и бросил его под ноги подростку

— Если вы найдете меня здесь, ну когда я, — Ворон запнулся, — в общем, если я не буду понимать человеческую речь, пусть Сыщик пристрелит меня. Как я пристрелил эту тварь. Но прошу, сразу не стреляйте, только если я...

Ворон резко махнул рукой и бросился бежать. Слепой ошеломленно смотрел ему в спину, пытаясь очнуться от этого сна. Когда следопыт скрылся за холмом, подросток перевел взгляд на нож, лежащий у его ног. Лезвие наполовину ушло в землю, а оставшийся кусок сверкал на солнце, как кусок зеркала. Черная гаутаксовая ручка уже побурела от пыли, нанесенной ветром, но все равно была так красива, что захватывало дух. Слепой наклонился, подхватил нож левой рукой. Затем он забросил за спину, где уже болтались два мешка, винтовку и переложил нож в правую руку. Плотно обхватив удобную рукоять, он повернулся и зашагал по своим следам обратно в холмы.

Третий день Слепой шел по холмам, надеясь на то, что идет он правильно. Сначала он держался желтой дороги, постоянно проверяя, не свернул ли с нее, потом стал узнавать места. Но все-таки раньше его вел следопыт. На него можно было положиться во всем, что касалось дороги. Теперь же полагаться не на кого. Только на себя.

В первый же день пути он решил: пора добыть немного влаги. Дождавшись вечера, Слепой застыл как камень с ружьем в руках. Ему повезло — через полчаса довольно большая холмовая крыса пробежала рядом. Слепой выстрелил в нее и попал. Удивляясь своей удаче, подросток подошел к крысе вспоминая о том что следопыт говорил насчет крови. Нагнувшись над добычей, Слепой понял, что погорячился. Тело крысы было буквально разорвано в клочья винтовочной пулей. Вся кровь, что была в этом маленьком тельце, ушла в сухую землю. Слепой выбрал самый большой кусок и принялся его сосать, стараясь не обращать внимания на запах. Хоть что-то. Следующая крыса ушла — на этот раз удача изменила Слепому и он промахнулся. Поджидая очередную жертву он заснул. Утро было кошмарным. Кровь подсохла и образовала жесткую и сухую корку во рту и горле. Кое-как откашлявшись сухим горлом, Слепой пошел дальше. Жажда просто-таки душила его, но теперь он решил терпеть до деревьев, где по словам Ворона, была спрятана фляжка. И вот сейчас он напряженно всматривался в холмы, надеясь увидеть знакомый силуэт рощицы. По всем расчетам, она была где-то рядом. Если, конечно, эти расчеты верны.

Слепой остановился, поправил винтовку и снова двинулся в путь. Сейчас он шел медленно, часто останавливался, чтобы передохнуть. Жажда обжигала горло огнем и сильно болели натертые ноги. Но он шел — просто механически двигался, наклонив голову, под палящими лучами солнца. Двигался потому что,

рядом была влага — где-то под деревом спрятана заветная фляжка, специально законсервированная, военная, из старого мира. Фляжка, полная прохладной воды.

Слепой остановился и поднял голову, осматриваясь. Очки из темного стекла он потерял день назад. Теперь приходилось щуриться на солнце. Слепой сощурился, пытаясь разобрать что-нибудь в ярком свете солнца, и замер. На ближайшем холме, метрах в двадцати от него стояли три человека. «Следопыты» — мелькнуло в голове у Слепого. И сразу за этим: — «вода». Подросток бросился бегом к этим расплывчатым фигурам — черпая земляную крошку сапогами, спотыкаясь на каждом шагу, — к людям. Вернее, ему казалось, что он бежит, — на самом деле он едва передвигался, натужно хрипя высохшей глоткой. Но его разум был устремлен вперед — туда где ждала его влага, прохладная и мокрая. Но не успел он пройти и половину пути, как одурманенный жарой мозг наконец оценил ситуацию. Это не были следопыты. Три человека были одеты во все черное, с головы до пят. Такой одежды никогда не было в родном Доме. Чужие. Вот это кто. Фонтанчик земли взметнувшийся у ног Слепого подтвердил его догадку. Они стреляли. Стреляли по человеку. Следопыты никогда не стреляют по людям. Слепой упал на землю и попытался стянуть с плеча винтовку. Ему это удалось со второго раза. «Жалко я не следопыт» — подумал Слепой и выстрелил. Не целясь пальнул в ту сторону, откуда раздался выстрел. Ткнулся лицом в холодный металл. Большего он сделать не мог и поэтому замер, сжавшись в комок на горячей земле. Выстрелы стали раздаваться чаще, и вдруг дикий крик взметнулся к безоблачному небу. Слепой вскочил на ноги, судорожно сжимая оружие, и огляделся. В десятке метров от себя он увидел страшную картину: на земле валялись остатки, людей разорванных в клочья. Сколько их было, уже не разобрать. Слепой подался назад и в этот момент, что-то огненно жгучее впилось в его правую руку. Подросток с криком выронил винтовку и упал на колени зажимая левой рукой рану. Дикий рев, раздавшийся сквозь звуки выстрелов вырвал его из оцепенения боли. Слепой поднял голову — прямо на него мчалась огромная мохнатая обезьяна. Словно прошлое вернулось на секунду. Слепой закричал и, не поднимаясь с колен, принялся шарить по земле руками, ища винтовку. Он судорожно царапал пальцами сухую землю забыв про рану и про боль, только не мог оторвать взгляд от глаз чудовища — они были карими. Слепой так и смотрел на него, пока мохнатая туша не навалилась на него, закрыв собой солнечный свет.

Тварь медленно огляделась. Никого. Нет угрозы. Все, кто хотел причинить ей вред, мертвы. Медленно втягивая воздух широкими ноздрями, обезьяна прошлась по полю боя. Мертвы. Как камни. Запах свежей крови слега пьянил, раздражая и успокаивая одновременно. Тварь наклонилась над последним противником — маленькое тельце, разорванное ее могучими лапами. Запах этого тела был знаком. Кажется, это тельце уже встречалось. Тварь села рядом с трупом. Очень болела голова, казалось прямо расколется. Огромная лапа медленно впилась в землю и, оставляя рваные следы в хрупкой корке, выхватила горсть

земли. Медленно, просыпая крошки, лапа нависла над трупом и высыпала землю на остывающее тело. «Зачем я это делаю» — мелькнуло в огромной голове.

«Я?»

Тварь завыла, обхватив мохнатую голову огромными лапами...

Сегодня все не ладилось. Все валилось из рук. Седой осторожно присел на старый кожаный диван в углу маленькой закопченной комнаты. Старая зеленая куртка с протертыми локтями уже не грела — 50 лет, какое тут тепло! Да и ночь на дворе. Старик поправил пояс, на котором висела кобура с большим многозарядным пистолетом — рукоятка неудобно давила в бок. Все начинало раздражать. Старость, — подумал Седой.

Нет вестей от поисковых групп. Уже две недели. С севером все понятно. Туда ушел Сыщик — устанавливать контакты с другим Убежищем. А с востока и с запада вестей нет. И с юга. Зря он отпустил Слепого на юг. Надо было послать двух следопытов, и дело с концом. Правда, развалины... Там могли быть книги. Книги, полные знания, что так необходимы возрождающемуся из праха войны миру. Потому и послал — одернул себя Седой. Следопыты справочник по физике пустили бы на растопку костра.

В коридоре нарастал шум голосов. Седой резко встал и скользящим шагом направился к двери, прислушиваясь на ходу к шуму в коридоре. Дверь распахнулась и в комнату ввалился молодой следопыт, приставленный утром к внешней охране.

— Седой!!! Там чудище!!! На запасном выходе! Охрана тебя кличет, не знают, что делать.

Седой оттолкнул следопыта и стрелой помчался по коридору. Следом бухали сапоги молодого следопыта, мчавшегося вдогонку за координатором. «Могу еще», — мелькнуло в голове, когда он несся по черному изломанному туннелю, расталкивая тех, кто не смог вовремя убраться с его пути. Впереди блеснул лунный свет. Седой рванулся к нему, не обращая внимания на боль, полыхнувшую огнем в колене. У самого выхода он притормозил и выхватил пистолет. Седой шагнул на свет — охрана стояла около входа — три воина и следопыт. Старший — следопыт Гриф, шагнул к Седому.

— Вышел из холмов, — сказал Гриф, — появился прямо как из-под земли. Вот нервы-то у ребят и не выдержали.

— Какие, к чертям, нервы? — рявкнул Седой осматриваясь, — где оно?

— Да вон, — Гриф ткнул рукой в полумрак, — еще живо. Держим на прицеле.

Седой осторожно шагнул в указанном направлении. Чудовище лежало в десяти метрах от входа, двухметровый клок шерсти. Руки, ноги. Человекообразная обезьяна — подумалось Седому. Откуда она здесь. Слепой наклонился над чудовищем держа пистолет в руке. Следов от пуль не было видно из за густой шерсти, но под телом расползлась уже лужа крови, кажущаяся в

тусклом свете луны черной. Тварь еще дышала — ее грудь рывками вздрагивала от прерывистого дыхания. Седой нагнулся ниже — в этот момент глаза чудовища открылись и координатора ожег взгляд умных человеческих глаз.

Хрипло застонав, чудовище шевельнуло левой лапой. За спиной Седого вскрикнули и защелкали затворами. Но старик, не отводя взгляда от глаз чудовища, приставил свой пистолет прямо к мохнатому звериному лбу и взвел курок. В чужых глазах зверя вспыхнула искра разумам. Зверь медленно вытащил из под себя лапу и осторожно протянул ее к Седому. В лапе был зажат походный мешок, кажущийся маленьким по сравнению с мохнатой ладонью. Седой свободной рукой подхватил мешок и, опустив его на землю, принялся рыться в нем одной рукой, не убирая оружие от головы монстра. Пальцы координатора наткнулись на комок мелких кусочков кожи и бумаги. Догадавшись, что это записи, Седой рывком отстранился от чудища и, не поворачиваясь к нему спиной, медленно двинулся обратно к охране. Отступив за спины вооруженных людей Седой крикнул:

— Не стрелять! — и спрятав пистолет, запустил руку в мешок. Достав куски кожи исцарапанные углем, Седой вздрогнул. Ему был знаком этот почерк. Углубившись в чтение, он и не заметил, как вокруг медленно образовалась толпа. Люди, прослышав про убитую тварь, выходили на свет, что бы взглянуть на диковинку. Но охрана никого не подпускала к монстру — он еще дышал.

Седой за пять минут проглотил все те крохи информации, что содержались на кусках кожи. Он встал, медленно вытянул пистолет из кобуры и зажав в левой руке клочья кожи зашагал к чудовищу. Оно еще дышало. Седой наклонился над ним и тихо позвал.

— Ворон!

Тварь дернулась, как от удара и открыла глаза. Эти карие озера молили Седого. Просили его о чем-то, не доступном своему хозяину. Волосатая лапа дрогнула и, коснувшись пистолета в руке Седого, бессильно опала.

— Ворон, — с горечью прошептал Седой. Он снова приставил пистолет к голове обезьяны и, закрыв глаза, нажал на курок.

Когда стихло эхо выстрела, что прокатилось по холмам в вечерней тишине, Седой выпрямился и повернулся к толпе, что ощетинилась оружием после выстрела. Седой рывком вскинул руку, в которой были зажаты клочки кожи и закричал, стараясь перекричать боль, рвавшую его сердце в клочки:

— У нас будет вода!

Ветер продолжал поднимать бесконечные облачка пыли вокруг его ног, превращая фигуру человека в каменный постамент. Старик глянул на тот комок бумаги, что он сжимал в руке, и в глаза ему бросилась одна фраза, написанная обычным жителем городка, еще до рождения нынешнего мира.

— Шел огненный дождь...

Стрелки

Что скучно читать в книгах, великолепно наяву. Оттого и клинит каждого второго автора на описаниях природы. А ведь он не природу, дурачок безъязыкий, нахваливает — красоту. Объем, запахи и цвет самонадеянно уминает в плоскость листа. Вот и получается бледно, нудно, непохоже. И все же для сухой констатации факта следовало подтвердить: весна вступила в решающую фазу, намолчавшиеся за зиму птицы уже не просто свиристели, они горланили во всю ивановскую, глуша ветер, перекрывая шелест листвы и звон мошкары. Петр любил весну и плохо переносил пернатых. Можно сказать, едва терпел. Однако терпеть приходилось в силу служебной необходимости. С луком через плечо, с кожаным колчаном возле пояса, он аккуратно перебирался с ветки на ветку, спускаясь ниже и ниже. Себе самому он напоминал насекомое, копошащееся в густой растительности чужой бороды. Заросшее лицо Земли, ее шкура и мех давали кров миллионам затейливых тварей. Впрочем, надолго ли? В последнее время гамоны все более постигали искусство земных парикмахеров, выбривая тут и там целые пустыни. Такая у них была тяга. Петр любил леса, гамоны любили пустыни.

Он одолел еще десяток саженей, и внизу показалась земля. Жилы разбегающихся корней, клочковатая, напоминающая ворс давно не чищенного коврика трава. Неподалеку от дерева Петр тут же приметил двух гамонов — кудлатого мощного самца и самку. Чутье не подвело охотника, он вышел точь-в-точь к нужному месту. Стараясь двигаться бесшумно, Петр спустился еще ниже, осторожно стянул с плеча лук. Можно было уже приступать к задуманному, но в это самое мгновение он разглядел качнувшуюся среди листвы кучерявую макушку коллеги. Увы, Петр был здесь не один. Еще один стрелок, обхватив ногами толстенную ветку, целился из базуки в парочку. Серебристый поясок, кокетливая сумка через плечо — уже по одним этим атрибутам Петр сообразил, в кого именно тот целится. Нижняя губа охотника оттопырилась. «Серебристых» амо не любили — и не люби-

ли вполне справедливо. Петр знал эту шатию достаточно хорошо и особого уважения к ним не испытывал. В сущности, эти ловкачи знать не знали, что такое настоящая охота, хотя и осмеливались называть себя полноценными стрелками. Вот и от этого «серебристого» пахло чем-то неестественным — некой смесью цветочной пыльцы и жареного миндаля. Петру стоило большого труда взять себя в руки.

— Доброй охоты! — буркнул он.

К нему обратилось пухлое личико.

— Я их первый заметил, — сварливо заявил юнец, и Петр мысленно выругался. Стыдно стало за собственную вежливость, будто и впрямь сказал что-то неприличное.

— Вот и действуй, коли первый. Стреляй и проваливай.

Фыркнув, юнец снова стал целиться.

— Не промажь, — съязвил Петр, искренне желая сопляку неудачи. Юнец выстрелил. И не промазал. Рука у стервеца оказалась твердой. Самка гамона вздрогнула, повалилась набок. В глазах ее мелькнула характерная влага.

— Пока! — теперь уже «серебристый» глядел на Петра насмешливым взором. Ясный лоб, кудельки справа и слева, чуть загибающиеся на концах ресницы — какой там, к черту, охотник! Сопляк и баловень судьбы!

Петр неприязненно отвернулся. Дождавшись, когда пухлощекий обладатель серебристого пояска скроется из виду, опустил на глаза широкодиапазонный бинокуляр. Самец — это вам не самка! Тут надо бить без промаха!

Высокие частоты, как и ожидалось, ничего не дали, поэтому пришлось пройтись по всем шкалам, и только в инфракрасном спектре охотник уловил кое-какие намеки на сердечную мышцу монстра — слабую пульсацию далекого багрового камушка. Увы, изображение оставалось смазанным, едва просматриваемым. Трудно попасть, когда видишь такую мишень!..

Он снова потянулся к верньеру настройки, и в эту секунду гамон его почувствовал.

Дьявол их знает, но каким-то образом эти твари все чаще и чаще обнаруживали способность выявлять охотников. Не спасала ни листва, ни высота деревьев. Тяжелая и мутная волна накрыла стрелка, заставив скорчиться от боли, обхватить руками шершавый ствол. Что особенно плохо, в последнее время среди амо участились смертельные исходы. Даже если охотник возвращался домой на своих двоих, никто не мог сказать с уверенностью, доживет ли он до утра. Обширный инфаркт, инсульт — бедолагу могло свалить что угодно. В лучшем случае у стрелков еще несколько дней разламывалась голова и покалывало сердце. Над темой экранирования бились лучшие из умов, однако особо обнадеживающих результатов пока не наблюдалось. Самые удачливые из стрелков частенько возвращались теперь ни с чем, многих отчаяние подталкивало на перевооружение — то, чего раньше откровенно стыдились. Добрый

лук считался оружием честным и вполне достаточным. Пороха, лазеров и прочих технических новинок небесные стрелки чурались. Впрочем, времена менялись, менялось и отношение к оружию. В дополнение к традиционным лукам теперь позволялось брать скорострельные ганфайеры, лучеметы и многоствольники. Самое странное, что и эти совершенные машинки порой оказывались абсолютно бессильными. Каким-то шестым чувством гамоны начинали понимать, что в них целятся, и били в ответ телепатическими волнами.

Петра нельзя было назвать желтоклювиком. Кое-что о повадках этих тварей он знал, как знал, к примеру, что с телепатоатакой тоже можно по-своему совладать. Если должным образом и вовремя отреагировать. Вот и сейчас, справившись с первым болезненным спазмом, он отвернулся в сторону, с нарочитым равнодушием поднял над собой лук. Шутливо прицелившись в свиристящую на отдалении пичугу, мысленно и от души ругнул ее. Трюк сработал. Неприятная тяжесть над желудком немедленно спала, рябь перед глазами поблекла.

Терпение! Вот, что от него требовалось. Теперь, после того «серебристого», гамон явно настороже и потому отреагирует быстро. Поэтому изо всех сил надо стараться думать о постороннем. Словно и нет внизу этой парочки, а в руках вместо лука невинная арфа.

Петр какое-то время разглядывал писклявую пичугу, пробовал даже плюнуть в нее, но не попал. Шум в голове потихоньку затих, охотничье волнение улеглось.

Решение пришло внезапно, и с той же внезапностью Петр вскинул лук. В доли секунды визор поймал расплывчатое багровое пятно. Пульсация подтвердила, что целит он верно. Кисть стиснула оперение стрелы, тетива с легкой дрожью натянулась. Вот теперь гамону не увернуться!.. Щелчок! Пальцы распрямились, и одновременно Петра качнуло от жуткого нутряного удара. Он чуть было не полетел вниз. Захватило дыхание, глаза заволокло багровой пеленой. И кузнечики, стрекочущие кузнечики вокруг...

Обморочно и звонко шумело в голове. Держась за ствол, Петр смотрел вниз. Раненный гамон ворочался разъяренной тушей. Он явно чувствовал дискомфорт. Стрела угодила, куда надо. Вошла по самое оперение. И все-таки куратор оказался прав. Твари мутировали с пугающей быстротой. Еще в прошлом веке им хватало одного-единственного жала, нынче, чтобы свалить иного монстра, требовалось немалое количество попаданий. Даже счастливчик Бун рассказывал, что для подстрела последней своей жертвы ему понадобилось пять стрел. Пять заговоренных стрел на одного гамона! Подумать только!..

Дрожащей рукой Петр потянулся к колчану, но, пошатнувшись, понял, что ничего у него не выйдет. Он не Бун, и пяти выстрелов не осилит. Точно радаром, гамон продолжал ощупывать пространство. Легкие лучики пронзали листву, точно шпаги противника, выискивали цель. Петр зажмурился. Угодить еще под один удар — значило свалиться вниз и погибнуть.

Можно было не сомневаться, сделать очередной выстрел гамон ему попросту не позволит, а если и позволит, то тут же и добьет. Не те годы и не то здоровье. Это молодым можно шустрить да рисковать, старичкам следует всерьез остерегаться волновых ударов.

Петр со вздохом утер мокрый лоб. Жаль было себя, жаль было потраченных усилий. И все же следовало уходить. Как ни крути, а у него за сегодняшний непростой день это было уже третье накрытие.

— И черт с тобой!

Скрежеща зубами, Петр забросил лук за спину и включил тягу. На самой малой скорости, чтобы не кружило без того ослабевшую голову, взмыл над лесом, лишний раз про себя отметил: все-таки весна! Несмотря ни на что! Еще вчера все кругом было голое, прятаться казалось абсолютно невозможным, и вот в считанные часы леса накрыло зеленым дымом, а после лиственное тесто поперло вверх, во все стороны, создавая надежную границу между землей и небом. И впрямь что-то вроде щита. Только кого и от кого защищает этот щит, следовало еще разобраться.

Стараясь держать ровную скорость, Петр взлетал выше и выше. Первое же облако укрыло его от возможных глаз. Находящийся на посту амо приятельски кивнул.

— Можно поздравить?

Петр печально качнул головой. Лицо стража посуровело.

— Сегодня у всех непруха. Ты уже восьмой.

Петр хотел помянуть про юнца, застрелившего самку, но сил шевелить губами не было. Вместо этого он включил форсаж, одним махом вынырнув из облачной вязи. Земля, качнувшись, понеслась от него, все более округляясь по горизонту, из плоскости мало-помалу превращаясь в шар. Ладонь правой руки Петр положил себе на грудь. Так было легче переносить боль.

Старый Рума не поленился лично спуститься к нему. Не забыл еще, что некогда вместе сиживали на ветках, выцеливали из луков и арбалетов дичь. От завивки Петр отказался, но против массажа протестовать не стал. Вкупе с болеутоляющим волшебные пальцы опытного мастера сделали свое дело. Из салона он вышел значительно посвежевшим. Если бы не легкое нытье в левой грудине, все бы ничего. Во всяком случае теперь можно было смело поворачивать на склад — обновить запас стрел, а может, и присмотреть оружие помощнее. Впервые Петр не испытывал угрызений совести по поводу таких мыслей. Возможная замена лука на какую-нибудь автоматику больше не смущала.

Не раз и не два по дороге он присаживался на воздушные облакоподобные скамеечки, под язык бросал желтые таблетки райского элексента. Не слишком мужественно, однако не в его положении бравировать тем, чего нет. В третьем по счету облаке Петр обнаружил компанию в лице такого же воина-подранка. Темный истертый пояс, шрам на лбу, сильные руки и усталые глаза — все выда-

вало в амо такого же бедолагу-охотника. Запах, разумеется, соответствующий — крепкая медовуха, элексент и ароматная горечь кедра. Они ничего не сказали друг другу, лишь обменялись дружескими кивками. Все было ясно без слов. Общая судьба, общие неудачи, а в будущем — общие болезни...

Уже приближаясь к зданию склада, Петр услышал гам и шум. Обычно тихое и спокойное место на этот раз было заполнено оживленными толпами амо. Петр приостановился у ворот, недоуменно сдвинул брови. Колонной, распевающей маршевые песни, мимо прошагала рота юнкеров. Юнцы, желтоволосые и пухлогубые, еще не ходили вниз и посему на мир глядели бедово, а глотки драли, как земные дрозды. Петр насмешливо скривился. Кое-кто из этих молодцев еще посасывал резиновую пустышку. Удивительно, но ныне и это стало нормальным. Никто и не думал смеяться над великовозрастными любителями сосок. Старикам оставалось только крякать: о, времена, о, нравы!

Пройдя на склад, Петр с печалью пронаблюдал, как те же пухлогубые стрелки без колебаний переходят к полкам с многосложной оптикой и стальными воронеными стволами. На стеллажи с пращами и луками никто из юнцов даже не глядел. Вот они, последствия прогресса! В старые времена, если верить скрижалям, на гамонов выходили с легкой рогатиной и кинжалом. Притиснул к земле, сделал стремительный выпад — и победа! Вот были амо! Мужественные, без серебристой примеси. Настоящие тореадоры!..

Не желая топтаться рядом с юнцами, Петр отправился дальше.

— Подыскиваете что-нибудь компактное? — начальник склада, колченогий крепыш с изуродованной ступней, поднялся из-за стойки, шагнул навстречу. Глаза умные — вприщур, на смуглой груди — ожерелье из нескольких десятков каменных кругляшей. Каждый кругляш — пораженный гамон. Невольно сравнив собственный боевой счет с коллекцией этого снайпера, Петр почтительно кивнул:

— Надо, знаете ли, попробовать...

— Бросьте, — радушно прогудел кладовщик. — Старого вояку издалека видать. И нечего тут стесняться. Если даже Совет разрешил, почему и не попробовать в самом деле? Гамоны нынче злые пошли, на стрелы практически не реагируют. Да вы это лучше меня знаете. Вам ведь, кажется, не повезло? Когда последний раз ходили вниз? Вчера?

— Сегодня.

— Даже так! — кладовщик уважительно покачал головой. — Сколько раз ударило?

— Три.

— Крепко! А выглядите, признаться, молодцом! Ей Богу! — кивнув в сторону галдящих юнкеров, кладовщик потер украшенную иероглифом шрама щеку, с печалью в голосе проговорил: — Видали? Эти гаврики хватаются за то, что помощнее. Думают, поможет, только я вам так скажу: нашему брату солиднее охотиться с легким и простым оружием. Вроде стандартного мушкета.

— Вероятно. Я, собственно, и хотел посоветоваться.

— Все правильно. Уж своему-то я не совру, расскажу все как есть... Вот, могу порекомендовать одну из моделей. Не самая современная и эстетичная, зато надежная. Пять стволов и пять зарядов. Одно нажатие курка, и сходу попадаете в гамона критической дозой.

— Надо только попасть, — пошутил Петр.

— Точно. Попасть никогда не мешает. Но после лука из такой штучки разве что ребенок промажет, — кладовщик качнул на руках мушкет. — А хотите, можете попробовать из ганфайера с инфракрасным наведением. Вон он у меня в углу. Фиксация цели идет по излучаемому теплу и пульсу. Скорострельность — шесть зарядов в секунду.

Петр твердо покачал головой.

— Не годится.

— Согласен! — кладовщик усмехнулся. — Красиво, шумно, но не для нас. Потому как пока техника будет фиксировать и распознавать, гамон вас десять раз по стволу размажет.

Петр кивнул. Кладовщик был тертым парнем, толк в охоте и впрямь понимал.

— Ну что? Значит, мушкет?

— Давайте.

— Кстати, можете попробовать подводный вариант. То есть, если, конечно, любите плавать. Подкрадываться и целиться сложнее, зато и гамон вас почти не чувствует. В последнее время таких охотников становится все больше.

— Спасибо, я уж как-нибудь на суше. Привык, знаете ли, к деревьям...

— Тогда удачи! — начальник склада упаковал мушкет в кожаный чехол, к чехлу приложил увесистую коробку с патронами.

— Если будут замечания, приходите. Своему всегда поможем. Я ведь тоже когда-то этим баловался. Пока не брякнулся с дерева. Нога — вдрызг, пара ребрышек наружу выскочила — в общем, видок был аховый. Спасибо друзьям эскулапам — вытащили... Кстати, про конверсию с мораторием ничего не слышали?

Петр покачал головой.

— Ну и ладно. Может, просто слухи... — Прощаясь, кладовщик крепко стиснул ладонь Петра, еще раз от души пожелал удачи.

— Главное, не вешайте нос и не забывайте: без нас все пойдет прахом. «Серебристые» и прочая гопота погоды не делают, этот мир держится на таких, как вы.

К вечеру Петр узнал, что погибли Маячок с Ярославом. Оба в один день. Все получилось до обидного просто — почти как у него, только с летальным исходом. В самку опять выстрелил кто-то из «серебристых». Ярослав с Маячком не успели даже поднять луков. По неписаным правилам более честно было выпускать вперед охотников на самцов, да только «серебристые» знали, что начинается после. Обозленные гамоны, бывало, цепляли случайной

волной всех подряд, сшибая на землю, словно перезревшие плоды. Разумеется, «серебристых» подобная перспектива не прельщала. А потому сплошь и рядом они норовили опередить охотников на самцов. Самка гамонов практически никогда не отвечала телепатическими атаками. Да и хватало ей как правило одного-единственного заряда. Как в старые добрые времена. А потому не водилось у стрелков дружбы. Уже давным давно.

Виктор, седой ветеран с сильными руками, сосед и приятель Петра, рассказал, что около часа назад в кабачке отметелили компаху «серебристых». Может, и не тех, которых следовало, но так ли уж это важно? «Серебристые есть серебристые!».. И даже посланники архишефа не сразу успокоили драчунов. Страсти раскалились до предела. Кто-то даже сгоряча предложил бастовать. Требовать пересмотра первого закона. А до тех пор не охотиться. Вообще.

— На это разрешения не дадут, — возразил Петр. — Очень уж круто.

— Вот чудак-человек! На то и забастовка, чтобы не спрашивать разрешения. — Виктор приложил к уху свой любимый трофей — раковину из Эгейского моря, словно услышав что-то доброе и умное, удовлетворенно кивнул, взмахом подозвал официанта. Спустя минуту тот уже ставил на столик пузатую амфору с медовухой. Два хрустальных бокала, вазочку с горкой крапчатых акрид.

— Но ведь — первый закон! Охота на гамонов — почетный долг и обязанность каждого совершеннолетнего амо... — Петр в сомнении покачал головой. — Кто такое осмелится пересматривать?

— Ясно, что никто. Но наверняка призадумаются о сложившемся положении дел. — Виктор налил из амфоры, сам первый хлебнул. — Вкусно, правда?

— Вкусно, — согласился Петр. Этот кабачок ему нравился. Вполне уютный, музыки и света — всего в меру. Он и раскачивался на ветру с положенной амплитудой, скорее усыпляя, нежели кружа голову. Симпатичный голубоглазый тапер барабанил по клавишам клавесина, ему вторил на лютне пристроившийся в углу подросток. Играли, надо признать, неплохо. Негромко и мягко, что преимущественно и любили жители поднебесья. Внешняя музыка не должна заглушать внутренней. Иначе это не музыка.

— Да, дорогой Петр! Дел у наших архистратегов, конечно, по горлышко, да только и земным проблемам следует уделять внимание. А первый закон — что ж... Он, конечно, хорош, но ведь и хорошие законы нужно чем-то обеспечивать? А кто нынче этим занимается? Власть?.. Нет. Исключительно такие, как мы с тобой.

— Верно, — Петр припомнил слова ветерана со склада.

— Вот и рассуждай дальше. Картину в целом никогда не рассмотришь, но можно улавливать тенденции, понимаешь? Проблемы наблюдались и раньше, кто спорит, но мы с ними справлялись. Теперь — иное дело! Гамоны стали другими.

— Они мутируют.

— Верно, мутируют. И нам с каждым годом становится сложнее и сложнее.

— Что же ты предлагаешь?

— Да вот... Думаю, может, имеет смысл плюнуть на них вовсе?

— Плюнуть? Как это? Мы же для них вроде пчел. Не станет нас, они ж там все повымирают. Уже через полсотни лет размножаться разучатся.

— Это ты так думаешь! А они так вовсе не считают. — Виктор залпом допил из своего бокала, вплотную приблизил свое побагровевшее лицо. — Знаешь, Петь, временами мне начинает казаться, что мы им совсем не нужны, понимаешь? Совсем. Каждый сам себе придумывает жизненный смысл, вот и мы придумали. А гамоны, к твоему сведению, давным давно выучились размножаться без нас.

— Что ты такое говоришь!

— То, что слышал. Им так даже проще. Статистика, брат, суровая вещь! Скольких мы подстреливаем ежегодно, знаешь?

Петр покачал головой.

— Вот именно, что не знаешь! А ты полистай как-нибудь на досуге небесные сводки. Семьдесят процентов уходит на сторону. Семьдесят! Подранки, а то и вовсе чистые. И у большинства, заметь, появляется потомство. Вот тебе и первоисточник мутаций! Подранок родит более злого, а тот в свою очередь обходится без наших стрел, и получается поколение особо невосприимчивых.

— Ученые говорят, у них что-то вроде сердечных мозолей...

— Слышал! — Виктор пренебрежительно отмахнулся. — Кальциевая скорлупа вокруг миокарда, хитин и все такое. Только нам-то что до этого? Мы свое дело делаем честно, правда?

— Ну, — Петр заметил, что приятеля чуточку развезло от выпитого.

— Вот и соображай дальше. Дело свое мы исполняем, а там внизу все хуже и хуже. Спрашивается, почему?

Петр нахмурился.

— Может, из-за путаницы со стрелами?

— Ерунда!.. То есть, стрелы, конечно, порой путают. И мишени путают. И, кстати, на «серебристых» я даже в этом смысле не грешу. Уж им-то в самцов целить резона нет. Другое дело — наш брат. Уж здесь-то, верно, с досады кто-нибудь да срывается. Садит вниз без разбору всеми видами наконечников. И начинает гамон лапать гамона, а гамониха слюни распускать за такими же, как она. Только у них это и раньше встречалось. Я в архивах как-то копался. И мужеложество, и лесбийские игры — все процветало. А в общем... — Виктор вздохнул. — Все это, Петр, только частности. Главное... Главное, видишь ли, кроется в том, что мы тоже перестали их любить. Раньше любили, а теперь нет. Мы на них, как на врагов, охотимся, и они нас таким же макаром встречают.

— А ведь верно, — Петр удивленно нахмурился. — Как на врагов.

— Конечно, верно! Ты вот сегодня схлопотал от них тройку оплеух и что? Какая в тебе небесная радость после этого осталась?

— Ну, может быть, самую чуточку...

— Брось! Никаких чуточек!.. Никогда не интересовался, какие там внизу пословицы появились за последнее время?

— Ты о фольклоре гамонов?

— Ну да!

— Как-то, знаешь ли, не приходилось.

— А зря... Попадается в иных преинтереснейший смысл! — Виктор фыркнул. — Насильно мил не будешь... Любовь зла — полюбишь и козла... Чуешь, в чей огород камень?

— Ты думаешь...

— Да не думаю я ничего! Куда мне! Пусть архангелы думают, на то у них и головы. Только вот конфетка, Петь, получается крайне неаппетитная. Мы гамонов заставляем любить, они с нашим насилием борются, как могут.

— Разве это можно называть насилием?

— А почему нет? Свобода — лакомая категория. Ее всем хочется.

— Но любить — это и значит быть по-настоящему свободным. Ненависть неволит.

— Ишь ты, хитрец! Это с какого угла посмотреть. Ненависть неволит, верно, зато она не требует терпения. С любовью все наоборот.

— И что же тогда остается?

— Что остается? — Виктор облапил пятерней плечо друга, притянув к себе, дохнул медовухой в самое лицо: — Я, конечно, не архангел, голова у меня втрое меньше, и стратегий я не предлагаю, но чудится мне, что пряники кончились. Время, Петь, доставать из-за голенища кнут.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Слышал что-нибудь о холодном веке?.. Если нет, намекну. Все это пока слухи, но очень может быть, не сегодня-завтра объявят мораторий на охоту. Самый натуральный. И ни одного амо больше вниз не пустят.

— Совсем? — Петр почувствовал, что по спине у него стайками поползли мурашки. Этакое донное течение, проникшее под накидку.

— Совсем, — Виктор мрачно кивнул. — Всеобщая конверсия и разоружение. Будем сидеть по кабакам, вспоминать былое и слушать шелест волн в раковинах. Век холода для гамонов.

— Но это... Это же верная война!

— Скорее всего. Только иного выхода нет. Если долго пичкать антибиотиками, организм становится невосприимчивым к лекарству, что мы и имеем на сегодняшний день. От рогатин к стрелам, от стрел к базукам — а дальше что? Будем брать каждого в огненные клещи и атаковать побатальонно? Нет, брат, это уже тупик. Зато лет, этак, через сто... — Виктор потянулся к амфоре. — Если, конечно, уцелеет, хоть один гамон можно будет снова попроведать заблудших.

— Жутко!

— Конечно, жутко, тут ты прав. Без любви, наверное, можно размножаться, но жить долго без нее нельзя. Это суть любого гомеостазиса. Исчезнет суть, начнет распадаться система.

— Тогда зачем мораторий?

— Затем, — Виктор выпятил в его сторону палец, — чтобы они САМИ осмыслили, каково это жить БЕЗ любви. Осмыслили и умылись горючими слезами. Чтобы эти скоты не хитином от нас прикрывались, а напротив — сами распахивались. Вот тогда мы снизойдем до них, снова достанем луки и стрелы.

— Сто лет!.. — Петр ошарашенно обхватил голову руками.

— Может, и больше. Как ни крути, а без карантина не обойтись.

— Но ты представляешь, что у них там внизу начнется?

— Уже начинается потихоньку. Без всякого моратория. Вот и следует дать им возможность повариться в собственном соку... Ну что? По последней?

Петр послушно поднял свой бокал, в несколько глотков осушил. В голове поплыл колокольный звон, несколько искристых рек слились в одну, водопадом обрушились в озеро кипящего сознания.

— Пошли! — Виктор потянул его к выходу.

— Куда?

— Есть у меня дома одна игрушка. Покажу. Мощь — обалденная! Хоть побалуемся напоследок.

Еще не понимая, о чем идет речь, Петр покорно поплелся за другом.

Летели они быстро, встречный пост, не сговариваясь, обогнули по дуге. Время разговоров прошло, наступило время действовать. Уже через несколько минут охотники приземлились на огромной крытой железом крыше. Петр ощущал легкий озноб. Привыкший к лесу, к защитному экрану листвы, он ни разу в жизни не оказывался в городе гамонов.

— Брось! — Виктор, запинаясь, волочил за собой многоствольник. — Лес или город — какая разница! Тактику нужно менять. Они — нас, а мы — их! Хватит прятаться по кустам бузины! Бить врага надо в его логове! — он поднес ко рту любимую раковину, угрожающе прогудел: — Гамоны, вы меня слышите? Мы уже здесь!

Оба были выпившие, обоих заметно покачивало, и все-таки Петр не мог совладать со страхом. Нарушался основной принцип охоты, когда дичь выслеживается, когда поблизости от самца обязательно находится подходящая самка, когда, наконец, самого охотника отличают чистота помыслов и доброе сердце.

— Видал, сколько их!— Виктор подтащил друга к краю крыши, пьяно загоготал: — Сейчас мы им устроим мораторий!

Петр восхищенно глянул на друга. Дерзкий, вздернутый кверху орешек носа, мягкий складчатый подбородок, пухлые плечики и воинственно расставленные толстые ножки не вызывали ни малейших сомнений в справед-

ливости творимого. Соломенного цвета крылья воинственно топорщились за спиной, тугой живот боевым барабаном смотрел вперед. Что и говорить, Виктор являл собой эталон амо! Удивительно красивый, мужественный... С трудом Петр перевел взор на разгуливающих внизу гамонов.

— Сколько же их тут!

— Сколько бы ни было, все наши!

— Да, но что они делают?

— Как что! Вон там, под фонарями танцуют, а возле тех тополей дерутся. — Виктор хищно оскалился. — Ща мы им устроим! Любвеобильные вы наши!

— Кажется, всех примерно поровну. В смысле, значит, самцов и самок... — Петр еще пытался как-то оправдать их действия.

— Вот и нечего особо думать. Помоги-ка!..

Они установили многоствольник на сошки, стянули чехольчик с оптического прицела. Виктор поднял крышку кожуха, вставив тяжелую ленту, клацнул затвором.

— Видал-миндал! Новинка из самых последних. Для спецамо. Система самонаведения по пульсу. Семь стволов, пуля особого сплава, двойного эффекта. Сначала вызывает шок, потом уже влюбляет. Правда, не сразу, а постепенно. Но главное — скорострельность. В этом ящичке, что ты нес, ленты на полторы тысячи зарядов! — Виктор засмеялся. — А!.. Как тебе это нравится? В несколько минут выполним плановую работу целого полка амо!

— Да они же нас в доли секунд...

— А вот хрена! — Виктор вскинул перед собой маленький розовый кукиш. Лицо его исказила торжествующая гримаса. — Хрена что у них выйдет, Петруха! Пьяных фиг засечешь, понимаешь? Они там все внизу через одного в зюзю. И мы с тобой тоже чуток. И что получается?

— Что получается?

— А получается, брат мой Петручио, что мы сегодня такие же, как они. Мы с тобой гамоны, понимаешь? — Виктор залился тонким смехом. Его даже икота пробила. — А гамон гамону — не враг. То есть не друг, но и не враг. Как в одной из гамоньих песен. Дескать, и не друг, и не враг, а так...

Петр глянул на площадь и неожиданно ощутил, что и ему становится весело. В самом деле! Они болтают здесь уже несколько минут, и никто до сих пор их не обнаружил. А ведь это тоже охота — и какая! Они собирались бить не в одного-единственного гамона, а разом в целую толпу. Двое против сотен и сотен...

Он слепо потянулся к многоствольнику.

— Можно, я первый...

Виктор хлобыстнул его по плечу.

— Ага! И тебя разобрало! То-то же! Вдарь по ним, Петруха! Патронов — море, не жалей! Или со щитом, или на щите!

Петр вдавил приклад в плечо, поймал в прицел группу дерущихся возле тополей гамонов. То есть даже и дракой это сложно было назвать. Просто

топтались на месте, дергали друг друга за воротники, а один из них с ленцой отвешивал оплеухи молодой самочке. Вот этим героем в первую очередь и займемся!..

Палец притопил спуск. Изрыгая огненную лавину, многоствольник завибрировал, заходил в руках. Сверкающие трассы устремились к копошащимся внизу гамонам.

— Нет любви у них, нет! — надрывался приплясывающий рядом Виктор. — И жалеть их нечего! А коли нас накроет, так и вали оно все в пропасть! Если мы не нужны, то и смысл жизни теряется!..

Не слушая его, Петр продолжал садить и садить пулями. Гамонов внизу скручивало от попаданий, некоторые падали на тротуар, начинали крутиться. Выл вращающий стволы двигатель. От смертоносного аппарата валил дым. Ничего, остудим!.. Светлячки пуль переместились чуть выше, и та же неразбериха началась среди танцующих. Петра трясло. Он стрелял и стрелял, не в силах оторваться. Замечая, что кое-кто из подраненных, ошеломленно крутя головой, пробует подняться с земли, вновь ловил их в прицел. Мораторий, братцы, — да не про вас! Воевать нравиться? Давайте!.. Один из гамонов, патлатый, с цепью на шее, прошитый пулями в семи или восьми местах, шатаясь, привстал, тут же повалился на колени перед какой-то случайной самочкой, обнял ее ноги. Значит, проняло, мерзавца! Действует начинка!..

Когда патроны кончились и лязгнул упавший на крышу конец ленты, Петр очумело поднял голову, оглянулся на приятеля.

— Это все?

— Все, — Виктор сидел, разбросав ноги, и плакал.

— Бессмысленно, — лопотал он. — Все, Петь, бессмысленно. Пара сотен гамонов ничего не решат.

— Откуда ты знаешь?

— Я думаю... — Виктор всхлипнул. — Я думаю: может, мы и впрямь лишние? Гамоны сами по себе, мы сами по себе. Придумали идею-бзик, а им и не надо никакой помощи.

Петр качнулся к нему, встряхнул за плечи.

— Что ты городишь, очнись! Разумеется, мы нужны!

— А если нет?

Виктор слезливо щурился, с надеждой глядел на Петра. Неожиданным образом роли их поменялись. Теперь Петр ощущал в себе небывалую силу, знал, что способен убеждать и вести за собой. Может, правду говорят, что силы влюбленного врага взмывают ввысь, удваивая твои собственные? Во всяком случае нечто похожее он и впрямь сейчас чувствовал.

— Мы нужны, Виктор! Верь мне! Просто не все идет, как хотелось бы. Но это ведь жизнь, правда?

— Вали она в тартарары — такая жизнь! — продолжал всхлипывать приятель. — Никого мы не спасали и не спасем.

Петр разозлился.

— Правильно! Любовь НЕ СПАСЕТ мир, она СПАСАЕТ, понимаешь? Каждый день и каждый час! У них иммунитет, но и мы не лыком шиты. Не берут стрелы — пулями будем курочить! А пули перестанут брать, начнем ракетами разить сволочей. Потому как обязаны гады любить! Перестанут любить, все остановится! Все, понимаешь? Мир, земля, небо — все!

— Скоро архангелы объявят мораторий...

— Пусть мораторий, пусть крематорий, только без нас! — заорал Петр. — Я лично буду палить в них до последнего. Буду, черт подери! И ты будешь, и другие!..

Андрей Дашков

Черный «Ровер», я не твой

Вовчик был большим серьезным и страшноватым на вид мужчиной. Тяжелая платиновая цепь смотрелась на его шее как строгий ошейник на бультерьере. Водянистые глазки ржавели под крепким козырьком из сильно выдвинутых вперед надбровных дуг. Кожа была мучнисто-белой, незагорающей; лицо — грубым, но правильным. По отдельности придраться вроде бы не к чему; все вместе производило странное впечатление живой маски. Когда Вовчик задумывался об абстрактных вещах, в его облике проявлялось нечто от инопланетного монстра. Такое случалось редко, однако тупым он не был никогда. Он оказался даже слишком неординарной личностью там, где лучше всегда оставаться в тени. Однажды его хозяева решили, что ему пора исчезнуть, и он догадался о том, что решение принято, чуть раньше, чем им хотелось бы. У него хватило благоразумия вовремя убраться. И место, где он хотел спрятаться, было выбрано верно — единственное место, в котором его не достанут самые длинные руки в мире...

Вовчик въезжал в закрытую зону в приподнятом настроении. Впрочем, закрытой она была лишь для тех, кто не хотел возвращаться. Вовчику путь назад был заказан. Такой остроты чувств он давно уже не испытывал. Ему предстояла игра, результат которой невозможно предугадать. Нечто подобное происходило с ним в пору его спортивной молодости, когда он выходил на ответственный матч.

В те безвозвратно ушедшие денечки его, как щенка, возбуждало буквально все: закулисные интриги, хвалебные или ругательные статейки в газетах, рев зрителей, пришедших взглянуть на современных гладиаторов, ощущение собственной физической мощи и энергии, бьющей через край, ярость соперников, их грязные приемчики, не менее яростный натиск собственной команды, когда тела сливались в одну безликую таранящую массу. И, конечно, восторги девушек.

Сейчас это казалось немного смешным, а тот юный Вовчик — едва знакомым парнем, кем-то вроде друга детства, о котором вспоминаешь спустя мно-

го лет, однако закалка регбиста пригодилась ему в делах более насущных. До сих пор он сочетал силу, быстроту, ловкость и тактические способности. Отчасти поэтому остался живым и здоровеньким. Только пара шрамов на теле напоминала о том, что зевать в любом случае не стоит. И качество серого вещества у Вовчика тоже, по всей видимости, было выше среднего. Это — свое, данное от рождения. Загадочные маленькие клеточки, на которые не действуют стероиды. А если и действуют, то не лучшим образом...

Вовчику не испортила настроения даже болтовня старой цыганки, которая, возможно, вывела бы из равновесия более впечатлительного и суеверного человека. Ему приходилось видеть мертвецов с амулетами и всеми признаками настоящих «счастливчиков» на посиневших телах. Он не верил в знамения, в судьбу, в бога, в дьявола, в государство, в переселение душ, в правосудие, в рыночную экономику, а также в теорию вероятности. Он считал, что играя, например, в «русскую рулетку», всегда можно подменить патроны.

Цыганку избивали менты на окраине Центрального рынка. Привычное дело — мошенничество с валютой или просто мелкая кража. Вероятно, бабка даже заслуживала профилактического пинка в зад. В другое время Вовчик равнодушно проехал бы мимо. Глупо ссориться с милицией. Но для отъезжающего навсегда, как и для неизлечимо больных, некоторые условности теряют силу. Менты оказались рослыми и здоровыми, и все же это были обыкновенные патрульные быки, вдобавок нездешние и малость туповатые. В противном случае они не связывались бы с цыганами...

Вовчик вылез из своего только что вымытого черного «ровера» и не спеша направился к ним, наблюдая, как тяжелые ботинки пачкают многочисленные цветастые юбки. Звон монист разносился на пол-квартала. С ментами он не стал разговаривать. Одному хватило удара ребром ладони по горлу; второго пришлось ударить трижды. Зато теперь Вовчик мог сказать, что внес свой вклад в борьбу с демографической катастрофой.

Старуха оказалась крепче, чем он думал. Она поднялась самостоятельно. Струйка крови, текущая из уголка рта, была почти не видна на дубленой коже. Старуха не благодарила Вовчика, но он и не рассчитывал на благодарность. Она только смотрела на него долго и внимательно, и что-то менялось в ее черных, как сгнившие вишни, глазах.

Вовчик повернулся, чтобы уйти. Патрульные, лежащие без сознания, были не лучшим обществом для человека его «профессии».

— Еще до утра ты встретишься со смертью, — сказала цыганка ему вслед.

Вовчик ухмыльнулся. Он сам частенько бывал вестником смерти. И все же на мгновение он пожалел о том, что вмешался.

Зато теперь все было забыто. Он предвкушал новый матч, крепко сжимая руль своего трехсотсильного рысака-вездехода. И это будет посерьезнее регби. Совсем другие ставки. Если агент, устроивший ему билет в один конец, не обманул, на кон поставлена жизнь. Если же обманул и обратный путь существует, Вовчик знал, что сделает с этим скользким хмырем. И тот, похоже, знал тоже.

Организм усиленно вырабатывал адреналин. Впервые за многие годы, слившиеся в багрово-серую полосу, впереди маячила полная неизвестность. Все остальное Вовчик уже перепробовал — карты, рулетку, шлюх дорогих и подешевле, бои без правил, охоту, ремесло палача, наемника, телохранителя и даже роль «хорошего парня». Последнее занятие оказалось довольно увлекательным, но в конце концов и оно стало все больше напоминать скучную, бессмысленную, неблагодарную и до отвращения предсказуемую работу. Женщины, которых он охранял и спасал от верной гибели, становились его любовницами, а затем изменяли ему с хлыщами «своего круга» или полными ничтожествами. Щедрые пожертвования детским домам и церквям, которые он делал в припадке человеколюбия, разворовывались; у других «хороших ребят» была короткая память, а преданность всегда имела денежный эквивалент.

Вовчик не то чтобы разочаровался (он лишился иллюзий одновременно с девственностью, и это произошло довольно рано — когда ему было лет четырнадцать), однако заподозрил, что игра на поле жизни идет не по правилам — в одни ворота. Кто-то сильно мухлевал там, наверху, и Вовчику это не нравилось. После тяжелой травмы колена на спортивной карьере можно было ставить крест. Он решил взять тайм-аут и поработать вышибалой в одном из местных кабаков. Его заметили посещавшие кабак большие люди и предложили более достойную работу. Вовчик отдавал себе отчет в том, что выход из нового бизнеса — только вперед ногами, но его засосало всерьез и надолго. Да и бесплатная жратва не росла на деревьях. Ему пришлось работать в поте лица, добывая хлеб свой, а заодно икру и масло, а потом легавые упали на хвост и больше уже не слезали, подобравшись к самому лоснящемуся загривку. Он стал лишним, опасным для хозяев и оказался между двух огней. У Вовчика, конечно, был выбор — вроде того, который предлагают смертникам. Или сдохни, или живи остаток своих дней в клетке. Но и в клетке тебя рано или поздно поставят на нож или подсадят на иглу. Конечный результат одинаков... Он предпочел третий вариант. И вот теперь он был свободным в закрытой зоне. И будто заново родился. Ни одну из своих любовниц он не взял с собой. Принципиально. Даже Элку — самую жадную и веселую. Вовчик летел к новой жизни, бросив все барахло в прошлом. Все, кроме черного «ровера».

Слева пылал закат. Вдоль дороги медленно текла река. Лучи заходящего солнца окрашивали воду в цвет крови. В этом узком и извилистом мистическом зеркале ничто не отражалось, ничего нельзя было разглядеть. Вовчик и не пытался. Он знал только, что красный закат предвещает ветреный день,

но даже к этой примете относился скептически. Справа сливалась с горизонтом черная полоса леса. Пустыри по обе стороны дороги заросли бурьяном.

Через десять минут Вовчик включил фары. Впереди что-то сверкнуло чистым никелем. Он думал, мотоцикл или автомобиль. Возможно, первое испытание на пути Вовчика Свободного. Или милицейский пост? Что ж, значит, он выбросил бабки на ветер. О бабках он никогда не жалел. А вот кое-кому придется пожалеть о своем утраченном здоровье. В случае, если его подставили, Вовчик собирался идти до конца. Прежде, чем его возьмут, он успеет разобраться со всеми виноватыми. И главным орудием будет ржавый, тупой, зазубренный нож...

Он проверил пушку и приготовился к худшему. Оказалось — ложная тревога, и Вовчик расслабился. Подъехав поближе, он разглядел гибрид автоматического шлагбаума и игрового автомата, водруженного прямо на развилке. Сверху перекресток напоминал куриную лапку. Асфальт заканчивался в этом месте. Отсюда начиналась гораздо более узкая грунтовая дорога. Две другие уводили куда-то в стороны.

Самое забавное, что игровой автомат работал, несмотря на видимое отсутствие электрического кабеля. У Вовчика был кое-какой опыт. Например, он знал, что проблему нельзя «объехать» — это означало бы только, что проблема останется за спиной. Подставлять под удар спину не любит никто. Впрочем, наличие автомата вряд ли можно было считать проблемой, если только эта штука не заминирована.

Вовчик притормозил перед шлагбаумом и вышел из машины. Глубокие рвы по обе стороны дороги были серьезным препятствием даже для «ровера». Проще было заплатить, хотя дорога по ту сторону шлагбаума казалась на редкость дерьмовой. Вовчику предлагалось сыграть по местным правилам; он не возражал. Конечно, правила не будут справедливее, чем везде, но высшая справедливость — это для бабушек, читающих Евангелия.

Однорукий бандит дешево подмигивал в лучах фар. Обычный автомат, если не считать рисунков на барабанах. Рисунки были какие-то странные: солнечные диски, полумесяцы, рыбы, ладони, короны, виселицы, мечи, жуки, глаза, пентакли... Вовчик не разбирался во всей этой хрени, предназначенной для пугливых дегенератов, не умевших себя защитить. Вовчик умел. Он сунул монеты в приемную щель на блоке управления шлагбаумом. Внутри что-то щелкнуло; полосатая балка медленно поползла вверх.

В ту же секунду барабаны игрового автомата пришли в движение. Они вертелись с приятным свистом, как хорошо смазанный механизм. Разноцветные лампочки весело замигали. Потом свист прекратился. Барабаны остановились. Раздался звук, который тоже не назовешь неприятным, хотя он и не ласкал слуха. Это был звон посыпавшихся в лоток монет. Когда металлический дождь прекратился, получилась внушительная кучка. Монеты были новенькие, серебристо-белые и ярко блестели.

Вовчик хмыкнул и взял одну из них. Монета (или жетон) была необычной.

На одной стороне выбита римская единица, на другой — пересекающиеся косточки. Серебро — металл благородный, а свои призовые Вовчик всегда забирал из принципа — даже тогда, когда трудно было унести и деньги, и ноги. Сейчас не возникало проблем ни с тем, ни с другим. Он ссыпал монеты в дорожную сумку и бросил ее на заднее сидение. Автомат перестал для него существовать. Он проехал перекресток, даже не обратив внимания на то, чем закончилась раскрутка. На барабанах выскочили три креста. Три простых черных крестика на белом фоне.

Он въехал на грунтовку, трясясь на ухабах, и тут оказалось, что ему вежливо намекают на то, какой маршрут является предпочтительным. На боковых дорогах прямо из грунта торчали черные козьи ноги. Вовчик мог бы поклясться, что еще минуту назад никаких ног не было. Ряды козьих конечностей создавали хоть и эфемерное, но все же заграждение. Остроконечные копытца чем-то напоминали известный знак — кулачок с отставленным средним пальцем. В любом случае Вовчик был в гостях, а он знал, как надо вести себя в гостях. Он поехал прямо.

Дорога была неровная, но не разбитая. Колея совсем не глубокая, из чего Вовчик заключил, что здесь проезжает не больше одной машины в день. О грузовиках и говорить нечего. Между тем о светлом времени суток остались одни воспоминания. Наступила ночь. На востоке всплыла луна цвета насыщенного лимонного сока. Когда Вовчик, равнодушный к красотам природы, наконец удосужился бросить взгляд на ночное светило, то обнаружил, что с лунным диском творится какая-то чертовщина. В его центре появился череп — совсем маленький и все же хорошо различимый. Теперь луна стала похожа на монету с изображением головы монарха. Только монарх правил не на земле, а этажом ниже.

Вовчика это не впечатлило — как и все, что не представляло непосредственной опасности. Разрисуйте хоть все небо скелетами и распишите матерными словами — ему будет до лампочки, пока кто-нибудь из плоти и крови не явится по его душу...

Он продолжал давить на газ и вскоре почувствовал, что проголодался.

С одной стороны, хорошо, что зона так тиха и безлюдна; с другой, Вовчик не собирался отказываться от своих привычек и достижений цивилизации вроде ресторанов, мотелей, а также маленьких удобств — например, горячей ванны или возможности взять проститутку в любое время дня и ночи.

Река исчезла из вида; лес подступил к дороге с обеих сторон. Вовчик включил приемник и перепробовал все диапазоны. В эфире не было ничего, кроме атмосферных помех. Даже на средних волнах. Конечно, все это казалось странным, однако Вовчик не был обеспокоен. Ему приходилось ночевать и в гораздо менее комфортных условиях. (Как-то раз он даже провел «ночь перед казнью» и не приобрел к утру ни одного седого волоса. Потом

его освободили, и его безразличие произвело впечатление кое на кого. Тогда Вовчик еще набирал очки в свою пользу.) В багажном отделении «ровера» лежало все необходимое для выживания в экстремальных условиях. Четыре полные канистры внушали уверенность в том, что ножками топать не придется. А если и придется, то в самом крайнем случае.

Наконец впереди засияли огни — тусклое созвездие, брошенное в сгустившийся мрак над изломанным горизонтом. Созвездие Указующей Стрелы. Оказалось, что свет его — отраженный. Грунтовка привела к прекрасному двухрядному шоссе, образующему с ней букву «Т». Проселочная дорога не имела продолжения. На обочине шоссе был установлен щит с бело-оранжевой «зеброй». Стрела была направлена на запад, влево от Вовчика. Само шоссе было просто идеальным, прямым, как луч зрения, и простиравшимся в бесконечность. Покрытие было матовым и очень темным, словно свежекатаный асфальт.

Тут Вовчик впервые нарушил правила игры. Немного. Совсем чуть-чуть.

Это даже нельзя было считать нарушением. Всего лишь фол, за который начисляются штрафные очки. Он решил проверить, сколько у него степеней свободы и как велики «зазоры». Он повернул направо, а не налево, и помчался на восток — прямо в ту черную дыру, откуда восходит солнце.

Луна с черепом поднялась еще выше и светила ярче. «Ровер» все время находился в тени черепа, будто тот был маской, надетой на объектив гигантского проектора. Другого на месте Вовчика уже пробрала бы дрожь от всех этих странностей, но он был хладнокровен, как жаба на рассвете. Езда по пустынному шоссе доставляла истинное наслаждение. Появилась возможность разогнать «ровер» до максимальной скорости. Вскоре были слышны только гул набегающего потока и шелест покрышек. Черный рулон, похожий на иллюзорную дорогу в недрах тренажера, разматывался с немыслимой скоростью. Ни одного поворота; шоссе ни на градус не отклонялось от линии запад — восток. «Ровер» пожирал расстояние, воздух и горючее; устроившийся внутри Вовчик чувствовал себя пилотом болида, летящего прямиком в ад. Если в аду есть пиво, девочки и покер, он не возражал бы.

Впрочем, он недолго получал удовольствие. Когда слева промелькнул щит со стрелой, он ударил по тормозам, пользуясь тем, что пристегнут. Незакрепленный багаж швырнуло вперед. «Ровер» клюнул капотом, стирая покрышки. Раздался визг колодок. И все равно тормозной путь оказался слишком длинным. После остановки Вовчик врубил заднюю передачу и подъехал к указателю.

Здесь он внимательно осмотрелся. Полосатая стрела поблескивала, отражая свет фар. Лес был тих и черен, как закопченный дымоход...

Вскоре Вовчик, у которого не было проблем с самолюбием, признал свое маленькое поражение. Вправо от шоссе вела грунтовая дорога. В пыли можно было разобрать отпечатки протекторов «ровера», которые были знакомы Вовчику лучше, чем отпечатки собственных пальцев. Каким-то

невероятным образом, ни разу не повернув рулевого колеса, он возвратился в то же место, откуда выехал семнадцать минут назад.

Вовчик закурил первую за этот вечер сигарету — он берег свои легкие. Озадаченно помассировал стриженый затылок. При этом короткие волоски больно царапались.

Затем он обернулся и потрогал то, что было пристегнуто к сидению ремнем безопасности. Он считал ЭТО своей маленькой страховкой. Вовчик воспользовался ею на всякий случай — главным образом, чтобы обеспечить себе беспрепятственный проезд до закрытой зоны. У него были веские основания опасаться того, что его могут попытаться задержать.

«Страховка» не подавала признаков жизни. Раньше это была скрюченная и пожелтевшая, но еще энергичная старушонка, любимая мамаша одного из его бывших боссов. Она не торопилась на покой; ее советы и связи дорогого стоили. Он похитил ее с дачи, вырубив четверых олухов-телохранителей. Мамашу звали Ида. Отчества он не помнил. У старой ведьмы хватило сил на то, чтобы отчаянно брыкаться и кусаться вставными зубами. На предплечье у Вовчика остался багровый след от ее укуса. К тому же Ида норовила запустить свои скрученные артритом пальчики в его глаза. Поэтому пришлось накачать ее снотворным.

Когда он выезжал из города, «страховка» была живой. Сейчас она показалась ему чересчур холодной. Он пощупал пульс на ее запястье. Пульса не было. Вовчик не поленился, вылез из машины, забрался на заднее сидение и приложил ухо к узенькой груди. Слабое постукивание напоминало работу часов внутри адской машинки. Если разобраться, Ида была похуже иной бомбы. Во всяком случае, трупов на ее совести было немало.

Убедившись в том, что старуха жива, Вовчик снова плюхнулся на водительское место и включил скорость. На этот раз он не стал экспериментировать и поехал туда, куда указывала стрела. Больше никаких фокусов с возвращением не происходило. Однако неприятные сюрпризы были впереди.

Через минуту он сбил всадника. Сбил — ну и ладно, но какова хохма! Старые дружки Вовчика ржали бы до упаду. Всадник восседал на белой, костлявой и страшной кляче, которая тащилась навстречу «роверу» прямо посреди дороги. Чем-то она напомнила Вовчику одного знакомого пожилого морфиниста. Казалось, кляча вот-вот рухнет и задергает копытами в агонии. Шерсть кое-где повылезла, и обнажилась дряблая кожа. Сам всадник был похож на сосульку, примерзшую к лошадиной спине.

Вовчик не успел отреагировать. Силуэт бледного привидения возник на пустынном шоссе внезапно, выхваченный из темноты узким лучом света.

Это не значит, что кляча выскочила слева или справа. Она вообще не могла «выскочить». Вовчик подозревал, что на это простое действие у нее не хватило бы остатков здоровья, — настолько вяло она перебирала копытами. Впрочем, на его месте не успел бы отреагировать даже хоккейный вратарь экстра-класса — «ровер» мчался слишком быстро. Поэтому складывалось впечатление, что всадник вырос из-под асфальта. Поднялся, отделившись от своей густой тени, будто плоская силуэтная мишень в тире. И «ровер», летевший по осевой, не промахнулся.

Металлический снаряд врезался в клячу на скорости около двухсот километров в час. Удар получился страшным, но не для автомобиля. Вовчик ощутил только сильный толчок. Чтобы компенсировать его, достаточно было упереться руками в рулевое колесо. Он машинально опустил голову, ожидая, что при столкновении лошадь врежется в лобовое стекло, однако благодаря высоко расположенному усиленному бамперу этого не произошло. Тощую и, по-видимому, легкую клячу отбросило в сторону, а всадник вообще перелетел через крышу «ровера» по высокой дуге, как тряпичная кукла. Когда бедняга приземлился, он уже напоминал не куклу, а мешок с костями или, в крайнем случае, манекен с раздробленным каркасом.

Вовчик скрипнул зубами и ударил по тормозам. Что ж, за удовольствие приходится расплачиваться. Это была одна из немногих абсолютных истин, которые не менялись ни во времени, ни в пространстве. В данном случае оплате подлежал исконно русский кайф от быстрой езды. Искушение бросить все как есть было велико, но не перевешивало здравого смысла. А здравый смысл и «понятия» подсказывали Вовчику, что дерьмо за собой надо убирать. Особенно на чужой территории. В прежней жизни Вовчик умел прятать концы в воду. Или в землю. Или в бетон. Все зависело от конкретной обстановки. За то его и ценили — пока он сам не стал кандидатом в ископаемые. Угрызений совести он тем более не испытывал — не хрен ездить ночью без габаритов!

Остановившись, он посмотрел на старушку. Та мирно посапывала, спеленутая слишком просторным для нее пальто, которое заодно скрывало от посторонних глаз наручники. Хотя где они тут, посторонние глаза? Вовчик проверил, не притворяется ли Ида. В этом случае пришлось бы решать, что делать с неудобным свидетелем. Старуха была подлой, как последняя сука. Но она действительно спала, так что особых проблем не предвиделось. Или почти не предвиделось. Вовчик медленно сдал назад, пока не поравнялся с лошадиным трупом, лежавшим на обочине.

Чистая работа — в том смысле, что нигде не видно крови. У лошади были сломаны ноги, а голова вывернута под неестественным углом. По крайней мере, животина быстро отмучилась. Если парень пытался добраться на ней до живодерни, то выбрал неудачное время...

Вовчик вылез из машины и придирчиво осмотрел передок «ровера». У него отлегло от сердца — нигде ни единой царапины или вмятины. Фары и

подфарники целы. Только белый налет на бампере, будто... пудра или кокс. Вовчик потрогал налет пальцами — стирается легко, как сухая пыль.

Он сплюнул и направился поглядеть на человеческое тело, распластанное на шоссе в пятнадцати метрах от клячи. Он подходил осторожно, хотя после такого удара не выжил бы никто. К немалому удивлению Вовчика и тут все было сухо. Это хорошо — не придется мыть салон, отделанный кожей... Длинный плащ, когда-то считавшийся по артикулу белым, окутал фигуру мертвеца, словно простыня. Или саван, что было ближе к делу. Только лысая голова, обращенная лицом вниз, торчала наружу из этого кокона. Голова имела «нездоровый» желто-серый цвет. Впрочем, покойнику цвет подходил как нельзя лучше.

Вовчик попинал труп носком своего дорогого и высококачественного ботинка. Это было все равно что пинать ком стекловаты. Тогда он наклонился и перевернул мертвеца на спину. Тот весил не больше, чем мамаша Ида. Череп явно пострадал при ударе, и лицо выглядело слегка перекошенным. Впечатление асимметрии усиливалось из-за застывшей на нем ухмылки. Но и при жизни лицо наверняка было отталкивающим — костяная болванка, туго обтянутая кожей, которой явно не хватало, чтобы плотно закрыть рот. Ни с того, ни с сего Вовчику вдруг пришло в голову, что мертвец улыбается... благодарно и слегка иронично. Дескать, удружил ты мне, кореш!

Он затруднился бы с первого взгляда определить возраст и даже пол своей случайной жертвы. Из щели безгубого рта выпирали желтые, но большие и здоровые зубы. Белков не видно под полуприкрытыми пергаментными веками; Вовчик отнес эту особенность на счет слабой освещенности. Приплюснутый нос чем-то напоминал свиной пятак. Бритая голова была разрисована или татуирована на манер карты звездного неба. Вовчик, в число неожиданных и небесполезных талантов которого входило умение ориентироваться по звездам, ясно различал так называемый «зимний треугольник». Он специально приподнял полу плаща, чтобы лучше рассмотреть руки. Те оказались разными, будто крабьи клешни. В скрюченной и недоразвитой левой мертвец сжимал многолезвийный армейский нож, а в большой и жилистой правой — раздавленные песочные часы. Осколки стеклянной колбы впились ему в ладонь, образуя пятна синевы, однако и в этих местах из-под кожи не просочилось ни единой капли крови.

Вовчик огляделся по сторонам. Давным-давно он не оставался наедине с ночной природой. Мир выглядел нетронутым, если не считать шоссе, разрезавшего землю пополам. Звезды сияли холодно и безразлично. Все предметы отбрасывали фиолетовые тени. Даль была беспредельной. Вовчик впервые увидел все это сквозь призму своей относительной малости и кратковременности. На мгновение закралась дикая мысль, что он — последний Робинзон, только что по неосторожности прикончивший своего последнего Пятницу. Вовчик, который происходил из «благополучной» семьи, был в детстве начитанным мальчиком. Он, как говорится, подавал надежды.

Сейчас его похороненные юношеские мечты, кажется, начинали сбываться. Во всяком случае, антураж был вполне подходящим, а роль изгнанника-одиночки — почти романтической. Впрочем, вскоре последовало напоминание о том, что он далеко не один. А от романтики Вовчика давно излечила красивая и нежная девушка-одноклассница, в которую он был влюблен и которая заразила его триппером в пятнадцать лет.

Он достал из пачки и закурил очередную сигарету. Эта простая операция вернула его к действительности. Пора приниматься за привычную работу. Подчищать... Он завернул труп в просторный плащ и положил на заднее сидение рядом с мирно посапывающей бабулькой. Насчет крепости ее нервишек он не беспокоился. Ида была не из тех, кто получает инфаркт, обнаружив рядом с собой покойника. Особенно, если покойник не из ее клана.

Что делать с самим жмуриком, Вовчик еще не решил. Бросить его на обочине было не то чтобы аморально — скорее, не совсем надежно. Такой вариант означал бы слишком много неопределенностей. Жертва ДТП? Хм... Огнестрельных и ножевых дырок нет, однако... Если начнут копать, что-нибудь рано или поздно обязательно всплывет. Поэтому лучше не рисковать. «Добраться бы до города, а там все станет ясно», — предположил Вовчик. И не ошибся. В нужном месте он оказался очень скоро.

Двухрядное шоссе, раздвинувшее лес, оставалось идеально прямым и в западном направлении. Около одиннадцати слева по борту промелькнула бензозаправочная станция. Вовчик успел разглядеть две колонки под навесом, аккуратную закусочную, старый пикап на эстакаде возле гаража и темную решетчатую башню ветряка. Люди если и были, то где-нибудь внутри. Ему хотелось жрать, но он не стал тормозить. Щит на выезде со станции сообщал: «До поселения 25 км». То, что поселение не имело названия, Вовчика не смущало — так же, как и трупец в салоне. Жизнь приучила его не лезть в чужой монастырь со своим уставом. Единственное, что ему гарантировали в закрытой зоне, — это отсутствие легавых. Но могли и обмануть. Представить себе человеческую стаю без ментов Вовчику было, мягко говоря, трудно. Кто же тогда охраняет «овец», пока такие, как Вовчик, охотятся?!.

Спустя еще пять минут лес отступил от дороги, и справа открылся вид на пустырь, декорированный хаотически разбросанными валунами, шатрами и вышками. Что-то вроде одичавшего «сада камней» посреди старого нефтезавода. Некоторые глыбы напоминали людей или ангелов, посеребренных светом луны. Потом «ровер» промчался мимо каменной арки с чугунной решеткой — абсурдных ворот, вводящих на открытую со всех сторон площадь. Это был заброшенный парк аттракционов. Ангелы превратились в дурацкие статуи сказочных героев, глыбы — в киоски, надгробья — в застывшие вагончики.

Стрелки часов подбирались к полуночи. Поселение, должно быть, совсем близко. Не таскали же они своих детишек развлекаться за тридевять земель! И действительно, навстречу уже выплывал типичный провинциальный городок, застроенный преимущественно одно- и двухэтажными домами. Но были и некоторые несоответствия. Яркое электрическое освещение, обилие рекламных щитов и вывесок наводили на мысль об автономном энергоснабжении. Если и так, то энергия пропадала даром. Улицы были безлюдны. Чем-то (может быть, огнями, не вязавшимися с патриархальным обликом) городишко напоминал Вовчику нелепый игровой автомат, торчавший на перекрестке, только этот был побольше и посложнее. Но зато и игра, вероятно, обещает куда более дорогостоящий приз.

Что заслуживало удивления, так это полное отсутствие автомобилей, а также телефонов. И ничего, хотя бы отдаленно похожего на почту. Шоссе сузилось и постепенно выродилось в проезжую часть обыкновенной улицы. Ни светофоров, ни постов. Похоже, Вовчика не обманули насчет весьма либеральных порядков. «Ровер» ворвался в город, будто камень, брошенный в застойный пруд и разогнавший по пути затхлый воздух. Но не более. Если он и потревожил кого-то из здешних обитателей, то пока это было незаметно.

Метров через триста он едва не задел колесом пьяницу, отдыхавшего прямо на дороге. Ночь была теплая, и тот мог себе это позволить. Бутылка из-под дешевого пойла валялась тут же. К немалому удивлению Вовчика пропойца проснулся от визга тормозов и уставился на радиаторную решетку «ровера» мутными глазами. Дальше он разговаривал, глядя исключительно на нее, будто это «губастый» кусок железа, а не водитель, задавал ему вопросы.

— Эй, дед, как называется это место?

— Называется? — переспросил тот.

— Ну да. Как-то оно должно называться?!

Пьянчужка с сомнением осмотрел асфальт под собой:

— Я бы сказал, что оно... ик!.. называется лужей.

— Понятно. Гребаный философ, да? Вообще-то я имел в виду город.

— А зачем его называть? Сюда никто не пишет. А приезжают только полные кретины вроде... ик!.. меня.

— Ладно. Допустим, я тоже полный кретин и захочу сюда вернуться...

Старик расхохотался. Потом, успокоившись, хитро прищурил слезящиеся глазки и помахал пальцем перед решеткой:

— Чтобы вернуться, надо уехать... ик!.. Правильно?

— Ну, а в чем проблема?

— Твоя проблема в том, что ты не сможешь уехать отсюда, парень. Но есть еще одна... ик!.. проблема. Ба-а-альшая проблема! Скоро приедет Бледный и со всеми разберется. Так что советую тебе расслабиться и напиться напоследок. Слушай, ик!.. дай денег! — попросил он безо всякого перехода.

— Проваливай, — сказал Вовчик сквозь зубы, поднимая стекло и включая скорость.

Вскоре он подрулил к заведению, где, судя по вывеске, можно было выпить, а заодно покатать шары. Биллиард он уважал. Игра для мужиков с мозгами, твердыми руками и крепкими ногами. А значит, и с крутыми яйцами.

Едва он вырубил двигатель, как запищал его мобильник. Вовчик хмыкнул и пару секунд соображал, что это означает — «огромную зону охвата», как на рекламе с облапанной женской жопой, или очередной местный прикол вроде заколдованного шоссе.

Он поднес трубку к уху, не произнося ни слова. Некоторое время он слушал гробовую тишину. Потом низкий и явно измененный голос произнес:

— Ты покойник, Вовчик.

Хихикнула женщина.

Отбой.

Вовчик сунул мобильник в карман и достал сигарету. С его лица не сходила кривая ухмылка, не обещавшая шутнику ничего хорошего. Странный звонок. Особенно, если знаешь, что дурацкое «хи-хи» принадлежит Иде, является частью ее имиджа и часто вводит в заблуждение тех, кто склонен к поспешным выводам.

План на случай ловушки созрел почти мгновенно. Вовчик взвесил все «за» и «против» и подвел баланс. Труп в машине связал бы руки кому угодно, но не здесь, где все можно взять силой и нахрапом. Дальше он действовал с учетом наименее благоприятного варианта.

Обе пушки в пружинных зажимах, укрепленных на пояснице, были практически незаметны под хорошо скроенным просторным пиджаком. Мягкая ткань почти не стесняла движений и заодно маскировала напряжение мышц. Стволы располагались параллельно позвоночнику. Плечевой пояс оставался нестесненным — поэтому Вовчик предпочитал именно такой способ ношения оружия. Ничто не мешало ему свободно двигаться во время рукопашной или вождения. Превратности профессии приучили его к тому, что иногда все зависит от самых незначительных преимуществ. А фраеров губят нелепые случайности.

Противоугонного устройства в «ровере» не было. Вовчик хотел бы видеть идиота, который угонит его тачку. Пацаны нашли и наказали бы ублюдка в течение двенадцати часов. «Но здесь — другое дело, так что без понтов!» — напомнил он себе и распахнул тяжелую дверь, на которую падали отблески неонового света от сиявшего в ночи слова «Дуплет».

Вышибалы на входе не было, хотя бар оказался большим и хорошо оборудованным — особенно для такого захолустья. Мерцающая гора бутылок по ту сторону стойки отдаленно напоминала макет горной гряды. Справа, на небольшом возвышении, располагались в ряд три биллиардных стола под прямоуголь-

ными зелеными абажурами. Играющих не было. В глубине виднелся подиум с подсветкой (чего-то там не хватало — наверное, все-таки девочек, занимающихся художественной гимнастикой топлесс). Звучала музыка — оптимальная по громкости и качеству. Она создавала мягкий звуковой фон и не более.

Вовчику всегда нравились такие пристойные спокойные места, где можно расслабиться и отдохнуть от трудов неправедных. А также праведных — они куда утомительнее... Правда, это заведение было что-то уж чересчур тихим. На немногочисленных физиономиях, повернувшихся в сторону вновь прибывшего с вялым подобием интереса, лежали одинаковые печати обреченности, которые не спутаешь ни с чем — даже с глубоким горем. Всякое горе рассасывается со временем, а тут в каждом глазу зияло по провалу, оканчивающемуся мертвым тупиком. Вовчик как специалист хорошо разбирался в этих нюансах. Уж кто-то, а он насмотрелся на своем веку на жертв и приговоренных.

Но какого черта? Если это бар для смертников, повесьте соответствующее объявление! Его тошнило от постных рож. Не менее странным казалось то, что обыватели равнодушно отворачивались, едва скользнув по нему взглядом. Обычно его появление привлекало излишнее внимание и с этим приходилось бороться.

И тут Вовчика осенило: неизлечимо больные! Вот кого собирали в этом городке, оплачивая им последние деньки и ночки. Тогда становилось ясно, почему эти кролики соглашались быть живыми мишенями в игре. Им уже нечего терять. А страховку для родных и близких заработать можно. Итак, городок — огромный хоспис, куда сплавляют отработанный материал. В этом случае кто выдал Вовчику путевочку? Что, если бывшие хозяева? Следовало отдать им должное — чувство юмора у них было отменное. Посмотрим только, кто будет смеяться последним. В предстоящей игре Вовчик проигрывать не собирался.

Он двинулся к стойке, на ходу навешивая ярлыки: шлюха, игрок, лопух, темная лошадка, задроченный муж, неудачник, дойная корова, рогоносец, бухгалтер. Он редко ошибался — там, на «большой земле». Здесь все могло быть с точностью до наоборот. Вовчик рулил прямо на черный «кис-кис», зная по опыту, что бармены способны быстро и точно ввести в курс дела. Однако этот кадр напоминал кусок мяса, подвергнутый глубокому замораживанию и запакованный в красивый костюм. Глаза неподвижно смотрели сквозь клиента. Злые и твердые на вид губы были склеены слюной. Волосы мышиного цвета закреплены лаком. И только белые пальцы порхали, хватая сияющие стаканы и перетирая их хрустящим полотенцем. Чувствовалось, что бармен делает это только для того, чтобы занять руки. Малый явно потерял интерес к профессии, да и к выручке, хотя еще сохранял внешний лоск и особый шик — просто по многолетней привычке.

Едва задница Вовчика успела соприкоснуться с поверхностью табурета, как по стойке к нему скользнула пепельница и остановилась в пятнадцати сантиметрах от края. Вот что значит школа! Он стряхнул в нее пепел и

сделал жест, известный каждому в его родном городе. Жест обозначал марку и количество жидкости.

Человек со стеклянными глазами, взгляд которых был направлен в никуда, понял его прекрасно. Вовчик отхлебнул из придвинутого бокала и поздравил себя с благополучным прибытием. Ему нравилось это заведение. По крайней мере, выпивка оказалась отличной. Что же касается траура, причин могло быть множество — сгорел детский сад или скончался всеобщий любимец-мэр.

— Как проехать к мотелю? — вежливо осведомился Вовчик, выбирая взглядом столик, желательно, с одинокой дамочкой в комплекте. Он был единственным посетителем «Дуплета», торчавшим у стойки, как лайнер у пирса, — самая неудобная позиция для изучения обстановки.

— Мотеля нет, — буркнул бармен безжизненным голосом.

— А что есть? — Вовчику послышалось что-то знакомое, почти родное. Таким тоном с ним разговаривали в тех местах, где отказывались платить по долгам. Вначале. Но в конце концов расплачиваться приходилось всем. Будь он у себя «дома», уже плюхнул бы бармена мордой об стойку и слегка повозил бы. Вместо полотенца. Для оживления беседы.

— Есть один семейный пансион, но там давно не берут постояльцев, — нехотя объяснил отморозок. — А теперь тем более... Здесь нечасто бывают гости, — добавил он будто в оправдание.

Вовчик погрозил ему пальцем.

— Ты что-то путаешь, приятель!

Он уже подсчитал, что за последнее время около сотни человек получили билеты в один конец. Конечно, это были не самые тихие люди, и кого-то из этой публики могли убить. Но если хотя бы половина из них выжила, они поставили бы город на уши. А отсутствие мотеля вообще казалось Вовчику абсурдом. Впрочем, даже если это правда, он знал, что делать. Найти бабу на одну или несколько ночей никогда не составляло для него труда. Он надеялся, что в машине спать не придется. Про Иду и дохляка он как-то забыл.

— Мы открыты круглосуточно, — намекнул бармен без энтузиазма.

— Уж не думаешь ли ты, что я буду до утра пялиться на твою рожу? — задал Вовчик резонный вопрос самым спокойным тоном. Теперь он улыбался, и в его улыбке было что-то безжалостное. Маленькие загадки этого городка не то чтобы раздражали его, но вызывали понятное желание расставить по местам все и всех.

В ответ бармен равнодушно пожал плечами. Похоже, его ничто не задевало. И причина этому — отнюдь не самообладание. Вовчик бросил на стойку смятую купюру, не задумываясь, в ходу ли здесь такие деньги.

— До утра — это не так уж долго, — сказал бармен сквозь зубы, аккуратно отсчитывая сдачу. Вот что добило Вовчика. Гнилой базар и особенно сдача, которую ему отсчитали с его полтинника, будто какому-то ме-

лочному лоху! Он никогда не видел и не слышал, чтобы болван, стоящий на разливе, позволял себе так много. Он мог бы достать пушку и заставить недоноска трепыхаться, моля о пощаде. Но, во-первых, Вовчик находился в благодушном настроении, а во-вторых, еще не выяснил расстановки сил. Кому-то же принадлежала эта лавочка!

— Когда начинается шоу? — он повел мощным подбородком в сторону подиума.

Тут бармен впервые сфокусировал на нем отрешенный взгляд и неожиданно улыбнулся — не от радости, а просто потому, что настала его очередь. Эта улыбка напоминала оскал черепа.

— Утром. — Сказал он сиплым голосом. — Шоу будет незабываемым. Это я вам гарантирую.

В половине третьего Вовчик решил свалить из «Дуплета» и найти себе компанию. Например, веселую вдовушку, однако глубокой ночью в провинции это казалось абсолютно утопичным. Вовчик слыл реалистом. В баре не подвернулось ничего подходящего. И что интересно: шалав был полный набор — от малолеток до «ягодок опять», — но все какие-то... раскаившиеся. И непременно в сопровождении местных лабухов.

Хрусты карманы распирают, а он один, как монах, — комедия! Вовчик еще не настолько оборзел и оголодал, чтобы поднимать шум из-за телки. Единственная свободная баба была страшна, как смертный грех. Он скорее трахнул бы Иду... А что? Взять и проучить старушку! Только ведь получится не наука, а подарочек жизни. Вот тебе, выкуси, старая стерва!..

Снаружи его ожидал первый неприятный сюрприз. Кто-то изуродовал дверцу «ровера», выцарапав на ней гвоздем: «Демон, прочь!». Вовчик не стал нервничать, тем более палить по витринам, но очень хотелось. Аж руки чесались. Он знал, что задержится здесь и обязательно найдет борзописца. И тогда тот оплатит ремонт с процентами.

Вовчик огляделся. Ряды сверкающих пятен тянулись в обе стороны. Луны, помеченной черепом, не было видно из-за крыш. Ее бледное свечение с успехом заменили уличные огни. Кроме всего прочего, это был городок редкостных чистоплюев. На тротуарах — ни единого окурка. Чудовищные по своему уродству урны в виде пингвинов с распахнутыми клювами торчали через каждые двадцать-тридцать шагов.

Чуть ли не впервые в жизни Вовчик поймал себя на иррациональном ощущении погруженности в безвременный вялотекущий кошмар. Куда ни направишься — всюду ночь, отодвинутая за границу света и тьмы, и глубокое человеческое молчание по ту сторону дыхания и бессмысленной речи. Впрочем, он был слишком большим оптимистом, чтобы лелеять подобные эмоции. Вовчик решил положиться на случай и покатил вниз по улице.

Некоторое время ничего не менялось, за исключением вывесок, рекламных щитов и контуров зданий. Город напоминал дохлого червя — сегменты кварталов были нанизаны на парализованный нерв главной улицы. Чертовски длинный нерв...

Прямая прерывалась пятном центральной и единственной площади. Огромная пустая поляна, мощеная булыжником. Возле мэрии никто не дежурил. На флагштоке болтался флаг. Его цвета и рисунок не подлежали определению в темноте и при полном безветрии. Зато двери противостоящей церкви были широко распахнуты; оттуда пробивались лучи теплого золотистого оттенка, образовывавшие зыбкую корону. «Ровер» съехал с брусчатки, на которой ощущалось что-то вроде мелкой дрожи, и площадь осталась позади.

— Куда ты завез меня, паскуда?! — рявкнул знакомый голос.

Вовчик обладал отменными нервами и даже не вздрогнул, хотя старческий скрип раздался возле самого уха. Он демонстративно сунул в это ухо мизинец, на котором тускло поблескивала яшма, и поковырял в раковине, спрыснутой дорогим одеколоном... Хорошо, что Ида сразу не воткнула свои ногти ему в глаза — наверное, просто ждала, когда «ровер» остановится. Старая тварь, а жить тоже хочет!

Он притормозил и обернулся. Мамаше почти удалось высвободить правую руку. Он ее недооценил. Она быстро смекнула, что и как, а запястья у Иды были тоньше, чем у десятилетнего ребенка.

— Что, хочешь погулять? — спросил он, думая о том, что страховка ему, наверное, больше не понадобится.

Против ожидания, Ида не ругалась. Она даже пожалела его:

— Ты же был умным мальчиком...

— Поэтому решил сменить климат.

—...Умер бы тихонько, — продолжала мамаша невозмутимо. — Больно не было бы, клянусь. А так всем хлопоты. Тебя достанут, родной. И раньше, чем ты думаешь.

— Это вряд ли.

— Слушай, убрал бы ты жмурика, а? От него воняет.

— Не может быть. Он совсем свежий. Свежее, чем ты думаешь.

Вовчик посмотрел в зеркало заднего вида. В двадцати шагах позади «ровера» сидела собака грязно-белой масти. В зрачках тлели красные точки — скорее всего, отражения габаритных огней автомобиля. Справа от дороги тянулся глухой кирпичный забор; слева находился «Салон ритуальных услуг». Вовчик улыбнулся при мысли о том, что будет, завались он туда с покойником (или с двумя). Возможно, будет весело, но экспериментировать не стоило.

— Чего лыбишься? — спросила Ида подозрительно. Он понял, что хотя старуха неплохо держится, ей все же не по себе. Это было написано на ее сморщенном лобике. Она гадала, что он сделает с нею в следующую минуту. Она знала правила, но Вовчик снова обманул ее ожидания.

Он перегнулся через спинку, расстегнул наручники и открыл дверцу.

— Катись.

— Я тебе лично яйца отрежу и заспиртую на память, — пообещала Ида, неуклюже выбираясь на дорогу. Ее затекшие ноги дрожали. Похоже, она все еще не верила в освобождение и опасалась пули в затылок. Правила предписывали убрать бабульку и зарыть поглубже, однако Вовчик подозревал, что с некоторых пор правила сильно изменились. Здесь Ида представляла для него не большую угрозу, чем бродячая собака, а жизнь старухи, абсолютно беспомощной без ее «мальчиков», стоила еще меньше. Кстати, никакого запаха, кроме аромата кожаных чехлов, он не почуял.

Вовчик включил передачу и медленно поехал дальше, наблюдая за тем, как растворяется в полутьме силуэт Иды. Мамаша торопилась слинять, пока он не передумал. Белый пес, наоборот, потрусил за «ровером». Он не приближался, но оставался в пределах видимости.

Похоже, бармен не обманул. В городе не было ни гостиниц, ни мотелей. Более того — Вовчик не видел гаражей или заправочных станций. Так что за бензином придется ехать на ту единственную, которую он встретил по пути сюда. И до сих пор — ни одной припаркованной или движущейся тачки. Может, тут живут одни «зеленые»? Не надышатся перед смертью чистым воздухом. Впрочем, было не похоже, что все обреченные вернулись к природе. Он устал. Это не значит, что в случае необходимости он не продержался бы еще пару суток без сна. Но он хотел быть в форме, когда начнется игра. А может быть, игра УЖЕ началась? От этой мысли становилось как-то не по себе. Дождаться бы утра. С местными обычаями лучше знакомиться при дневном свете...

Смирившись с тем, что придется спать в машине, Вовчик выбирал место для стоянки. Даже с этим были проблемы. Втиснуться на узкий тротуар удавалось только правыми колесами, что создавало дополнительные неудобства. Небольшая площадка перед каким-то кафе наконец показалась Вовчику подходящей. Днем здесь, наверное, расставляли столики, которые сейчас пылились под полотняным навесом вместе с перевернутыми пластиковыми стульями.

Вовчик развернул «ровер» капотом к дороге и выключил фары. На стеклянной витрине, оказавшейся слева, можно было прочесть: «Кафе-кондитерская Сладкая Люся». Закрывая глаза, Вовчик попытался представить себе эту Люсю. Напрасное занятие; очень скоро он узрел ее во плоти.

Что-то глухо стукнуло в боковое стекло. Реакция засыпающего Вовчика была мгновенной. Он отклонился, убирая голову с линии возможного удара; рука метнулась за пушкой и остановилась на пол-пути. По ту сторону стекла возникла розовая фигура. Ее можно было принять за привидение, но только спросонья. «Сладкая и вдобавок пышная», — подумал Вовчик, с удовольствием разглядывая рыхлые телеса и лицо, похожее на ком теста с

отверстиями, проделанными штопором. Что поделаешь, он западал на мясистых баб.

Нелепые голубоватые букли, венчавшие голову, выглядели как плохой парик, хотя волосы были настоящими. Ночная рубашка почти не скрывала монументальных форм. Два пухлых кулака забарабанили по стеклу. Вовчик вполне мог представить себе подобный персонаж — например, где-нибудь на тонущей посудине во время шторма, когда одна из пассажирок обнаруживает, что от борта отвалила последняя шлюпка, в которой ей не хватило места, — но, уж конечно, не глубокой ночью в сонном захудалом городке.

— Откройте! — умоляла «сладкая», растекшись грудью по лобовому стеклу. Еще немного — и она влезла бы на крышку капота. У Вовчика были веские основания полагать, что крышка прогнется. «Ровер» ощутимо покачивался на рессорах. «Танк, а не баба», — вяло заключил Вовчик, проклиная это место, где не было самого элементарного — кроватки в тихой комнатке для одного тихого уставшего человечка.

— Помогите! Откройте!.. — вопила Люська, разевая рот по ту сторону стекла, как аквариумная рыба. — Прошу вас! Скорее! Еще не поздно...

Вовчик не столько слышал эти назойливые заклинания, сколько читал по губам. Вскоре ему наскучило. Он зевнул и потянулся так, что хрустнули суставы. Потом всключил CD-чейнджер. Он терпеливо ждал, когда толстуха отлипнет от его машины. По-хорошему. Если же нет, он собирался отучить ее от дурных привычек и вылечить от бессонницы.

Но тут позади «сладкой» появился плюгавенький мужичок — тоже в исподнем, зато вооруженный черенком от лопаты. Не иначе как Люськин супруг. Он подкрался, размахнулся и без предупреждения перетянул свою благоверную поперек спины. Рыхлое лицо исчезло; осталась только огромная распахнутая глотка, в которой можно было разглядеть гланды.

Вовчик снова почти наслаждался, вкушая немое кино. В полутьме кино было почти черно-белым. Вместо тапера лабал какой-то джазовый клоун, которого Вовчик обычно включал во время долгих ночных перегонов, чтобы не заснуть.

А мужичонка, похоже, совсем слетел с рельсов. Черенок замелькал с чудовищной частотой. Люська сползла куда-то вниз, оставив на стекле темные следы.

Вовчик ненавидел, когда пачкали его машину. Тем более кровью. Тем более, что тут не было автомоек.

Он с трудом распахнул дверцу — для этого пришлось отодвинуть стодвадцатикилограммовую тушу в сторону. Мужик был в исступлении и не обращал на него ни малейшего внимания. Черенок врезался в мясо, издавая забавные глухие шлепки. Люська громко и очень эротично стонала. От тяжких телесных повреждений ее надежно защищал толстый жировой слой. Но если тесто может посинеть, это был тот самый случай.

— Я тебе покажу, как убегать, сука! — приговаривал экзекутор, рыча от удовлетворения. — Я тебе покажу «спасение»! Я тебе покажу «еще не поздно»! Прикончу, падла! Все равно недолго осталось!..

— Слушай, мужик, может, достаточно? — сказал Вовчик, с отвращением глядя на поцарапанную, а теперь еще и испачканную дверцу. Смазанные отпечатки ладоней тянулись до самого низа.

Драчун сделал паузу и навел на него налитые кровью глазки. Вероятно, он впервые воспринял Вовчика в качестве фрагмента объективной реальности. Затем он пнул «сладкую» ногой.

— Ой! — сказала Люська. И оргазмически застонала:

— О-о-о!..

— Это ведь мое! — сказал мужик. — Что хочу, то и делаю.

Возразить было нечего. Вовчик и сам придерживался подобных принципов. Собственность надо чтить — иначе во что превратится этот и без того испорченный люмпенами мир?..

Снизу раздался какой-то хлюпающий звук. Бродячий пес слизывал кровь с асфальта, подбираясь к Люськиной голове.

— А ну забери свою шавку! — с угрозой сказал мужик, подготавливая черенок, который он держал, как городошную биту. Без этой деревяшки он был бы для Вовчика смехотворным противником. Но и так не представлял собой ничего серьезного.

Пес поднял голову, будто понял, что речь идет о нем. Он пристально уставился на Вовчика. Его зрачки и теперь были красными, словно тлеющие уголья, хотя отражаться в них было вроде нечему. Когда Вовчик обратил внимание на розовый нос и цвет внутренних частей стоячих ушей, ему стало ясно, что перед ним альбинос. Если таковые вообще встречаются среди собачьего племени. «Впрочем, луну с черепом тебе тоже не покажут ни в одном планетарии...»

Пес пялился на Вовчика неотрывно, как будто ждал от него каких-то действий. Или приказа. Или искал защиты. Или одобрения. Потом он снова пригнул голову и слизал кровь с губ женщины.

Люська поморщилась, будто ей поднесли под нос склянку с нашатырем, а мужик с истошным криком «Ах ты, блядь!» замахнулся для удара, который вполне мог раздробить собачий череп. Внезапно и у него возникла проблема.

Проблема состояла в том, что черенок, описавший широкую дугу, задел по пути злосчастный «ровер». На крыле появилась длинная уродливая вмятина.

Этого Вовчик, чтивший свою собственность превыше любой другой, уже не вынес. Его реакция была мгновенной, как будто внутри кто-то отпустил заведенную пружину. На несколько секунд он позволил себе потерять контроль. За это короткое время он успел сломать плюгавому руку, вытащить пистолет и привести рукоятку в соприкосновение с его же левой височной областью. Соприкосновение получилось чуть более сильным, чем

надо. Мужик дернулся, хрюкнул, обмяк, потемнел и рухнул рядом со своей половиной. И сделался неподвижен.

Вот тут-то Вовчик понял: с трупами выходит явный перебор. Как в черной комедии. Со стороны смешно, но он-то не видик смотрит!

Из города придется убираться. Чем раньше, тем лучше. Прямо сейчас? Точно! А ведь он так хотел узнать, что это такое — заслуженно спокойная жизнь мирного обеспеченного пенсионера. Да, видать, не судьба! Игра получается дурацкой. Вместо противника — унылые кретины. Вместо обещанной призовой охоты на двуногую дичь — сплошные недоразумения. Каково это — иметь все, что душа пожелает, и за одну ночь превратиться в Вечного Жида? Вовчик стал противен сам себе. Раньше он не размякал; наверное, этот чертов хоспис для конченых так на него действует...

Он влез на водительское сидение и обнаружил справа от себя прыщеватое создание, совсем недавно отпраздновавшее первую менструацию. Создание было одето в грязноватый халатик со слониками. Оно задрало босые ноги на переднюю панель и сосало «чупа-чупс».

— Ты кто такая, мать твою?! — Вовчика начало тошнить от липнувших к нему аборигенов. Ощущение того, что его вот-вот затянет новое болото, и он уже по колено в дерьме, было вполне убедительным, почти физиологическим. Чуть пошевелись — и в штанах зачавкает...

— Гы, — сказало создание, демонстрируя небольшую задержку в умственном развитии — лет этак на десять — и дефекты речи. — Покатаеф, дядя? А я тебе конфефу дам.

Вовчик уже протянул руку, чтобы схватить эту недоделанную Лолиту за пучок осветленных перекисью волос и вышвырнуть вон, но потом вдруг передумал. Он решил взять девчонку с собой. Будет чем торговаться с легавыми. Теперь он почему-то был уверен, что легавые в этом городе все-таки есть. Во всяком случае, есть кто-то, надзирающий за порядком. Кто-то, кого местные до смерти боятся.

— Покатаю, — нехорошо улыбнулся он. — Перебирайся назад... к дедушке.

— Дедуфка шпит?

— Ага. Вечным сном. И ты поспи.

Он развернул «ровер» так, чтобы продолжать движение на запад. Возврата, конечно же, не было.

— Ты будеф ехать быфтро? — спросила девчонка, положив голову на колени «дедушке», завернутому в плащ.

— Быстро.

— Это хорофо. Папка фказал, что утром мы фсе умрем.

— Ну, насчет себя твой папка угадал. А что он еще сказал?

— Что придет... как ефо... забыла...

— Кто придет?

— Пс-с-с-с...

Девка уже засыпала, посасывая вместо карамели свой большой палец.

«Дурдом», — покачал головой Вовчик и вдавил в коврик педаль газа. Не было смысла проявлять осторожность. «Ровер» понесся по улице, как пуля.

Альбинос оторвался от своего теплого коктейля с одуряющим запахом и долго смотрел вслед удаляющимся красным фонарям, пока они стали неотличимыми от его собственных зрачков. Он даже не дернулся — знал, что ему не догнать металлическое зловонное чудовище. Или знал что-то еще...

И снова была прямая лента шоссе, ныряющая в черную дыру запада, и темные поля слева и справа, заросшие сорняками, и багровеющая луна с черепом, все больше похожая на надрезанный апельсин. Однажды Вовчику показалось, будто через поле бредет кто-то — изломанная фигура во всем черном, если не считать белого воротника и белых же манжет. Какая-то нелепая шляпа скрывала лицо. Незнакомец двигался размашистыми шагами; когда его и «ровер» разделяло минимальное расстояние, девка вдруг громко застонала во сне. Вовчик ощутил, как холодный ветер лизнул его коротко стриженый затылок — невесть откуда взявшийся ветер внутри наглухо закупоренной металлической коробки... Существо в черном вытянуло руку и показало кулак с отставленным большим пальцем. Возможно, оно голосовало, а, возможно, давало понять, что у него все классно. Или у Вовчика все классно. Или у них обоих.

Во всяком случае, Вовчик даже не сбросил скорости. Закрытая зона его достала. Глаза слипались. Вдруг оказалось, что можно с вожделением думать о такой чепухе, как чашка кофе или амфетамины. Вовчик не догадался захватить с собой термос. Он представлял себе зону чем-то вроде электрифицированного «дикого» запада, где все продается или достается сильному задаром. Подобные правила пришлись бы ему по душе. Старые, первобытные правила — без этой демократической гнильцы, свидетельствующей о вырождении...

Он поклацал клавишами приемника. Весь FM-диапазон был по-прежнему пуст, как в канун изобретения радио. Музыкальная жвачка на компакт-дисках давно осточертела. Пришлось слушать шорох шин и гул набегающего потока воздуха, которые действовали лучше любой колыбельной. Несколько раз Вовчик вскидывал голову и ловил себя на том, что уже гремел бы костями в кювете, если бы дорога не была идеально прямой. О возможности столкновения со встречными автомобилями он и не вспоминал. А возникни сейчас перед бампером очередной придурок на кляче — задавил бы почти с удовольствием...

Слабые огни впереди показались раньше, чем он предполагал. На его часах было около половины четвертого. Дорогой хронометр не обманывал — и где же тогда обещанный рассвет?

Судя по небольшим размерам освещенного пространства, он подъезжал к следующему придорожному балагану. Понимание пришло вскоре. Так

проявляется фотобумага: сначала видишь только пятна разной интенсивности, потом наступает момент узнавания. Хаотическая мозаика складывается во вполне определенную картинку.

С каким-то кислым привкусом во рту и туманом в мозгах Вовчик пересек городскую черту. Он УЗНАВАЛ. Придорожные столбы, заборы, витрины, дома, деревья, идиотские урны-пингвины... Все, что он видел совсем недавно, — только в зеркальном отображении. «Какого черта...» — прошептал он, чувствуя, что готов отдать очень многое за пару глотков коньяка.

Проехав мимо кафе-кондитерской «Сладкая Люся», возле которого по-прежнему лежали два тела — одно большое и рыхлое, второе маленькое и скорченное, — он остановился, заглушил двигатель и надавал себе пощечин, а потом потер уши. Кровь прилила к голове, и Вовчик начал мыслить.

Этому предшествовало несколько подготовительных операций. Он подвигал нижней челюстью, поскрипел металлокерамикой («потрясающий эффект живых зубов!») и постучал перстнями. Перстней было несколько. Их перестук оказывал на него релаксирующее и в то же время организующее воздействие. По-видимому, перстни выполняли ту же функцию, что и четки у менее высокоразвитых личностей. Вовчик, конечно, не молился, но приводил мысли в порядок.

Вскоре он поставил несколько простейших экспериментов над собой, которые доказывали со всей определенностью, что он не спит — по крайней мере, в обыденном смысле слова. Ну, а как насчет субъективно-идеалистических заморочек? К блужданию в дебрях различных философских систем Вовчик испытывал здоровое отвращение. Можно было подвести промежуточные итоги. Он въехал в город по той же дороге, по которой выехал полчаса назад. При этом он ни разу не сворачивал. За время его «отсутствия» правое и левое, север и юг поменялись местами. Он долго пялился на свои руки, чтобы убедиться в том, что не превратился в девочку из Зазеркалья. Эту, как ее... Алису хренову. Хронометр по-прежнему болтался на ЛЕВОМ запястье, а на мизинец ПРАВОЙ все еще было надето кольцо с яшмой. Для полной ясности Вовчик достал из-под рубашки нательный крест и прочел выгравированную на нем надпись — как полагается, слева направо: «Спаси и сохрани!». Крест был единственной вещью, которая оставалась у него на память о матери. Сам Вовчик, конечно, не верил, что с Иисусом — даже если бы тот существовал — можно было бы так просто договориться. Иисус — это тебе не ФСБ и даже не прокуратура!..

Он посмотрел вперед через лобовое стекло. В свете фар скользили седые клочья предутреннего тумана. Белый пес казался сгустком чуть более устойчивой формы. Увидев его, Вовчик испытал необъяснимое облегчение, будто встретил земляка в чужой стране. И вместе с тем он вспомнил, что видел когда-то похожую электронно-механическую игрушку с глазами-

светодиодами. Игрушка была довольно зловещей и явно не пользовалась успехом у нормальных детишек. А ненормальных всегда маньше.

Взвесив оставшиеся варианты, Вовчик направился к церкви. Девчонка сладко спала на заднем сидении, тесно прильнув к «дедушке». Что делать с обоими, Вовчик еще не придумал. Утром решит. Для начала надо было обзавестись хоть какой-нибудь крышей — в прямом и переносном смысле. К попам он относился равнодушно, как к пацанам, не посягавшим на чужой бизнес и чужие интересы. По его мнению, попы были вполне безобидными пастухами.

Церковная дверь по-прежнему была широко распахнута. Яркий свет, бивший изнутри, освещал половину двора и часть площади. Справа от высокого крыльца съежилась какая-то совсем уж доходная бабулька.

Вовчик поставил «ровер» за церковной оградой и вошел в открытую калитку. В глубине двора находился источник, защищенный от дождя павильоном с благочестивыми рисунками, черно-белыми в сумерках. Тихо журчала освященная водичка. Купола, возносившиеся ввысь, казались бычьими сердцами в красноватом сиянии подсветки. Из церкви доносилось пение. Стройное, многоголосое и трагическое.

Когда Вовчик взошел на верхнюю ступеньку, на дверь упал бледный луч. Луч теплого, «живого» света, казавшегося почти вещественным среди холодных электрических призраков... Вовчик обернулся. С церковного крыльца восточная часть горизонта просматривалась как на ладони. Ни одно здание, дерево или даже куст не заслоняли место восхода. Возникала иллюзия, что туда ведет долгий спуск, заканчивающийся пропастью, из которой может выбраться только солнце.

Солнце действительно восходило. Новые, косые лучи слегка посеребрили облака. В ту же секунду пение стихло. Вовчик услышал напряженное дыхание десятков, если не сотни людей. «Так вот где они все!» — подумал он ошеломленно. Церковь вместо ночного клуба — подобное не снилось ему и в страшных снах. Психологии местных извращенцев он не постигал, хоть убей. «Точно, хоспис! — решил Вовчик. — А я сдохну здесь не от пули, а от скуки...»

Он вошел под высокие своды, не перекрестившись. «Клоуна они из меня не сделают!» Электроэнергию тут действительно не экономили. Сверху свисали люстры с десятками лампочек в виде свечек. Настоящие свечки казались красноватыми светляками, роившимися возле икон. Люди сбились в плотную массу. Вовчик остановился за спинами задних, имея пространство для маневра.

Обреченные косились на него, как косились бы на любой новый предмет, возникший в поле зрения. Многие женщины были с детьми, а некоторые мужчины и не думали прятать оружие. Кстати, погремушки были так себе... Дети не спали и выглядели смертельно уставшими. На хорах засты-

ли певчие, похожие на младший медицинский персонал, набранный из числа самых безразличных и тупых пациентов.

Из-за иконостаса появился толстый и представительный поп с окладистой бородой и огромным золотым крестом на брюхе. Глаза нового артиста горели лихорадочным огнем, будто у полководца перед решающей битвой. Гробовую тишину нарушало только однообразное шарканье его подошв да еще сверчок, издававший удивительно мирный звук. Вблизи становилось видно, что поп не слишком аккуратен. Его одеяние было кое-где побито молью и заляпано томатным соусом. А может, и не соусом.

Вовчик впервые в жизни присутствовал на проповеди. Вначале ему понравилось. Это было поучительно и цивилизованно. Суровый седовласый священник высказался не очень вразумительно, зато без слюней — будто император на сборище патрициев, погрязших в удовольствиях, но не находящих удовлетворения. И вдобавок столкнувшихся теперь с необходимостью оплатить порочное времяпровождение.

— Братья и сестры во Христе! Бледный уже близко! Все вы собрались здесь с единственной целью. Многие из вас не осознают этого, но у меня богатый опыт. Сегодня ночью я заглянул в глубину ваших душ, а утром, может быть, загляну еще глубже. Цель каждого из вас — поиск свободы.

Всю жизнь вы гоняетесь за жалким призраком. Безрезультатно — потому что вы не там искали. Наш город — это место, где призрак Бледного обретает плоть. Потом призрак обретает кровь. Вы знаете, что для этого нужно — пистолет или нож. Кровоточащий призрак — уже нечто материальное. Плоть и кровь — это наши грешные тела, хрупкие и безнадежно тяжелые оболочки, в которые заключены чистые и трепетные души, по-настоящему алчущие одного — освобождения! Путь к свободе лежит через изобильные города греха или пустыню святости. Первый путь тяжел; второй — труден неимоверно, бесконечно. Вы слишком слабы для второго пути. Впрочем, если кто-то хочет попробовать, задняя дверь моей конторы всегда открыта. Билет бесплатный, а средство от искушений обойдется любому из вас всего в сотню зеленых. Но поговорим о насущном. Бледный — воплощенное наказание. Напоминание о том, что высшая справедливость существует. Вам уже напомнили, и вам уже не забыть об этом никогда. Используйте предоставленную возможность! Грех — это прозревшая природа; беспечный путник, впервые оглянувшийся назад. До тех пор лишь демоны и волки видели его спину, а теперь он сам видит оборотней! До того он шел, а теперь ползет, придавленный к грязи грузом своих фантазий и убогой морали. Его демоны навеки с ним! Они вселяются в тех, кого он встречает по пути; оборотни меняют лица и морды, лгут и искушают бесконечно. И тогда уже все равно — двигаться по кругу или замереть в неподвижности... (В этом месте Вовчик зевнул — ему стало скучно.) Ничто не спасет ваши тела! Близится последний час, минута расплаты. Я знаю ваш страх и вижу среди вас невинных детей. Впустите Бога в свои сердца с такой же

готовностью, с какой вы впускаете оборотней, и, может быть, спасете хотя бы души!.. Я не говорю про кучку отщепенцев, пропивающих свой последний шанс и погрязших в блуде. Они — паршивые овцы; их участь будет ужасна, и ужас будет длиться вечно... Я знаю еще кое-что. Некоторые из вас пытались сбежать. Сейчас они отводят глаза. (Кто-кто, а Вовчик и не думал отводить глаза. Наоборот, он пристально наблюдал за попом, пытаясь поймать момент, когда на сытой морде мелькнет тень улыбки.) Надеюсь, они поняли свою ошибку и раскаялись. Это было глупо, не правда ли? Бледный назначил встречу КАЖДОМУ из вас. ЗДЕСЬ. СЕГОДНЯ. Неужели вы, жалкие идиоты, думали, что он изменит свое решение?!.

Обрюзгшая, дурно пахнущая баба отделилась от толпы и оказалась рядом с Вовчиком. Она проворно сунула руку ему в пах и зашептала:

— Увези меня отсюда, красавчик! Они все здесь психи!..

— А те, в «Дуплете»?

— Конченые психи.

— Отвечаешь? Как насчет тебя?.. Убери руку!

— Я-то в порядке. Если не хочешь, чтобы Бледный тебя выпотрошил...

— Слушай, он начинает мне нравиться, этот ваш маньяк. В натуре. Ты его уже видела?

— Смеешься? Не теряй времени, скоро рассветет.

— Блевать от тебя хочется. Убирайся.

— Скот! Все мужики — скоты, — обреченно констатировала опустившаяся шлюшонка. — Когда я была помоложе, такие, как ты, лизали мне...

— Гонишь, подруга! Заткни пасть и топай отсюда.

Она отошла, бормоча ругательства.

В этот момент от входа потянуло дымком. Поп замолк. Все обернулись.

На пороге церкви сидел альбинос с красными светящимися глазами. Доска перед ним была истерта до желтизны множеством подошв. И сейчас она горела бело-голубым пламенем. Пес мог бы без труда перескочить через нее, но не делал этого. Он сидел и ждал чего-то. Или кого-то?

Какая-то женщина вскрикнула в наступившей тишине. Истерично заплакал ребенок. Раздалось характерное клацанье затвора. У кого-то сдали нервишки...

— Это собака Бледного!! — вдруг заорал поп, тыча в белую тварь пальцем. — Бледный в городе! Готовьтесь, несчастные! Молись, проклятое племя!..

Вовчику все это показалось бы немного смешным, если бы он не был смертельно уставшим. Он все еще не догонял, почему такая орава вооруженных мужиков не может завалить какого-то Бледного, пусть даже и крутого...

Тем временем отдельные языки огня слились в сплошную полосу, а затем занялась деревянная дверь. До людей, стоявших поблизости, наконец, дошло, что они могут оказаться в огненной ловушке. Толпа с воплями хлынула наружу, подхватив Вовчика, как поток подхватывает бревно. Пес мгновенно убрался из-под ног, избежав опасности затаптывания.

Вовчику пришлось поработать локтями, прежде чем его вынесло к ограде и он с трудом протиснулся через калитку. В результате он отвоевал себе кусок жизненного пространства и оказался в относительно спокойном месте. Вопреки его ожиданиям, паники не возникло. Подошвы бегущих сбили пламя; на пороге не осталось даже тлеющих углей. Дверь горела бы дольше, но под наружной деревянной панелью была стальная плита. Похоже, после того, как пес убрался, огонь и так погас бы сам собой. Кто-то метнулся к источнику, принес ведро воды и плеснул на дверь. Раздалось шипение; повалил дым, который быстро рассеялся.

Возбужденные прихожане бродили по площади, не зная, что делать дальше. Семенящий поп выскочил из церкви последним. Он обливался потом, ежесекундно крестился и бормотал молитвы. Эпизод был исчерпан. Пожар не состоялся. Зато снаружи всех ожидал очередной сюрприз.

Электрическое освещение разом погасло. Луна с черепом опустилась за линию горизонта. Закатилась куда-то, как потерянная монета... Только сияющая зыбкая корона надвигалась с востока, прогоняя сумерки. Возле «ровера» торчала мамаша Ида, царапая толпу взглядом. Наверное, искала Вовчика.

— Кретины! — завопила она, когда увидела высокую плотную фигуру. Вовчика было трудно не заметить. — Тот, кого вы ждете, не придет! Его убил вот этот ублюдок!

— Ты что, не в себе, старая? — проворчал поп. — Что ты мелешь?

— Молчи, жирный болван! — отрезала Ида. — Иди и посмотри сам. Вон там, на заднем сидении!

Она ткнула пальцем в «ровер». Вовчик скривился. Зря все-таки не шлепнул ведьму! У нее хватило ума попытаться натравить на него местных. Впрочем, такой вариант развития событий Вовчика устраивал. Разборки — это была его стихия. «Если кто-нибудь дотронется до моей тачки, отвяжусь по полной программе!..»

Поп осторожно приблизился к машине и заглянул внутрь салона, приложив ладони к вискам. Вовчик держал паузу. «Сейчас начнется. Уложу передних, остальные сбегут. Бойцов тут нету. Одни жабы.»

Неизвестно, что поп разглядел через тонированное стекло, но когда он обернулся, это был другой человек. Приговоренный к «вышке», которого внезапно помиловали за минуту до казни.

— Благодарю тебя, Господи! — закричал он, воздев руки к небу, но глядя при этом на Вовчика с невесть откуда взявшимся исступленным обожанием. — Ты послал нам во спасение своего слугу! На колени, заблудшее стадо! Благодарите Его за отсрочку!

— Спаситель! Спаситель! — завизжали тонкие и восторженные бабьи голоса. Большая часть собравшегося народа и впрямь бухнулась на колени. К Вовчику тянулись руки, будто он был святым, одно прикосновение к которо-

му исцеляет от неизлечимых болезней и отменяет действие неумолимого времени. На него были направлены взгляды благодарно сиявших глаз. Это была минута невероятной, неповторимой славы. Это было прекрасно! Впервые его обожали ИСКРЕННЕ, а не за деньги. Можно было упиваться своим неожиданным величием и даже извлечь из него какую-нибудь практическую пользу, но Вовчику не дали развернуться. Времени почти не осталось. Пока же он с ухмылкой наблюдал за разыгравшимся спектаклем, гадая, кто настоящий режиссер и кем на самом деле является поп — аферистом или гениальным импровизатором. Однако больше всего его интересовало другое — когда же, черт подери, наконец удастся придавить подушку?!

И тут раздался металлический щелчок, услышанный далеко не всеми. Задняя дверца «ровера» приоткрылась. Из образовавшейся щели протянулась рука, по которой можно было изучать строение верхних человеческих конечностей. Потом снаружи появилось все остальное, и у попа подкосились ноги.

Из протянутой руки торчали осколки стекла. Они отбрасывали во все стороны радужные отблески, разлагая на составляющие свет утренней зари. Эти маленькие мелькающие радуги завораживали... Прямо из ладони сыпался песок — на землю, ибо колба песочных часов была раздавлена. Отсчет времени заканчивался.

Песок к песку. Пыль к пыли. Прах к праху...

Бледный вылез и потянулся так, что раздался звук, напоминающий перестук костей, которые встряхивают в стакане. При этом он улыбался.

— Классная тачка. Твоя? — спросил он у Вовчика, нацелив на того костлявый палец. Зрачков у Бледного не было (в глазницах вязко клубился мрак) и, соответственно, не было ВЗГЛЯДА в привычном смысле слова (хотя каждый из собравшихся на площади кожей и трепетной душонкой ощущал ПРИСУТСТВИЕ). Голос воскресшего урода оказался шипящим, будто вместо истлевших голосовых связок в его глотке был установлен синтезатор речи с пробитым динамиком.

Вовчик проглотил комок обильно выделившейся слюны и тупо кивнул. Слов у него не нашлось. Пока. Зато были две пушки, о чем он вспомнил очень скоро.

— Спасибо, что подбросил, — сказал Бледный. — На моей кляче хер успеешь куда-нибудь. А так даже выспался хорошенько... — Он шутливо погрозил Вовчику пальцем: — Смотри, куда едешь, родной!

На Вовчика «наезжали» нечасто. Когда такое все же случалось, он испытывал только холодную злобу. Сейчас его посетило неизвестное ему ранее чувство вины. Это было настолько противоестественно, что захотелось врезать самому себе по челюсти.

—...Дедуфка, а пофему у фебя разные руки? — раздался писклявый голосок.

Из «ровера» высунулось заспанное личико «Лолиты».

— Чтобы удобнее было косить, детка, — произнес монстр с невыразимым сарказмом и подмигнул попу, судорожно ловившему ртом воздух. Воздуха в поднебесье было полно, однако попу явно не хватало.

— Фто косить?

— Газоны, — в пробитом динамике заклокотал жуткий полумеханический смех.

Бледный отбросил сверкающие осколки колбы, переложил нож в правую, «рабочую» клешню и вытащил лезвие, испачканное во что-то коричневое. Охреневший Вовчик почему-то был уверен, что эти пятна на металле — точно не соус. Он потянулся за своими пушками. Плохие предчувствия? О, да. Осознание непоправимой ошибки? О, да. И какое-то поганое бессилие, будто в кошмарном сне. И неописуемый морок. И парализующий страх... Скованные непонятным влиянием мышцы еще кое-как работали, но сам он уже окончательно поверил в то, что пушки ему не помогут...

Тонкая струйка песка, сыпавшегося из ладони, иссякла.

Время истекло.

На глазах у всей толпы Бледный начал расти, а его нож стал вытягиваться и изгибаться, превращаясь постепенно в огромную косу...

Святослав Логинов

К вопросу о классификации европейских драконов

Драконы давно и прочно обосновались в европейской мифологии. Об этих странных существах знали еще древние греки, а в Средние века драконы были столь обычным явлением, что их, по-видимому, даже удавалось приручать и использовать в качестве домашнего животного. Во всяком случае, если слоны Ганибалла произвели неизгладимое впечатление на римских легионеров, то крестоносцы подобным вещам уже не удивлялись, поскольку в их собственном войске имелись верховые драконы. И лишь впоследствии, когда драконы были практически истреблены, слово «драгун», первоначально означавшее «наездник на драконе», стало относиться к обычным кавалеристам.

К сожалению, античность и Средние века оставили лишь несколько легенд о таинственных чудовищах. Натуралисты древности обошли своим вниманием редкого зверя, и лишь начиная с эпохи Возрождения мы получаем о драконах сколько-нибудь ясное представление.

Исследователь, всерьез занявшийся драконологией, прежде всего сталкивается с проблемой классификации драконов. Дракон европейский решительно отличается от восточно-азиатского. Китайские и японские — драконы это либо духи дождя — безобидные существа, напоминающие лягушек, живущие в какой-нибудь луже и терпящие издевательства от всякого проходимца; либо нечто виртуальное, наподобие белого дракона, которого невозможно даже представить.

Дракон европейский всегда реален, крайне опасен и отличается дурным нравом. По прочим параметрам европейские драконы представляют самый обширный спектр свойств, что вынуждает вводить дополнительную классификацию.

Дракон западноевропейский — тот, что испытывает неодолимую тягу к золоту и прекрасным девушкам. В отличие от своего восточноевропейского коллеги он не умеет дышать огнем и... не летает. То есть, конечно, изве-

стно, что он откуда-то ПРИЛЕТЕЛ, порой у него даже есть крылья, однако, он ими практически не пользуется, а битва с драконом ВСЕГДА происходит на земле. Более того, если верить Барбаре Хембли, то убить дракона можно, лишь бросившись на него сверху. Отметим, что странное явление летающе-нелетающего дракона никем и никогда не исследовалось.

Вторая странность, отличающая западноевропейского дракона: они не едят и не размножаются. То есть, никто и никогда не видел новорожденного драконыша, и никто не застал дракона за едой. Все свободное от похищения принцесс время дракон проводит охраняя или преумножая свои сокровища, а девиц похищает или вымогает для каких-то ритуальных целей, ибо они с редкостным постоянством остаются живы-здоровы.

Отметим также, что западноевропейский дракон не слишком велик, он не может закрыть собой полнеба, его явление опасно, но не апокалиптично. Георгий Победоносец (типичный образчик рыцаря) прободил дракона, сидя верхом на коне, ударом опущенного копья, то есть зверь был не более полутора метров в холке. Возможно, святому попался не слишком крупный экземпляр, но вряд ли даже самый огромный западноевропейский дракон превышал в холке два с половиной метра.

Дракон восточноевропейский куда основательней и менее фантастичен, нежели его западный собрат. Это вполне конкретная зверюга, летающая, плюющаяся огнем и весьма прожорливая. Если франкский рыцарь сам атакует дракона, лежащего на земле, то славянский богатырь вынужден отбивать наскоки змеи поганой, которая находится в воздухе. Полон, который змея поганая захватывает в русских землях, нужен ей исключительно в пищевых целях. В том, что человечина заготавливается в живом виде, нет ничего удивительного, аналогично поступают некоторые виды ос, парализующие, но не убивающие пойманных гусениц.

Что касается многоголовости, часто встречающейся в славянских легендах, то еще пан Станислав Лем доказал, что многоголовый дракон реально существовать не может по причинам скорее психологического, нежели физиологического характера. Откуда же тогда взялись бесконечные упоминания о трех- семи- и такдалееголовых драконах? Объяснений подобному феномену существует несколько.

Во-первых, очевидцы, описывающие внешний вид змеи поганой, могут принять за голову какой-либо другой орган, головой не являющийся. В частности, известно, что у змеи имеются такие конечности, как хобот («А уж я тебя, Добрыню, в хобота возьму...»). Если на конце этого «хобота» наличествует хотя бы незначительное разрастание, его уже легко принять за голову. Любопытно отметить, что хобота присутствуют у змеи во множественном числе, так что это явно не разросшаяся верхняя губа, как у слонов, а нечто вроде подвижных щупалец. Из наземных животных такими обладает, скажем, медведка или некоторые виды пауков.

Другое возможное объяснение феномену многоголовости заключается в том, что наблюдатель видит не одного, а несколько драконов. Как известно, дракон восточноевропейский прекрасно размножается. Приезжий богатырь возле логова змеи первым делом топчет малых змеенышей и лишь затем начинает битву с драконом. (В том, что новорожденные дракончики еще не умеют летать, нет ничего удивительного.) Довольно большое количество живых существ (те же пауки или клоп-водомерка) не бросают подрастающее поколение на произвол судьбы, а носят его на собственной спине. Если на спине у восточноевропейского дракона будет сидеть штук шесть его детенышей, то стоящий на земле наблюдатель увидит нечто с семью головами. Думаю, что у него не найдется ни времени, ни желания рассматривать картину более подробно. Драконоборец, конечно, мог бы определить, что его противник не один, но, по-видимому, змея поганая, нагруженная детьми, не склонна ввязываться в сомнительные битвы, а ведь именно ей принадлежит инициатива сражения.

Заманчиво было бы основать классификацию драконов по цвету и свойствам крови. Кровь дракона восточноевропейского всегда черная. Она неядовита (герой иногда трое суток стоит по горло в змеиной крови), а также не смешивается с водой (Мать-сыра-земля не впитывает кровь, и та, в конце концов утекает в трещину, пробитую копьем). Кровь западноевропейского дракона в лучшем случае причиняет ожоги, а чаще вызывает скорую и мучительную смерть. Согласно одним источникам, эта кровь зеленая, другие авторы утверждают, что она желто-оранжевая. Следует особо отметить, что драконья кровь никогда не бывает голубой. Таким образом можно сразу отбросить предположение, что драконы находятся в генетическом родстве с головоногими.

Итак, у нас набралось достаточно много фактов, чтобы самим начать выдвигать гипотезы. Я предлагаю вниманию просвещеннейшей публики следующее положение, которое собираюсь доказать: все предложенные классификации европейских драконов глубоко ложны, поскольку европейский дракон представляет собой один вид и, следовательно, дальнейшей видовой классификации не подлежит. Различия между драконами, которые мы находим в литературе, фактически являются лишь половыми признаками. Нетрудно заметить, что в этой системе дракон западноевропейский является самцом, а восточноевропейский — самкой.

Данное предположение объясняет все странности драконов и обладает предсказательной силой, что в естественно-научных дисциплинах является критерием правильности выдвинутой гипотезы.

Сразу становится понятным отсутствие детенышей у западного дракона и наличие их у восточного. Легко объяснима и разница в пищевой базе. Самка, которой надо вЫносить и вырастить большое количество детей, обязана питаться высококалорийной белковой пищей в то время как самец,

исполнивший свою функцию, может быть травоядным (подобно самцу комара) или вовсе лишен органов питания (некоторые пауки, паденки и т.д.). Любопытно отметить, что самка комара обладает хоботком, вернее, семью (!) хоботками, которых полностью лишен ее супруг.

Таким образом, перед нами вырисовывается следующая картина: где-то в области Карпатских гор происходит весеннее роение драконов. Оплодотворенные самки улетают на восток и там, в районе Дикого Поля устраивают гнездовья и выводят детенышей, выкармливая их кочевниками и людьми, захваченными в русских городах. Кстати, похищение княжеской дочери, которое часто встречается в былинах, представляет собой классический ответ самки, у которой погибли детеныши.

Обессиленные любовью самцы откочевывают на запад (оставаться возле подруг опасно, могут и сожрать), где становятся легкой добычей рыцарей. Также как трутни или самцы муравья, западноевропейские драконы после брачного полета не теряют крыльев, но уже не используют их по назначению. Именно так и объясняется нелетание, казалось бы, крылатых драконов.

То, что драконьи самки много крупнее самцов, также ничуть не удивительно, у большинства насекомых мы наблюдаем ту же картину.

Вполне разумно было бы предположить, что драконов-самцов гораздо больше, нежели самок. Такое предположение находится в согласии и с основными биологическими теориями, и с мифами разных народов. В таком случае, значительное количество западноевропейских драконов не могут удовлетворить свой половой инстинкт. У многих живых существ при этом меняется половая ориентация. Сексуально неудовлетворенный дракон начинает воровать или вымогать женщин. Различия в анатомии людей и драконов столь велики, что пленницы оказываются для похитителя совершенно бесполезными, однако неумолимый инстинкт диктует свое, приближая тем самым гибель несчастного животного.

Немалым препятствием на пути побеноносного шествия новой теории оказывается неизученный вопрос о драконьей крови. В самом деле, у биологически совместимых существ кровь должна быть одинакова. Однако это возражение легко снимается, если мы предположим, что жидкость, изливающаяся из раны не обязательно является кровью. В конце концов, даже у Иисуса Христа из раны «изыди кровь и ВОДА». Если предположить, что самцы драконов были травоядны, то «зеленая кровь» вполне может оказаться полупереваренным содержимым желудка, отрыгнутым в минуту опасности. Именно так поступают некоторые виды кузнечиков, оплевывающие себя собственным желудочным соком. Конечно, чуть выше было сказано, что не сохранилось ни одного упоминания о том, что едят западноевропейские драконы, но если вдуматься, то ни малейшего противоречия здесь нет. Пасущийся дракон! — что может быть нелепее? Какой нормальный рыцарь

станет рассказывать о таком, даже если он наблюдал эту картину собственными глазами? В крайнем случае он соврет, описывая ужасного хищника. Много ли славы в том, чтобы завалить даже очень большую корову? Ведь библейский гиппопотам потерял все свое обаяние в ту минуту, как европейцы увидели его пасущимся (кстати, описание гиппопотама в Библиии гораздо больше напоминает дракона, нежели бегемота).

Ядовитая желто-оранжевая кровь может быть как реальной кровью, так и иной физиологической жидкостью. В конце концов, желто-оранжевая (и ядовитая!) кровь имеется у вполне обычных божьих коровок.

Отдельного разговора заслуживает ядовитость драконьей крови, ибо она проливает свет на многие странности в поведении дракона-самца.

Из литературных источников известно, что не только кровь дракона ядовита, но смертельно опасно и его дыхание (помним, что у восточноевропейского дракона дыхание огненное). Подобный феномен может наблюдаться, только если яд в крови дракона неорганического происхождения. Возможна еще синильная кислота, но она пахнет горьким миндалем, а этот запах слишком хорошо известен европейцам, чтобы о нем не упомянули летописцы. Да и зловонным запах горького миндаля назвать трудно, а все авторы без исключения сходятся на том, что дыхание чудовища зловонно. Таким образом ядовитым началом в крови западноевропейского дракона могут быть лишь соединения серы — сероводород и меркаптаны, либо мышьяка — арсин и его производные.

Здесь мы сталкиваемся с новым затруднением: в растительной пище чрезвычайно мало серы и практически вовсе нет мышьяка. Следовательно, дракон, испытывающий нужду в этих минералах, начнет их искать.

Основными геологическими породами, содержащими серу, являются пирит и халькопирит, мышьяк встречается почти исключительно в виде аурипигмента. Отличительной особенностью всех трех минералов является ярко-желтый металлический блеск. Аурипигмент в переводе на русский язык, означает — золотая краска. Пирит и халькопирит русские рудознатцы называли лягушачьим золотом. Неудивительно, что огромный подслеповатый зверь, рыскающий по ущельям и пропастям в поисках вкусных камушков, нередко ошибался. Вернувшись в логово и попробовав находку на вкус, он убеждался, что вместо вожделенного халькопирита ему попался кусок золота. Брошенные слитки и самородки постепенно устилали дно пещеры, порождая множество слухов и побуждая алчных человечишек к охоте на одинокого зверя.

Таким образом мы объяснили все прежде необъяснимые странности в поведении западноевропейского дракона. Теперь перейдем к дракону восточноевропейскому, которому народная мудрость правильно дала женское имя: змея поганая.

Если всмотреться в свойства змеепоганской крови, то легко заметить удивительный факт: она необычайно похожа на нефть. Она черная, густая,

неядовита и не смешивается с водой. Однако, нефть явно не может быть кровью, то есть переносчиком кислорода. Скорее всего, у самки дракона такая же желто-оранжевая кровь, что и у самца, просто во время битвы ее невозможно заметить под толстым слоем нефти. К тому же, следует учесть, что кровь быстро впитывается во влажную землю. Вероятно, кровь драконьей самки менее ядовита, чем у самца, поскольку змее поганой некогда рыскать в поисках минерального сырья, тем более, что огненное дыхание оказывается достаточно хорошей защитой.

Нетрудно догадаться, зачем организму дракона нужна нефть, и где драконы пополняли ее запасы. С древнейших времен в районе Апшерона источники нефти выходили на поверхность. Нефть скапливалась в лужах и озерцах, и драконихи из задонских степей слетались туда на нефтепой. Осторожно втягивали черную жидкость, сыто отдувались, стараясь не рыгнуть пламенем, не поджечь ненароком драгоценный источник. Затем расправляли крылья, делали над побережьем Каспия прощальный круг и брали курс на север. В раздувшемся зобу утробно урчала огнедышащая железа, ровным пламенем сгорала в ней нефть, горячий воздух наполнял пустоты огромного драконьего тела, позволяя ему держаться в воздухе.

Возможно, эта картина слишком поэтична, но будь иначе, драконы просто не могли бы летать. А так они сутками парили в воздухе наподобие первых монгольфьеров. Защитная функция огнедышащей железы оказывалась, таким образом, вторичной, хотя ее значение от этого ничуть не уменьшалось. В нужную минуту гладкая мускулатура нефтяного резервуара выбрасывала сквозь форсунку горла воздушно-капельную смесь, огнедышащая железа срабатывала вместо запальника и змея превращалась в живой огнемет. Струя пламени, вероятно, достигала сотни метров и эффект от нее был потрясающий.

Впрочем, всякий специалист по вооружению авторитетно скажет, что сама по себе горящая нефть не столь уж и опасна. Ее действие будет куда страшней, если добавить загуститель, обратив нефть в разновидность напалма. К сожалению, в наших краях не растет ни гевея, ни кок-сагыз — из всех каучуконосов можно отыскать лишь одуванчик, а это слишком ничтожное растение, чтобы его принимать в расчет. Однако и здесь пронырливая эволюция нашла выход.

Старинные хроники донесли к нам рассказы об ужасном оружии византийцев — греческом огне. По всем свойствам это варварское оружие напоминало напалм. Принято считать, что секрет греческого огня утерян. Это не так, просто секрет оказался слишком чудовищен, чтобы громко говорить о нем. В качестве загустителя в греческом огне использовался человеческий жир. Эта субстанция не дает нефти растекаться тонким слоем по воде, она очень сильно горит и безусловно прилипает к человеческой коже, в результате чего становится невозможно сбить пламя.

Этот же, с позволения сказать, «загуститель» использовали для генерации огня драконы. Вот почему змея поганая не удовлетворялась стадами сайгаков и джейранов, а с редкостным упорством продолжала летать на русские города, предпочитая, кстати, худосочным чернавкам жирномясую Забаву Путятичну.

Кстати, основной причиной практически полного исчезновения драконов стала вовсе не деятельность рыцарей, отстреливавших отработанный массив самцов, а техническая революция, в результате которой около двух веков назад исчезли открытые нефтяные месторождения. Драконы были вынуждены грабить керосиновые лавки, а это, прямо скажем, не способствует увеличению популяции.

Некоторым неискушенным в биологии читателям может показаться сомнительной «схема работы огнедышащей железы». Слишком уж она напоминает машину: термостойкая камера с постоянно горящим запальником, форсунки, газо-капельная смесь... Однако биолог с легкостью докажет, что в природе встречаются куда более изощренные системы. Взять хотя бы жука-бомбардира. В его теле также имеется реакционная камера и целых ДВЕ железы. Одна вырабатывает гидрохинон, другая — раствор перекиси водорода. Активные жидкости смешиваются в реакционной камере, немедленно начинается экзотермическая реакция, температура смеси поднимается до ста десяти градусов, и вскипевшая вода выбрасывает смесь из тела жука за мгновение до неизбежного взрыва. Казалось бы, надежность такой системы близка к нулю, однако, еще не было случая, чтобы жук дал осечку или погиб от преждевременной вспышки. Огнедышащая железа дракона по сравнению с этой системой кажется детской игрушкой.

Таким образом, нами раскрыты все тайны жизни драконов, а также тайна их гибели. Однако возможности настоящей теории не ограничиваются объяснением известных фактов. Гипотеза становится теорией только если она обладает предсказательной силой.

Вспомним, что тема работы сформулирована следующим образом: «К вопросу о классификации европейских драконов». Мы, же покуда сумели доказать, что европейские драконы относятся к одному виду и ни слова не сказали о том, к какому отряду, семейству и классу может относиться этот вид.

В первую минуту вопрос кажется несущественным, а ответ на него очевидным. С древних времен драконы считались рептилиями. Остается вспомнить, что китообразные с тех же самых времен считались рыбами, и очевидность ответа рассеется дымом.

Итак, к какому же классу живых существ следует отнести драконов?

В качестве примеров, доказывающих принципиальную правильность наших умозаключений были упомянуты осы, медведка, пауки, водомерка, комары, пчелы, муравьи, кузнечики, божья коровка, жук-бомбардир... Что

же получается? Дракон — насекомое? Правда, еще был упомянут Иисус Христос... Автор далек от мысли считать Христа насекомым, а вот о принадлежности драконов к классу членистоногих поговорить следует.

Начнем от противного. Достаточно взять лупу и взглянуть на любое шестиногое существо, и мы увидим дракона. Вот только размеры подкачали. Хотя, если вдуматься, что мешает насекомым вырасти до размеров хорошего динозавра? В первую очередь — дыхание и неудобная гидравлическая мускулатура. Воздуха, который самотеком проходит через, трахеи достаточно, чтобы снабдить кислородом стрекозу, но не Змея-Горыныча. Единственный способ обойти это препятствие — создание мощного компенсаторного механизма, который резко усилит приток воздуха сквозь внешние дыхальца. В печке такой поддув осуществляется с помощью пламени. Вот в чем секрет огненных драконов! Огнедышащая железа оказалась на редкость многофункциональной. Использование пламени в качестве не только оружия, но и движителя — побочная функция изобретательной природы. Основной смысл огненного дыхания в дыхании.

Маломощные самцы, лишенные нефтяной подпитки, вынуждены были обходиться более сложным компенсаторным механизмом. Необходимую тягу в трахеях создавало каталитическое окисление меркаптана и арсина до сернистого газа и мышьяковистого ангидрида. Эти вещества еще более усиливали зловоние вокруг драконьего логова. Вряд ли человек мог сколько-нибудь долго дышать в подобной атмосфере, но без этой атмосферы не мог бы дышать дракон.

Ну а гидравлическая мышца была и остается слабым метом любого дракона. Всякий драконоборец знает: достаточно пробить несокрушимую броню (хитин?), и движения дракона замедлятся, станут беспорядочными, и победа над ним будет лишь вопросом времени.

Несложно предвидеть, что данная статья вызовет негодование в кругах людей, далеких от естественных наук.

— Дракон! — воскликнет филолог, — это же вселенский символ, это чудовище! А что есть насекомое? Сплошная нечувствительность, эфемерида... на булавку — и в коллекцию!..

Я не стану спорить с этими людьми, лишь напомню, что в сказках Верховины, то есть тех краев, где роятся драконы, герой драконоборец Покатигорошек просит кузнеца сковать ему оружие... из булавки.

Выводы, если угодно, делайте сами.

И, наконец, последнее. Уже много лет как не появляется свежих сообщений о драконах. Никто не собирает кладов, не ворует анемичных француженок и разжиревших россиянок. Неужели драконы вымерли, став еще одной могилой на безжалостном пути прогресса? Очень не хочется в это верить. И я надеюсь, что где-то среди непроходимых Карпатских круч все-таки сохранились титаны из мира насекомых. Самцы-драконы уже не миг-

рируют на запад, а покорно погибают, дабы послужить пищей своим детям, и самки не откочевывают в давно распаханные степи. Человеческая алчность выбрала с поверхности руду, загубила дарующие жизнь нефтяные источники. Где уж тут летать по поднебесью, не задохнуться бы, не умереть от бескормицы. Если еще не поздно...

По счастью, через территорию Западной Украины проходит несколько крупных нефтепроводов. И я с тихой радостью слышу, как время от времени российская пресса начинает кричать о том, что на территории Украины нефть бесследно исчезает. Безответственные журналисты обвиняют в краже братский украинский народ. А я, слушая эти бредни, представляю, как прокрадываются к трубопроводу последние уцелевшие драконы, дрожащей лапой отворачивают кран, припадают иссохшими губами к дарящей жизнь струе...

Значит, еще есть надежда. И я призываю, пока не случилось непоправимого, устроить вдоль трасс крупнейших нефтепроводов специальные поилки для драконов. Расходы на их содержание и потерю нефтепродуктов можно списать по статье «Природоохранные мероприятия». И тогда вновь над просторами нашей родины закружат прекрасные огненные существа, и русский пейзанин, оторвавшись от сохи и взглянув в небо, промолвит:

— Что-то драконы разлетались. Никак, к дождю.

Ф.СП

Министерство связи Российской Федерации
«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал 38429 (индекс издания)

Звездная дорога
(наименование издания)

Количество комплектов:

на год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ПВ место литер

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на газету / журнал (индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость	подписки	____ руб.	Количество комплектов:
	переадресовки	____ руб.	

на 19 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

Изд. объед. «Комус» (095) 924-07-49 *«Принт» 60 - 20 млн.*

Дорогие читатели!

Нет надобности упоминать все преимущества приобретения изданий, подобных нашему, по подписке. Однако все же остановимся на следующих важных аспектах:

*1. Вы **гарантированно** получаете все номера журнала, что в нашем случае немаловажно, поскольку часто мы печатаем крупные произведения с продолжением.*

*2. Вы оказываетесь **застрахованны** от колебаний цены за каждый номер, а в наше время эти колебания, к сожалению, могут быть только в сторону ее увеличения.*

*3. Вы **избавляетесь от необходимости** бегать по всей Москве в поисках очередного номера по розничным точкам распостранения печатной продукции.*

Рады уведомить вас, что уже этой осенью, вы сможете найти нас в объединенном подписном каталоге т.1, в рубриках:

«Детектив.Фантастика.Приключения.Мистика» «Научно-популярные издания» «Литературно-художественные издания» наш подписной индекс ***38429.***